

А. А. Пороховский

**БОЛЬШОЙ
БИЗНЕС:
ПУТЬ
К
ГОСПОДСТВУ**

А. А. Пороховский

БОЛЬШОЙ БИЗНЕС: ПУТЬ К ГОСПОДСТВУ

(ИМПЕРИАЛИЗМ И ТОВАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ)

МОСКВА
"МЫСЛЬ"
1985

ББК 65.011.7

П59

РЕДАКЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:

д-р экон. наук *ФАМИНСКИЙ И. П.*,
д-р экон. наук *МОТЫЛЕВ В. В.*

П $\frac{0603000000-066}{004(01)-85}$ 95-85

© Издательство "Мысль". 1985

ВВЕДЕНИЕ

Большой бизнес... Не проходит и дня, чтобы радио или телевидение, газеты или журналы не принесли нам новые свидетельства погони большого бизнеса — гигантских монополистических объединений за максимизацией прибылей, за расширением и упрочением своего господства во всех уголках капиталистического мира. В глазах трудящихся всей земли большой бизнес стал олицетворением нещадной эксплуатации труда и природы, неокOLONиалистского угнетения народов развивающихся стран, оплотом реакционности и милитаризма.

Между тем прошло уже более века с тех пор, как появились первые капиталистические монополии, как заявил о себе большой бизнес. Столь длительное господство большого бизнеса неизбежно привело к значительным изменениям в производственных отношениях капитализма, к возникновению новых явлений и тенденций в их развитии. Особенно насыщенными оказались 70-е и 80-е годы. Мировые экономические кризисы 1974—1975 и 1980—1982 гг. вновь со всей очевидностью обнажили антинародную, эксплуататорскую сущность большого бизнеса. В годы кризисов рост прибылей монополий сопровождался невиданными прежде размерами безработицы, незатухающей инфляцией, огромным числом банкротств, резким обострением межимпериалистических противоречий, активизацией реакционных сил. "Вместе с тем, подчеркивая историческую обреченность современного капитализма, — отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко, выступая на заседании Комиссии ЦК КПСС по подготовке новой редакции Программы КПСС 25 апреля 1984 г., — необходимо учитывать, что и в условиях своего общего кризиса он все еще обладает немалыми, далеко не исчерпанными резервами развития"¹.

Проследить путь большого бизнеса к господству, а также обнаружить процессы, лежащие в основе происходящих изменений в системе производственных отношений, можно лишь при исследовании эволюции коренных черт капиталистического способа производства. Методологический принцип такого подхода к рассмотрению многообразия экономической жизни буржуазного общества четко сформулировал В. И. Ленин: "...кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя "натывать" на эти общие вопросы"².

Таким общим вопросом в политико-экономическом исследовании господства большого бизнеса являются место и роль товарных отношений. Как империализм, так и капитализм опираются на товарное производство, эволюция которого в той или иной степени обуславливает или отражает новые явления и тенденции в государственно-монополистической экономике. Поэтому главная цель настоящей работы — исследовать и показать, каким образом большой бизнес воздействует на механизм функционирования капиталистической экономики, какое место занимают и какую роль играют товарные отношения в системе монополистического капитализма.

В марксистской литературе пока еще нет специальной работы, посвященной изучению теоретических и методологических вопросов о роли и месте товарных отношений при империализме. Отдельные стороны этой проблемы затрагиваются почти всеми советскими авторами, анализирующими современный капитализм³. Вот почему в настоящее время назрела необходимость рассмотреть взаимосвязь новых явлений и тенденций с сущностными процессами, во многом характеризующими товарными отношениями. При этом ключевое значение приобретает анализ обусловленного растущим обобществлением производства и господством большого бизнеса подрыва товарного производства и развития "монополистической плановости" как реализации при империализме основного экономического закона капитализма. В свою очередь эти явления в конечном счете определяют рост реакционности империализма и его исторически преходящий характер.

Ядром системы господства большого бизнеса выступает капиталистическая монополия, возникновение и развитие которой пронизывает всю структуру производственных отношений капитализма. Рынок продолжает оставаться одним из важнейших признаков и индикатором товарного хозяйства, капиталистической экономики в целом. Вместе с тем немалая роль в монополистическом хозяйствовании принадлежит буржуазному государству. Именно историческое и логическое исследование взаимодействия и взаимосвязи данных явлений и категорий предопределило структуру настоящей работы.

Автор предпринял попытку проанализировать указанные явления через призму товарных отношений. Рассмотрение реального процесса капиталистического обобществления представляет собой прямой путь к изучению современного состояния подрыва товарного производства при империализме, вывод о котором В. И. Ленин сделал еще в 1916 г. Ленинская методология исследования данной проблемы дает четкие ориентиры в рассмотрении материальной основы, содержания и форм подрыва товарного производства. Важнейшим инструментом господства большого бизнеса становится "монополистическая плановость", выступающая как выражение и результат изменения роли и значения товарных отношений

при империализме. Развитие "монополистической планомерности" в системе капиталистического товарного хозяйства потребовало изучения взаимосвязи товарности и "монополистической планомерности", характера монополистического присвоения, исторического места, границ и социальной роли "монополистической планомерности".

Марксистский анализ современного капитализма убедительно показывает, что не может быть стабильности буржуазного общества ни на основе рынка, захваченного монополиями, ни на основе монополистического регулирования, ни на конгломерате того и другого. К подобным выводам приходит все больше и буржуазных исследователей, не на шутку обеспокоенных ростом кризисных явлений в капиталистической экономике и безуспешно пытающихся найти рецепты во что бы то ни стало спасти капитализм⁴. Причем нередко в таких вынужденных признаниях явно обнаруживаются давно вскрытые и проанализированные марксистско-ленинской политической экономией процессы и противоречия.

И хотя расширение господства большого бизнеса прямо связано с подрывом товарного хозяйства, с подрывом рыночных отношений в их политико-экономическом значении, для сохранения власти монополий пришлось, как писал западногерманский специалист К. Циммер, отказаться на Западе "от слова "капитализм" и вместо него взять название "рыночное хозяйство". Это изгнание слова "капитализм" из западного лексикона — самое чудодейственное явление после 1948 г. Массы уже нельзя было воодушевить ничем, что слишком пахло "эксплуатацией", "жаждой прибыли", "детской кровью" — вот так вместо слова "капитализм" и появилось выражение "рыночное хозяйство"⁵.

Апологеты монополий, манипулируя понятиями, тщетно пытаются убедить трудящихся, что большой бизнес якобы способствует расцвету "рыночного хозяйства", где остаются незыблемыми буржуазные свободы. Однако стремление магнатов капитала приспособиться к новым условиям неизбежно ведет как раз к усилению реакционности империализма, который на место свободной игры рыночных сил, "равных возможностей", "свободного предпринимательства" поставил диктат монополий, поддерживаемый буржуазным государством. Подрыв товарных отношений и развитие "монополистической планомерности", переплетение в противоречивом узле монополии, рынка и государства, с одной стороны, товарности и "монополистической планомерности" — с другой, как раз и обуславливают расширение экономической основы усиления реакционности империализма.

Как известно, в последние годы, столкнувшись с кризисом государственно-монополистического регулирования экономики, империалисты ряда стран стали искать выход из создавшегося положения в резком ограничении экономической

активности государства. Путем "восстановления" силы рынка и конкуренции они пытаются оживить экономику, добиться ее динамичного роста. Олицетворением подобной экономической политики буржуазного государства стали "рейганомика" в США и "тэтчеризм" в Великобритании. Внешне дело представляется так, как будто государственно-монополистический капитализм, надеясь на продление своего существования и преодоление накопившихся противоречий, стремится приостановить или даже повернуть вспять процесс подрыва товарно-рыночных отношений. Вот почему особую актуальность приобретает исследование объективных закономерностей роста обобществления производства и изменения механизма функционирования капиталистической экономики, а также роли и места экономической деятельности государства в этом механизме.

В системе господства большого бизнеса получают развитие отношения экономической зависимости, прямо не связанные с товарными отношениями. Как свидетельствует капиталистическая действительность и показывает проведенный анализ, одновременно с процессом подрыва воспроизводится вся обстановка товарного хозяйства, без которого монополии, буржуазное государство и капитализм вообще существовать не могут. Капиталистический способ производства на всех стадиях своего развития представляет собой систему товарного хозяйства. Однако, ограничивая товарные отношения в сфере своего господства, большой бизнес развивает "монополистическую плановость" как орудие жестокой эксплуатации трудящихся, как современное средство еще большего подчинения труда капиталу.

В тех случаях, когда в книге идет речь о характере связей внутри монополий и когда современные данные подтверждают возникшие ранее тенденции развития внутрифирменных отношений в монополистических гигантах, автор счел возможным не повторять аргументацию, уже приведенную в его монографии "Экономические отношения в монополистических объединениях" (М., 1979 г.). Главное внимание в данной работе обращено на отношения между производителями в экономике в целом. Путь к господству большого бизнеса — это путь монополистического диктата и обострения социальных противоречий. Это путь, воочию свидетельствующий об исторической обреченности капитализма и неотвратимости смены его новым общественным строем.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ГОСПОДСТВА БОЛЬШОГО БИЗНЕСА

1. Капиталистическая монополия — ядро системы

Анализ системы господства большого бизнеса обязательно включает исследование капиталистических монополий, возникновение и развитие которых ознаменовало переход капитализма к его высшей и последней стадии — империализму. Выделяя наиболее существенную черту империализма, В. И. Ленин подчеркивал: "В экономической монополии — все дело"¹. Появление монополий означало возникновение в системе производственных отношений капитализма новых отношений: с одной стороны, отношений, выражающих воздействие монополии на все экономические и социальные процессы буржуазного общества, а с другой — отношений, выступающих как объективный результат развития производительных сил и обобществления производства.

Изучение содержания новых отношений предполагает вычленение, во-первых, тех моментов, которые обусловлены коренными чертами данного способа производства и определяют генетическую взаимосвязь обеих стадий капитализма; во-вторых, тех моментов, которые выражают приспособление капитализма к новым условиям и использование методов хозяйствования, вытекающих из растущего общественного характера производительных сил. Произвести такое вычленение, анализируя современные данные, можно лишь на основе изучения развития исторических форм капиталистических монополий, когда начали закладываться тенденции эволюции монополистических объединений и появились методы обеспечения господства большого бизнеса в экономике.

Природа капиталистической монополии не изменяется от усложнения организационных форм монополистических объединений. Современные монополии в своей основе характеризуются такими же отношениями, которые возникли еще в начале процесса монополизации капиталистического производства. По мере эволюции монополий не только происходило количественное увеличение размеров и изменение их роли в экономике, но и возникали отношения, отличающие каждую последующую от предыдущих форм монополистических объединений. В результате система производственных отношений усложнялась, все больше маскируя свои сущностные черты. Вот почему представляется необходимым проанализировать эволюцию капиталистических монополий с точки зре-

ния внутренних противоречий и товарных отношений, обуславливающих этот процесс, обращая внимание на изменения в механизме хозяйствования по мере появления высших форм монополистических объединений.

Возникновение первых монополистических объединений в капиталистической экономике сразу привлекло к себе внимание исследователей. Прежде всего это было вызвано тем, что монополия бросила вызов осуществлению принципов буржуазных свобод — "свободного предпринимательства", "свободной конкуренции", "свободного рынка", "свободного перелива капитала" и т. п. В "Капитале" К. Маркс на примере анализа механизма образования средней нормы прибыли и развития акционерного капитала показал материальную основу, причины и противоречия, обусловившие рождение капитализмом "искусственных", т. е. капиталистических, монополий. Известная характеристика монополистических процессов нашла отражение в документах социал-демократического движения того времени. В "Анти-Дюринге" и других произведениях Ф. Энгельс раскрыл взаимосвязь между ростом обобществления производства и его монополизацией, показал, каким образом изменяются отношения внутри и вне монополистических объединений по мере усложнения их форм.

Всесторонний анализ капиталистических монополий содержится во многих работах В. И. Ленина, посвященных исследованию империализма. Ленинская методология исследования и теория империализма служат для нас прочной основой и верным компасом в изучении современных явлений при государственно-монополистическом капитализме. Советские экономисты и ученые-марксисты других стран внесли большой вклад в исследование капиталистической монополии. Новые явления в концентрации и монополизации производства, современные формы монополистических объединений (тресты, концерны, конгломераты, различные международные монополии), процессы диверсификации, комбинирования и другие тенденции нашли широкое отражение в советской экономической литературе.

Все больше буржуазных экономистов обращаются к изучению концернов. Их работы дают богатый фактический материал для его политико-экономического осмысления.

Вместе с тем процесс эволюции капиталистических монополий, развитие монополистического капитала означают не только рост обобществления производства, но и изменение отношений как внутри, так и вне монополистических объединений. Поскольку все экономические отношения при капитализме имеют товарную основу, постольку представляется необходимым проследить, что происходит в сфере товарных отношений в ходе эволюции монополий вплоть до образования их современных форм. Менее всего оказался исследован-

ным вопрос о внутренних противоречиях развития форм монополистических объединений.

Первые капиталистические монополии появились в середине XIX в. С тех пор истории развития монополий известны такие формы, как пулы, ринги, картели, синдикаты, тресты, концерны, конгломераты, консорциумы. Формально те же названия имеют и международные монополии. Однако в мировом капиталистическом хозяйстве такие объединения означают качественно более высокий уровень монополизации по сравнению с национальными монополиями.

Материальной основой для возникновения монополий послужил определенный уровень концентрации и обобществления производства, которому соответствовал достигнутый уровень концентрации капитала. С материально-вещественной стороны первые монополии представляли собой крупные предприятия или объединения предприятий, возникавшие на договорный срок. Независимо от воли или желания капиталистов эти предприятия уже не могли функционировать при прежних условиях, когда свободная конкуренция представляла собой механизм движения и перелива капитала во всех сферах его приложения и на всех стадиях воспроизводства. Не случайно В. И. Ленин особо отмечал, что "превращение конкуренции в монополию представляет из себя одно из важнейших явлений — если не важнейшее — в экономике новейшего капитализма"². Поэтому "порождение монополии концентрацией производства вообще является общим и основным законом современной стадии развития капитализма"³.

Отсюда становится очевидным, что капиталистическая монополия выступает как высококонцентрированное производство и одновременно как новый тип отношений между производителями, который приходит на смену свободной конкуренции. Эволюция монополии не сводится только к усложнению ее организационных форм, а состоит в изменении содержания отношений как внутри монополистических объединений, так и в экономике в целом. Принимая во внимание всю условность любых схематических изображений общественного развития (ибо никакая схема не в состоянии показать взаимосвязи и взаимозависимости в таких процессах), возникновение капиталистической монополии все же можно представить таким образом:

1) конкуренция $\longleftrightarrow$ концентрация производства $\longleftrightarrow$ монополия (как форма производства);

2) конкуренция $\longleftrightarrow$ концентрация производства $\longleftrightarrow$ конкуренция $\longleftrightarrow$ монополия (как тип отношений).

Первая последовательность подчеркивает материально-вещественное происхождение монополии при решающем участии конкуренции как стимулятора концентрации производства. Вторая характеризует монополию как совокупность отношений, рожденных конкуренцией при достигнутом уров-

не концентрации производства. Поскольку в отмеченном развитии постоянно существует обратная связь (например, монополия воздействует на рост концентрации, а монополистический тип отношений переплетается с конкуренцией, усиливая ее), постольку в обеих последовательностях направление связей не может быть односторонним.

Для проведения исследования возникновения и эволюции монополистических объединений важно обратить внимание, на какие стороны в этом движении указывали Ф.Энгельс и В.И. Ленин, рассматривая формы монополий. Обобщая подготовительные материалы о формах капиталистической монополии, В.И. Ленин отмечал те отношения, которые складываются у картелей и синдикатов с другими предприятиями и потребителями в процессе обращения на рынке. И условия отпуска товара, и области сбыта, и количество продукции, и цены, и единое бюро продажи — все это категории, характеризующие реализацию товаров⁴. Если до появления монополий они образовывались вследствие свободной игры рыночных сил, то теперь картели, а затем и синдикаты стремятся подчинить формирование этих величин своему диктату.

Взросшая экономическая мощь позволила картелям и синдикатам диктовать свои условия рынку. Следовательно, возникновение первых форм монополий сразу привело к противоречию между резко возросшим объемом производства и прежними, стихийными условиями реализации. Разрешение нового противоречия стало возможным только путем изменения отношений в сфере обмена. Важно отметить, что уже первые формы монополистических объединений существенным образом повлияли на рыночный механизм капиталистической экономики. Смена свободной конкуренции монополией прежде всего произошла в сфере обращения. Именно через сферу обращения картели и синдикаты стремились экономически реализовать свое монопольное положение.

Такая форма экономической реализации монополии объективно вытекала из роли рынка — регулятора общественного производства. Полная независимость рынка сводила бы на нет преимущества крупного производства картелей и синдикатов. Отсюда стремление монополии создать для себя особые условия реализации, повлиять на стихийный процесс формирования соотношения сил на рынке, добиться преимуществ.

Однако, как правило, ни в картелях, ни в синдикатах существенных изменений в процессе производства не произошло. Временный характер картельных и синдикатских соглашений приводил к отсутствию стабильности в воздействии возникших объединений на рынок. Между тем у возникшего монополистического капитала стремление создать прочную материальную основу для постоянного получения монопольных прибылей было столь велико, что это обусловило коренные изменения в процессе производства. Все предприятия объеди-

нения стали частями единого целого — монополии. Теперь данные предприятия объединяло не соглашение, заключенное между капиталистами на определенный срок, а единый технологический процесс, подчиненный руководству объединения. Наступило время, когда и в процессе производства конкуренция уступила место жесткой регламентации связей между предприятиями. Такая форма монополий получила название треста, внутри которого железный закон пропорций сменил анархию в организации производства, а во всей экономике трест выступал как единый производитель независимо от количества входящих в него фабрик и заводов или других предприятий. В. И. Ленин определил трест как *"собственность на все предприятия"*, особо выделив его *"единую и абсолютную власть"*⁵.

Упрочив внутреннюю организацию, трест тем самым мог еще более воздействовать на условия реализации выпускаемой им продукции. Поскольку степень воздействия на внешние условия воспроизводства зависела все больше от прочности внутренней структуры объединения, постольку главной чертой отличия треста от предшествующих форм монополий стала организация его внутрифирменной деятельности. Именно эту сторону в функционировании монополистических объединений выделил Ф. Энгельс. Он, в частности, отметил, что *"в трестах свободная конкуренция превращается в монополию, а бесплановое производство капиталистического общества капитулирует перед плановым производством грядущего социалистического общества. Правда, сначала только на пользу и к выгоде капиталистов"*⁶. Такое положение приводит к тому, заключает характеристику внутреннего строя трестовских монополий Ф. Энгельс, что *"тут прекращается не только частное производство, но и отсутствие планомерности"*⁷.

Если до закрепления трестов в экономике существование картелей и синдикатов, а также формы экономической реализации их монопольного положения не отличались устойчивостью, то теперь возникла прочная производственная база для углубления и расширения влияния монополии, для постоянного, а не временного получения монопольной прибыли. Это стало возможным благодаря коренным изменениям в отношениях между предприятиями и другими звеньями треста. Появление трестов свидетельствовало также об окончательном утверждении закономерности формирования монополистической структуры буржуазной экономики, что неизбежно повлияло на отношения между всеми производителями в экономике и привело к монополистическому хозяйствованию.

В капиталистическом обществе конкуренция существует в различных видах в зависимости как от сферы действия, так и от контрагентов конкурентных отношений. На воспроизводство капитала значительное влияние оказывает конкуренция между капиталистами в сфере производства и обращения,

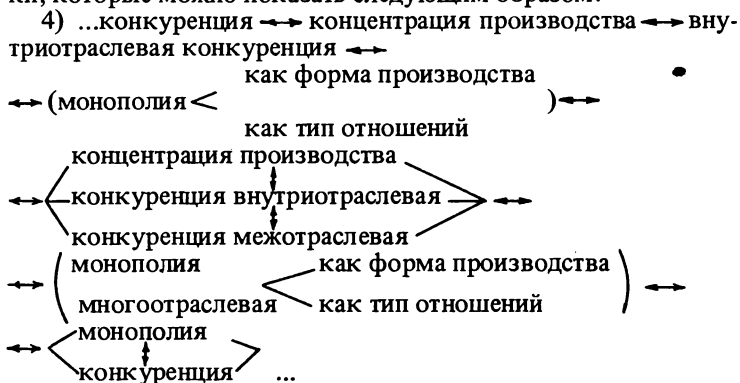
между торговыми капиталистами, между банкирами и т. п., одним словом, конкуренция за выгодное приложение капитала, за получение максимально возможной прибыли. Как уже отмечалось, первые формы монополий возникли из конкуренции между промышленными капиталистами. Причем смена конкуренции монополией произошла именно в процессе производства лишь внутри трестов. Тем самым исторически и логически еще раз подтвердился примат производства по отношению к другим сферам воспроизводственного процесса. Только с утверждением монополистических отношений в процессе производства в рамках трестов появилась возможность для распространения таких отношений и в другие области. Вместе с тем это означало, что возврата к конкурентным отношениям в условиях высококонцентрированного производства уже не могло быть. Это обстоятельство особо выделил В. И. Ленин. Он писал: "...чем быстрее идет развитие торговли и капитализма, тем сильнее концентрация производства и капитала, рождающая монополию. И монополии уже родились — именно из свободной конкуренции! Если даже монополии стали теперь замедлять развитие, все-таки это не довод за свободную конкуренцию, которая невозможна после того, как она родила монополии"⁸.

Важной особенностью указанного процесса является то, что рассмотренные формы монополистических объединений не выходили, как правило, за рамки отдельных отраслей. Одноотраслевой характер четко прослеживается и в тех монополиях, примеры которых приводит В. И. Ленин в своей книге "Империализм, как высшая стадия капитализма", а также в других работах, где рассматривались картели, синдикаты, тресты. И это не случайно. Дело в том, что, хотя между внутриотраслевой и межотраслевой конкуренцией существует тесная связь и в реальном процессе воспроизводства капитала они тесно переплетены, все же их функциональная роль, значение и влияние на ход концентрации производства и капитала, образование монополий различны. Конкуренция между производителями одной отрасли прежде всего вела к росту концентрации производства на отдельных предприятиях отрасли. Поэтому и картели, и синдикаты, и тресты родились не из конкуренции вообще, а из внутриотраслевой конкуренции. Данным обстоятельством, в частности, и обуславливался их первоначальный одноотраслевой характер. Если вновь обратиться к условному изображению последовательности возникновения монополий, то на данном этапе анализа его схема будет выглядеть следующим образом:

3) конкуренция ↔ концентрация производства ↔ внутриотраслевая конкуренция ↔
как форма производства -
↔ (монополия <) ...
как тип отношений

Таким образом, внутриотраслевая конкуренция, рождая монополию, не только приводит к появлению нового типа отношений, но и одновременно задает определенную форму отношений, определенную форму монополии. Поэтому возникшая монополия выступает в данном случае как противоречивое единство двух своих сторон: формы производства и типа отношений. Монополизировав производство, сосредоточив значительные массы капитала, тресты тем самым способствовали дальнейшей концентрации производства. В свою очередь концентрация позволила создать материальную основу для воздействия на производителей других отраслей и для проникновения в другие отрасли экономики. Иначе говоря, возникли материальные условия для рождения многоотраслевых монополистических объединений. Такие объединения получили названия концернов. Логически концерны родились из межотраслевой конкуренции, т. е. объединили в своем составе различные производства и функциональные службы, между которыми ранее существовали межотраслевые конкурентные отношения. В результате монополия в своих рамках внедрила новые отношения, обеспечивающие как ее внутреннее единство, так и огромную экономическую мощь.

Однако нельзя забывать, что, подобно тому как возникновение одноотраслевых монополий не означало полной монополизации отдельных отраслей и соответственно полной замены внутриотраслевой конкуренции в экономике, рождение многоотраслевых концернов привело к коренным изменениям отношений прежде всего в пределах его границ. Поскольку межотраслевая конкуренция характерна не только для отношений между производителями различных отраслей промышленности, но и для отношений между капиталистами различных сфер хозяйства, постольку в состав концернов включались промышленные, торговые предприятия, а также исследовательские учреждения. Итак, имеет место рост числа зависимостей в ходе монополизации капиталистической экономики, которые можно показать следующим образом:

В конце последовательности вновь показано взаимодействие между монополией и конкуренцией. Оно отражает наличие в экономике немонополизированных производителей, сохранивших между собой конкурентные отношения, а также существование конкуренции между самими монополистическими объединениями. Это придает особую остроту и противоречивость отношениям в буржуазном обществе на монополистической стадии развития капитализма.

Эволюция капиталистических монополий представляет собой многогранный, сложный процесс. Мы же рассмотрели его только как результат взаимодействия концентрации производства, конкуренции и монополии, основное внимание обратив на смену отношений конкуренции отношениями монополии, имея в виду, что "монополия есть прямая противоположность свободной конкуренции"⁹. Вместе с тем и на эволюцию монополий прямое влияние оказывает капитал. В условиях господства промышленного капитала уровень концентрации индивидуального капитала был недостаточным для образования даже первых форм монополий. Понадобилось объединение индивидуальных капиталов. Так возник акционерный капитал, который и составил основу для развития монополистических союзов.

Однако отсюда не следует, что любое акционерное предприятие становится монополией. Но акционерная форма капитала позволила преодолеть узкие рамки индивидуального капитала, тем самым открыв путь для роста концентрации производства и капитала под воздействием родившихся капиталистических монополий. Отмечая эту особенность акционерного капитала, К. Маркс подчеркнул, что "мир до сих пор оставался бы без железных дорог, если бы приходилось дожидаться, пока накопление не доведет некоторые отдельные капиталы до таких размеров, что они могли бы справиться с постройкой железной дороги. Напротив, централизация посредством акционерных обществ осуществила это в один миг"¹⁰. Развивающиеся производительные силы встретили преграду в ограниченности индивидуального промышленного капитала. На данном этапе общественного развития это противоречие разрешилось с появлением акционерного капитала.

Характерно, что и в начале XX в., и в нынешнее время абсолютное большинство продукции выпускается именно акционерными предприятиями. В США такие предприятия получили название корпораций. Как известно, В. И. Ленин привел данные о числе и роли корпораций в Соединенных Штатах в 1900 г. и в 1909 г. Как же обстоит дело с корпорациями теперь?

Данные табл. 1 показывают, что корпорации занимают доминирующее положение как в экономике в целом, так и в обрабатывающей промышленности страны. Понятно, что среди корпораций лишь немногие относятся к большому бизнесу.

Таблица 1. Корпорации в экономике
и обрабатывающей промышленности США

Годы	Корпорации		Наемный персонал		Величина продаж	
	тыс.	%	тыс.	%	млрд. долл.	%
	Вся экономика					
1972	1 625	32,3	40 723	88,9	1 764,3	88,5
1977	1 338	23,9	42 671	85,7	2 926,8	88,0
	Обрабатывающая промышленность					
1972	205,7	77,6	20 710	98,0	798,2	97,8
1977	179,6	60,7	20 750	94,5	1 349,5	95,7

Подсчитано по: 1972 Enterprise Statistics. General Report on Industrial Organization, Part I. Wash., 1977, p. 286, 288; 1977 Enterprise Statistics. General Report on Industrial Organization, 1981, p. 347, 349 (последние опубликованные данные по промышленной переписи США в 1977 г.).

Вычленение монополий из числа корпораций требует своего специального рассмотрения. Но уже можно сказать, что акционерный капитал сохранил свое важное значение в процессе эволюции отношений между производителями в капиталистической экономике. И хотя активы современных монополистических объединений не сводятся только к акционерному капиталу, его роль в финансировании монополий по-прежнему велика. Об этом свидетельствуют данные табл. 2.

Таблица 2. Акционерный капитал американских монополий
на 31 декабря 1983 г.

Монополии	Весь капитал, млрд. долл.	Акционерный капитал	
		млрд. долл.	%
"Экссон"	62,9	29,4	46,7
"Дженерал моторз"	45,7	20,7	45,3
ИБМ	37,2	23,2	62,4
"Дюпон"	24,4	11,5	47,1
"Форд мотор"	23,9	7,5	31,4
"Дженерал электрик"	23,3	11,3	48,5
ИТТ	13,9	6,1	43,9
"Оксидентал петролеум"	11,8	2,6	22,0
"Ксерокс"	9,3	4,2	45,2
"Боинг"	7,5	3,0	40,0

Подсчитано по: Fortune, 30.IV.1984, p. 180.

Указанные в табл. 2 монополии представляют самые разные отрасли промышленности. Отличаются они и концентрацией экономической мощи. Хотя на величину и долю акционерного капитала влияет множество факторов, нельзя не

заметить, что в основном доля акционерного капитала превышает 44%. Причем наибольшее привлечение акционерного капитала характерно для концернов, связанных с отраслями, определяющими научно-технический прогресс: "Интэрнэшнл бизнесс мэшинз" (ИБМ) — электронное машиностроение, "Эксон" — нефтехимия и энергетика, "Ксерокс" — средства хранения и размножения информации, "Дженерал электрик" — электротехника и энергетика, "Дюпон" — химическая промышленность, "Дженерал моторз" — автомобилестроение. Примечательно, что в 500 крупнейших промышленных концернах США доля акционерного капитала в 1983 г. равнялась в среднем 46%¹¹.

В ходе эволюции монополий капитал оказывал влияние не только на размеры объединений, но и на процессы, происходящие непосредственно в производительных силах. Такие явления, как специализация, кооперирование и комбинирование производства, вытекали как бы непосредственно из развития производительных сил и диктовались их растущим общественным характером. Однако стремление большого бизнеса обеспечить себе надежную материальную базу для проникновения в различные отрасли привело к широкому распространению диверсификации производства. С технической стороны диверсификация означает объединение в рамках монополии технически или технологически однородных или близких производств. С экономической стороны это форма монополистического господства, метод монополий добиваться стабилизации прибылей путем маневрирования выпускаемыми видами продукции. Поэтому диверсификация является порождением монополистического капитала. Добившись известной устойчивой связи по одному виду продукции в одноотраслевых компаниях, он пытается решить эту задачу в многоотраслевых объединениях. В настоящее время большинство монополистических объединений — диверсифицированные концерны. Возьмем, к примеру, некоторые из них.

Концерн "Юнайтед технолоджиз" в целом относится к машиностроительным фирмам. В общем объеме его выпуска аэрокосмическое оборудование, самолетные и ракетные двигатели, другие энергетические системы занимают 46%. На втором месте находится производство машин, оборудования, механизмов и приспособлений для строительной, автомобильной и других отраслей промышленности (43%). Оставшиеся 11% выпускаемой концерном продукции приходятся на полетные системы. Концерн "Теннеко" сочетает добывающую, перерабатывающую и обрабатывающую промышленность. Различные виды его деятельности в общем объеме производства распределяются таким образом: нефтедобыча и нефтепереработка — 31,5%, добыча газа и его доставка по газопроводам — 29,5, производство строительных и сельскохозяйственных машин — 12,6, судостроение — 8,3, выпуск материалов, частей и дета-

лей к автомобилям — 5,4, сельскохозяйственная деятельность, а также производство контейнеров, упаковочной тары — 5,8, химическое производство — 6,9%¹².

Если в концерне "Юнайтед технолоджиз" все виды деятельности имеют машиностроительную основу и в общем сходные технологические процессы, то в "Теннеко" сочетаются самые различные отрасли экономики. Такое расширение деятельности трудно назвать диверсификацией. Перед нами уже процесс конгломерации, когда в монополистическом объединении между различными отраслями существует лишь финансовое единство, рост централизации и монополизации капитала происходит без создания общей производственной базы. И хотя в целом, как свидетельствует история, конгломераты являются неустойчивыми и постепенно сужают сферу деятельности для создания более или менее производственного единства, концерн "Теннеко" сумел устоять во время экономического кризиса 1980—1982 гг. Опираясь на свою многоотраслевую стратегию, он получил в 1982 г. 819 млн. долл. чистой прибыли. По этому поводу в редакционной статье журнала воротил американского бизнеса "Фобс" было замечено, что "конгломерация может иметь смысл"¹³. Но далеко не всякому концерну "повезло" с конгломератными внедрениями.

Как известно, само возникновение финансового капитала вызвано образованием и развитием капиталистических монополий. Между тем диверсификация и особенно конгломерация отражают обратное влияние финансового капитала на монополизацию капиталистической экономики, на расширение господства большого бизнеса. Становится очевидным, что многоотраслевой характер монополий также обусловлен движением финансового капитала. Это воочию доказывает тот факт, что, несмотря на объективность возникновения и развития монополий, смена отношений конкуренции отношениями монополии не выступает самоцелью, а подчинена действию основного экономического закона капитализма, стремлению монополистического капитала получать прибыль во всевозрастающих размерах. Поэтому в условиях господства финансового капитала последовательные формы монополистических объединений выступают как своеобразные этапы в производстве и присвоении монопольной сверхприбыли.

В процессе эволюции монополий главная цель — максимизация прибыли и основное средство достижения этой цели — эксплуатация трудящихся остаются неизменными. Но изменяются формы и методы эксплуатации путем совершенствования средств производства, изменения форм организации производства, замены внутри объединений конкурентных отношений, отношений анархии регулируемые отношениями.

Рожденная капитализмом, монополия в своем развитии находится под воздействием экономических законов и противоречий капиталистического способа производства. Изучение

монополистических объединений показало, что по мере возникновения новых форм монополий не ослабевает и общее противоречие между производительными силами и производственными отношениями. С одной стороны, изменяются средства производства, используются новые материалы и технологические процессы, обновляются источники энергии, происходит рост общественного характера производительных сил. С другой стороны, развитие производительных сил, создавая материальную основу, вынуждает капитал приспосабливаться к этим процессам путем образования новых форм акционерного и финансового капитала. Это неизбежно влияет как на организационные формы монополий, так и на характер отношений внутри монополий, на формы экономической реализации ими своего положения.

Капиталистическая природа монополии неразрывно связана с основным законом и основным противоречием капитализма. Проявления основного противоречия выступают как движущее начало в развитии монополистических объединений. Постепенно при переходе от простых к сложным формам объединений укрепляется организованность и регламентирование внутрифирменной деятельности, в то время как в общественном производстве анархия набирает еще большую разрушительную силу. Стремление разрешить противоречие между производством и потреблением толкает монополии на установление прямых связей с потребителями их продукции. Немалые силы направляет монополистический капитал на объединение усилий против растущей сплоченности рабочего класса. Будучи не в состоянии разрешить противоречие между трудом и капиталом, монополии пытаются сгладить социальные конфликты, убедить трудящихся якобы в общности интересов монополий и людей труда.

Как видно, закономерности и противоречия капитализма вообще находят свое выражение в эволюции монополистических объединений. Между тем этому процессу свойственны противоречия, которые возникли с появлением монополии и которые воздействуют прежде всего на внутреннюю структуру объединений, развитие их организационных форм. Наиболее общее такое противоречие — противоположность между свободной конкуренцией и монополией, которая приводит к противоположности между товарными и планомерными отношениями, между звеньями монополистических объединений. В связи с расширением границ применения наемного труда в монополиях особую значимость приобретают противоречия между управляющими и рабочими, между хозяевами концернов и управленческим персоналом, а также между различными группами управляющих. Поскольку монополии стремятся держать под своим контролем весь цикл воспроизводства капитала, постольку неизбежно возникает противоречие между различными фазами воспроизводства, а также

между теми звеньями объединения, в функции которых входит обеспечение деятельности этих фаз. Простое упоминание, а также разбор лишь некоторых противоречий развития форм монополий ясно показывают, насколько сложен и противоречив данный процесс¹⁴.

Таким образом, современное монополистическое объединение, весь диалектический процесс его возникновения и развития включают в себя целую группу противоречий, которые постоянно воспроизводятся, тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Среди этих противоречий выделяются своей значимостью противоречия между конкуренцией и монополией, между промышленным и финансовым капиталом, между концентрацией и монополизацией производства, между максимизацией прибыли и обобществлением производства, между товарными и планомерными отношениями. Каким бы образом ни соотносились указанные противоречия, какими бы путями они ни разрешались и ни углублялись, во всех случаях достигнутый монополиями уровень обобществления производства служит частным интересам магнатов капитала, направлен на максимизацию монопольной прибыли. Это пронизывает деятельность всех монополистических объединений и является их конечной целью. Этому служит вся система господства большого бизнеса, ядром которой выступает капиталистическая монополия.

Подобно тому как капиталистические производственные отношения охватывают мировое капиталистическое хозяйство, развитие монополий не завершается и не может завершиться только в рамках национальных экономик. Ареной действия большого бизнеса становится мировое капиталистическое хозяйство. Расширение сферы деятельности монополий неизбежно придало им международный характер. Но сам процесс образования международных монополий имеет ряд особенностей по сравнению с развитием национальных объединений. В основе процесса лежит интернационализация хозяйственной жизни, расширяющая материальную основу системы господства большого бизнеса.

Анализ противоречий развития капиталистических монополий позволил выявить те отношения, которые составляют систему монополистического господства как бы в чистом виде, предопределяют ее специфику. Поскольку же и в условиях современного капитализма монополистические объединения существуют наряду с другими многочисленными производителями, постольку система господства большого бизнеса в целом включает и те отношения, которые свойственны всем контрагентам производственных отношений современного буржуазного общества.

2. Сфера влияния — мировое капиталистическое хозяйство

Большой бизнес не признает пределов для своего роста. Безграничный рост размеров производства — один из законов капитализма. Анализируя действие этого закона, В. И. Ленин отмечал, что "капиталистическое предприятие неизбежно перерастает границы общины, местного рынка, области, а затем и государства", тем самым выражая историческую миссию "капитализма, который разрушает старинную обособленность и замкнутость систем хозяйства (а, следовательно, и уость духовной и политической жизни), который связывает все страны мира в единое хозяйственное целое"¹⁵.

В условиях сформировавшегося мирового капиталистического хозяйства дальнейший импульс получает интернационализация производства, "поскольку магнаты капитала наперед учитывают размеры производства в национальном или даже интернациональном масштабе, поскольку они его планомерно регулируют"¹⁶. Еще на заре империализма В. И. Ленин убедительно показал, что интернационализация производства самым непосредственным образом связана с развитием монополистических объединений, и прежде всего международных монополий. С помощью вывоза капитала они стремились не только закрепиться на внешних рынках, но и создать в сфере производства разных стран базу для упрочения своего господства. Вот почему изучение путей господства большого бизнеса требует рассмотрения деятельности международных монополий.

Процесс интернационализации производства относится к числу характерных черт мирового капиталистического хозяйства в целом, где сталкиваются интересы не только отдельных монополистических групп, но и буржуазных государств и целых регионов. В результате интернационализация производства представляет собой сплетение разного рода противоречий. Оно включает: во-первых, противоречие между растущим обобществлением производства и его подчинением международному монополистическому капиталу; во-вторых, противоречие между рыночной стихией мирового капиталистического хозяйства и организацией внутрифирменной деятельности международных монополий; в-третьих, противоречие между интернационализацией хозяйственной жизни и экономической обособленностью отдельных стран; в-четвертых, противоречия между международными монополиями; в-пятых, противоречия между отдельными региональными частями мирового капиталистического хозяйства; в-шестых, противоречия между империалистическими и развивающимися странами. Но даже такое обширное перечисление противоречий не может до конца раскрыть всю сложность процесса интернационализации производства и капитала¹⁷.

В последнее время значительное влияние на позиции большого бизнеса в мировом капиталистическом хозяйстве оказали научно-технический прогресс, обострение энергетического, сырьевого и экологического кризисов, изменение демографической структуры населения капиталистического мира, рост неравномерности развития как отдельных стран и регионов, так и международных монополий. Все это не только предопределило изменение географии и масштабов интернационализации производства, но и в значительной мере обусловило ее использование для достижения стратегической цели финансовой олигархии — максимизации монопольных сверхприбылей. Между тем тактические задачи, решаемые в разное время международными монополиями, предполагают использование интернационализации производства как способа преодоления разного рода барьеров в международной торговле, как метода эксплуатации дешевой рабочей силы других стран, как вспомогательного средства для сбалансирования общих результатов своей деятельности, как скрытого орудия неокOLONиализма и т. д. Содержание, цели и противоречия интернационализации господства большого бизнеса тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, поскольку они базируются на капиталистической природе данного явления.

Рассмотрим на отдельных примерах, каковы современные тенденции развития интернационализации производства и каким образом она способствует расширению сферы господства большого бизнеса. В конце XIX в. бурный рост машиностроения и химической промышленности вызвал большой спрос на нефть и нефтепродукты. Это предопределило жестокую схватку между нефтяными компаниями за источники добычи и рынки сбыта. И хотя в 80-х годах широкое развитие получили энергосберегающие производства, нефтяные монополии сохранили свое большое влияние на экономику и политику буржуазных государств.

Ведущие позиции среди нефтяных монополий в капиталистическом мире сохраняет американский концерн "Экссон". Концерн, образованный в 1882 г., по объему продаж занимает первое место среди крупнейших монополий капиталистического мира. В 1983 г. его объем продаж превысил 88 млрд. долл., а активы достигли 63 млрд. долл. Филиалы, отделения и предприятия "Экссон" находятся почти в 100 капиталистических странах. Примерно $\frac{1}{4}$ объема продаж и менее $\frac{1}{3}$ активов монополии приходится на США¹⁸. С нефтью связано более 94% всей производственной деятельности монополии, охватившей своими щупальцами практически весь капиталистический мир (см. табл. 3, 4). Главная причина такой приспособляемости "Экссон" заключается в монополистическом подходе к добыче и использованию нефти. Этот гигант стал не только активно внедряться в чисто химическую промышленность, но и заниматься добычей угля, газа, добычей и обогаще-

Таблица 3. Обороты по продажам концерна "Эксон"

Виды производства	1981 г.		1982 г.	
	млн. долл.	%	млн. долл.	%
Нефть и природный газ	102 418	90,3	92 570	90,7
В том числе:				
нефтепродукты	79 697	70,4	72 479	71,1
сырая нефть	17 117	14,9	15 092	14,8
природный газ	3 167	2,8	3 057	2,9
остальные	2 437	2,2	1 942	1,9
Химическое	7 116	6,3	6 049	5,9
Прочие	3 686	3,4	3 440	3,4
Всего ...	113 220	100,0	102 059	100,0

Подсчитано по: Moody's Industrial Manual, 1983, vol. I, p. 1391.

Таблица 4. Среднесуточная продажа нефтепродуктов концерном "Эксон"

Страны и регионы	1976 г.		1981 г.		1982 г.	
	тыс. бар- релей	%	тыс. бар- релей	%	тыс. бар- релей	%
США	1 830	34,2	1 295	28,2	1 174	27,3
Канада	456	8,5	439	9,6	408	9,5
Прочие страны западного полу- шария	473	8,8	459	9,9	453	10,5
Западная Европа	1 943	36,3	1 807	39,3	1 704	39,5
Прочие страны восточного полу- шария	651	12,2	601	13,0	571	13,2
Всего ...	5 353	100,0	4 601	100,0	4 310	100,0

Подсчитано по: Moody's Industrial Manual, 1983, vol. I, p. 1391.

нием урановой руды, производством синтетического топлива, добычей цветных металлов и даже производством электроэнергии и выпуском информационных систем.

В последние десятилетия по мере развития научно-технического прогресса и ряда других факторов все большую роль среди международных монополий стали играть компании обрабатывающей промышленности. Поскольку обрабатывающая промышленность традиционно лучше развита в главных капиталистических странах, постольку именно эти страны все больше становятся местом приложения капитала международных монополий.

Среди международных монополий своим могуществом выделяются американские корпорации. Как свидетельствуют данные табл. 5, монополии США функционируют за рубежом

Таблица 5. Капиталовложения международных монополий США за рубежом

	млрд. долл.			%		
	1975 г.	1980 г.	1981 г.	1975 г.	1980 г.	1981 г.
Отрасли						
Добывающая	1,2	1,3	1,5	4,5	3,1	3,3
Нефтяная	8,9	14,8	17,5	33,2	34,9	38,5
Обрабатывающая	11,3	19,5	19,5	42,2	46,2	42,9
Торговля	2,4	3,8	3,7	9,0	9,0	8,1
Прочие	3,0	3,0	3,3	11,1	7,0	7,2
Страны и регионы						
Развитые капиталистические страны	18,8	31,9	32,4	70,1	75,2	71,2
Канада	5,0	8,3	8,5	18,7	19,6	18,7
Западная Европа	11,7	20,8	20,6	43,9	49,1	45,3
Япония	0,8	0,9	0,8	3,0	2,3	1,8
Прочие	1,3	1,9	2,5	4,5	4,2	5,4
Развивающиеся страны	6,4	10,1	11,6	23,6	21,2	25,5
Прочие	1,6	1,5	1,5	6,3	3,6	3,3
Всего...	26,8	42,4	45,5	100,0	100,0	100,0

Подсчитано по: Statistical Abstract of the United States, 1982 – 83, p. 547.

в значительной мере в обрабатывающей промышленности, причем $\frac{3}{4}$ зарубежных капиталовложений приходится на развитые капиталистические страны, из которых свыше 45% размещены в Западной Европе. Приведенные данные еще раз доказывают, что основой дальнейшего развития международных монополий становится интернационализация производства. Производственный процесс в гигантском объединении обеспечивается множеством предприятий, находящихся в различных странах. Здесь налицо активное внедрение в производственную структуру национальных экономик, влияние на воспроизводство национального общественного капитала. Это наглядно проявляется и во влиянии американских международных монополий на экономику самих США.

Обследование 298 таких монополий и их 5237 зарубежных филиалов показало, что в 1966 г. 66% экспорта и 46% импорта США было непосредственно связано с их деятельностью. Только на внутрифирменный международный оборот этих гигантов в 1970 г. приходилось 21% экспорта и 16% импорта страны. Если с 1966 по 1970 г. импорт США вырос на 56,3%, то импорт американских монополий из их зарубежных предприятий увеличился на 81,9%. За тот же период экспорт Соединенных Штатов увеличился на 43,3%, а внутрифирменный экспорт монополий – на 71,2%¹⁹. Бурный рост внутрифирменного оборота международных монополий отражает развитие

как интернационализации производства, так и отношений, прямо воздействующих на стихию товарно-рыночных связей в мировом капиталистическом хозяйстве. Не случайно поэтому, по признанию буржуазных авторов, "американская торговая политика представляет собой в основном продукт политического давления транснациональных корпораций"²⁰. Благодаря развитию интернационализации производства усилилось вращение международных монополий в мировое капиталистическое хозяйство. В то же время развитие самих международных монополий показывает, что наибольшее воздействие на стихию мирового рынка возможно тогда, когда в интернациональном процессе производства отношения конкуренции заменены отношениями планомерного регулирования из единого центра монополистического объединения.

Предприятия американских монополий в обрабатывающей промышленности большую часть своей продукции (65%) реализуют на рынках тех стран, где они расположены. Причем если на рынках развитых капиталистических государств продается в среднем 75% выпуска зарубежных филиалов американских компаний, то в ряде стран этот показатель еще выше: в Японии — 94%, во Франции — 82, в ФРГ — 81, в Канаде — 77, в Великобритании — 74%. Между тем в развивающихся странах предприятия американских монополий реализуют всего 43% произведенной там продукции²¹.

Вместе с тем немало иностранных фирм закрепляется и на территории США. В 1981 г. в Соединенных Штатах насчитывалось 1692 неамериканские компании, из которых 1105 полностью принадлежало иностранному капиталу. Всего в этих компаниях было занято свыше 2,3 млн. человек. Из них на предприятиях английских монополий количество занятых составило 467,6 тыс. человек, западногерманских — 331,0 тыс., голландских — 309,5 тыс., канадских — 430,3 тыс. человек. Из общего числа иностранных фирм 837 компаний было в обрабатывающей промышленности США, на которых работало 1 135,6 тыс. человек, т. е. почти 50% всех занятых на неамериканских предприятиях²².

Развитие международных монополий, устраняя конкуренцию как основной механизм хозяйствования из внутрифирменной деятельности, не может устранить и ослабить конкуренцию между различными международными монополиями, не в состоянии подавить конкуренцию на мировом капиталистическом рынке. Там, где позиции американских монополий ослабевают, сразу появляются их зарубежные конкуренты. Об этом свидетельствуют и данные об иностранных фирмах в экономике США. Четко проявляется общая тенденция развития международных монополий — как можно прочнее закрепиться в производственной сфере, а не ограничиваться только обеспечением сбыта и обслуживанием потребителей своей продукции.

Если прежде всемирно известная японская корпорация "Сони" имела в США только сборочное производство, то теперь здесь построены и работают заводы по изготовлению необходимых сборочных элементов, деталей и частей. ""Сони" вкладывает капитал в США,— считают японские эксперты,— не только для того, чтобы получить дополнительную прибыль в узком смысле, но и для того, что этим преследуются политические цели, выражено стремление создать лучшее впечатление о компании у американцев. Тем самым "Сони" надеется поддержать свои позиции в сфере производства США для обеспечения высокой мобильности как в производстве, так и в торговле"²³. Выступая на заседании объединенного экономического комитета конгресса США, один из высших менеджеров американского филиала "Сони" заявил, что компания имеет завод цветных телевизоров в Сан-Диего (штат Калифорния) и завод кассетных звуковых и видеомagneтофонов в Дохэне (штат Алабама), на которых работает 4800 человек. Продукция этих заводов не только продается в США, но и экспортируется в Канаду, Южную Америку, Западную Европу, страны Среднего Востока. В 1981 г. объем экспорта только этих заводов в данные регионы достиг 100 млн. долл.²⁴

В последние годы японские монополии потеснили своих американских конкурентов на внутреннем рынке США не только в продаже радиоэлектронных товаров. В 1972 г. из числа проданных в США автомобилей только каждый двадцатый был японского производства, в 1980 г. уже каждый пятый автомобиль, купленный американцами, имел марку японской фирмы. Импорт японских легковых автомобилей составил в этом году 21,2%, что превысило долю продаж в США таких автомобильных гигантов, как "Форд мотор" (17%), "Крайслер" (7,5%). Только "Дженерал моторз" удалось удержать 45,4% американского автомобильного рынка²⁵. Понятно, что стремление международных монополий закрепиться в сфере производства других стран с высоким уровнем развития промышленности и техники объясняется не только воздействием научно-технического прогресса. Главную роль здесь играет незатихающая конкуренция между монополистами как внутри национальных хозяйств, так и на международной арене. В.И. Ленин писал, что "финансовый капитал и тресты не ослабляют, а усиливают различия между быстротой роста разных частей всемирного хозяйства"²⁶.

Все отчетливее проявляется тенденция роста "национальной конкурентоспособности" тех стран, где достигнуты наибольшее "взаимопонимание" и поддержка между крупным бизнесом и государством. Яркий пример такой связи — внешнеэкономическая экспансия японского капитала. По заключению американских специалистов, в Японии монополии настолько тесно связаны с государством, что при принятии стратегических решений исходят прежде всего из принципа

”Что выгодно для страны?”. При этом они опираются на постоянную помощь правительства при внедрении и захвате жизненно важных для них зарубежных регионов приложения капитала и внешних рынков. Не последнюю роль сыграли японские фирмы в обострении невиданного ранее кризиса американского автомобилестроения. В 1982 г. в США было продано свыше 2,2 млн. импортных автомобилей, из которых $\frac{4}{5}$ японские. В результате импорт захватил почти 28% внутреннего рынка США. Это вынудило американские корпорации обратиться за помощью к федеральному правительству, под нажимом которого японская сторона согласилась ограничивать ввоз своих машин 1,68 млн. шт. в год. В январе 1984 г. ”Дженерал моторз” объявила план коренной перестройки своего производства, ориентируясь на уровень издержек и качество изделий японских монополий²⁷.

Рост противоречий в мировом капиталистическом хозяйстве часто сбивает стратегию международных монополий. Их особенно беспокоит борьба развивающихся стран за экономическую независимость. Не случайно поэтому при решении вопроса о направлении капитала в ту или иную страну монополисты наряду с экономическими выгодами руководствуются соображениями стабильности государственного строя в стране. Экономические цели международных монополий, интернационализация производства здесь тесно переплетаются с политическими целями империалистических государств.

Специальные службы международных монополий занимаются всесторонним изучением возможных условий инвестирования капитала в различных районах мира. Особенно это касается Латинской Америки, Африки, Ближнего и Среднего Востока, стран бассейна Тихого океана. При принятии решений о капиталовложениях руководство международных монополий обращает внимание на четыре аспекта: устойчивость внутреннего положения страны; возможность подверженности международным конфликтам; политический климат в стране; состояние экономики страны. Разумеется, учет указанных обстоятельств необходим прежде всего для обеспечения гарантий монопольных прибылей. С давних пор прогнозированием возможного риска зарубежных инвестиций занимались в основном нефтяные монополии. В последние годы и другие международные монополии считают это необходимым делом. Появилась такая служба и в концерне ”Дженерал моторз”.

Это явление, в частности, отражает тесную взаимосвязь в мировом капиталистическом хозяйстве экономических и политических отношений как между буржуазными странами, так и внутри их. Международные монополии не удовлетворяются заменой конкуренции монополистическими отношениями в сфере их деятельности. Они по существу требуют как от своих правительств, так и от правительств стран — импортеров капитала гарантий обеспечения монопольных сверх-

Таблица 6. Общая характеристика 50 крупнейших промышленных международных монополий в 1982 г.

Национальная принадлежность	Число монополий	Объем продаж		Чистая прибыль	
		млрд. долл.	%	млрд. долл.	%
Всего	50	1 240,0	100,0	40,33	100,0
США	21	654,8	52,9	26,46	65,7
Англия —					
Голландия	2	107,0	8,6	4,03	9,9
ФРГ	7	103,6	8,3	0,81	2,0
Япония	6	91,6	7,4	2,42	6,0
Великобритания	3	80,2	6,4	1,71	4,2
Италия*	3	68,3	5,5	—	—
Франция	3	54,2	4,4	0,52	1,3
Бразилия	1	19,0	1,5	0,56	1,4
Венесуэла	1	16,5	1,4	2,52	6,3
Голландия	1	16,1	1,3	0,15	0,4
Мексика	1	15,1	1,2	0,62	1,5
Швейцария	1	13,6	1,1	0,53	1,3

* Итальянская компания "Эни" понесла убытки в размере 1,2 млрд. долл., а две другие компании ("Ири" и "Фиат") свои доходы не указали.

Подсчитано по: Fortune, 22.VIII. 1983, p. 170 — 171.

прибылей. Транснациональные корпорации уже не могут обойтись без помощи буржуазных государств. В международных экономических отношениях особенно очевидно переплетение экономики и политики империализма.

Среди 50 крупнейших международных монополий 21 концерн — это американские монополистические объединения (см. табл. 6). На их долю приходится почти 53% продаж и 66% чистой прибыли. Доходы американских монополий растут из года в год. Вместе с тем значительно упрочили свои позиции в мировом капиталистическом хозяйстве монополии ФРГ, Японии, Великобритании, Голландии, Италии и Франции. Особенно следует отметить выдвигание вперед западногерманских и японских концернов. Неравномерность развития при капитализме проявляется как в неравномерности экономического подъема мировых центров империалистического соперничества, так и в неравномерном росте могущества международных монополий этих центров. Хотя до превосходства над американскими концернами по общим показателям еще далеко, однако монополии Западной Европы и Японии все больше наращивают свою мощь. Доля западноевропейских концернов в общем объеме продаж в 1982 г. составила 35,6%, а вместе с японскими — 43%.

Для сравнения отметим, что в 1962 г. среди 50 крупнейших международных монополий мира было 39 концернов США, на которые приходилось свыше 80% общего объема продаж этих

монополий. За 20 лет доля американских монополий сократилась почти вдвое как по числу, так и по величине оборота. Конкуренция не признает ни одинаковых национальных мундиров, ни родственной отраслевой принадлежности. Ныне "она приобрела небывалую ожесточенность, — отмечает советский исследователь А. Н. Яковлев, — ибо схватки ведутся между исполинскими национальными и международными корпорациями. Их арена — весь капиталистический мир. Конкурентная борьба между отрядами финансового капитала разных стран не только не ослабевает, она нарастает, несмотря на продолжающееся интернациональное переплетение капиталов и складывание транснациональной финансовой олигархии"²⁸.

Нельзя не учитывать, что международные монополии оказывают огромное влияние как на экономику отдельных стран, так и на все мировое капиталистическое хозяйство. Они контролируют примерно 40% промышленного производства, 28% валового внутреннего продукта капиталистического мира, $\frac{2}{3}$ внешней торговли, почти 80% разработок новой технологии и ее международного применения. Не случайно поэтому профессор Йельского университета Р. Барбер, характеризуя международные монополии, пришел к выводу, что они "обладают большей властью, чем сами Объединенные нации"²⁹.

Среди всех крупнейших компаний капиталистического мира 55 корпораций занимаются производством автомобилей. В автомобилестроении интернационализация производства получила значительное развитие. Так, американский концерн "Форд мотор" имеет свои предприятия в 32 странах. В 1982 г. на его заводах было произведено 4,3 млн. машин, из которых почти 47% (около 2 млн.) реализовано вне США. Около 800 тыс. машин продано в ФРГ, свыше 400 тыс. — в Великобритании. Прочные позиции "Форд мотор" занимает на автомобильных рынках Канады, Латинской Америки, Австралии. Расширяется его внедрение в экономику Испании, где в 1982 г. было продано 223 тыс. автомобилей. Сильным конкурентом американских и западноевропейских автомобильных монополий стали японские фирмы. Крупнейший японский концерн "Тоёта мотор" выпустил в 1980 г. 3,3 млн. машин, из которых 1,8 млн. были проданы в других странах. Всего же в этом году на капиталистическом мировом рынке было реализовано почти 6 млн. японских автомобилей³⁰.

Автомобильная промышленность по своей технологии и выпускаемой продукции связана почти со всеми отраслями экономики. Это и предопределяет тот немаловажный факт, что развитие международных автомобильных монополий имеет самое непосредственное влияние на состояние мирового капиталистического хозяйства. Именно в обрабатывающей промышленности сильны тенденции к интернационализации. Предприятия, находящиеся в разных странах, составляют последовательные звенья производственного процесса фирмы,

завершающегося как раз в той стране, куда легче всего проникнуть. Теперь уже монополия выступает единым фронтом не только в экономике страны базирования, но и в мировом капиталистическом хозяйстве. Отношения между ее предприятиями в разных концах земного шара подчинены центру монополистического объединения.

Засилье американских монополий вынуждает фирмы других стран объединяться. Авиастроительные концерны четырех стран Западной Европы объединились в консорциум "Эбас индастриз", который пытается потеснить на мировом рынке гражданских самолетов таких гигантов, как "Боинг", "Макдонел Дуглас", "Локхид". В 1979 г. "Эбас индастриз" удалось получить 25% всех мировых заказов на коммерческие авиалайнеры. Правда, производственные мощности конкурентов явно неодинаковые. Если "Боинг" выпускает 27 самолетов в месяц, "Макдонел Дуглас" — 8, "Локхид" — 2, то "Эбас индастриз" планирует выпускать 4 самолета в месяц. Для усиления своих позиций консорциум стремится заручиться поддержкой японских компаний, решая вместе с ними ряд совместных проектов. Очевидно, конкуренция в мировом авиапроизводстве разгорается с новой силой. Один из управляющих по изучению рынка концерна "Локхид" заявил: "Когда в конце 50-х годов началось производство реактивных транспортных самолетов, об этом я знал все. Теперь же значительно больше неопределенности"³¹. Не забота о развитии экономики той или иной страны беспокоит хозяев монополий, а использование наиболее выгодных условий приложения капитала где бы то ни было. Этот принцип характерен для деятельности всех монополий, любого капитала.

Объективный процесс интернационализации производства империалисты стремятся подчинить своим неокOLONиалистским целям. В буржуазной литературе получила распространение концепция так называемого распределения производства. Ее суть сводится к тому, чтобы в международном интегрированном производстве оптимально соединить избыточную рабочую силу развивающихся стран с ресурсами развитых капиталистических государств — "их управлением, технологией, кадрами, рынком и покупательным спросом"³². По существу признавая, что данное "распределение производства" есть "иная форма колониализма и зависимости", известный американский экономист и социолог П. Драйкер утверждал, что другого выхода у развивающихся стран все равно нет, а потому будущее за "транснациональной интеграцией", осуществляемой не многонациональной корпорацией, а "транснациональной конфедерацией"³³.

Известно, что капитал космополитичен. Он готов надеть любой национальный мундир или вообще остаться без знаков отличия. Но означает ли это, что развивающиеся страны из сырьевого придатка колониальных империй должны превра-

тяться в поставщика дешевой рабочей силы, беспощадно эксплуатируемой международными монополиями? С помощью "распределения производства" империалисты склонны полностью подчинить себе направление экономического развития освободившихся стран, еще сильнее увеличить их зависимость от развитых капиталистических стран, закамуфлировать противоречия международного капиталистического разделения труда. Так как "транснациональная конфедерация" не что иное, как видоизмененная форма международной монополии, то подчиненное ей "распределение производства" только и может служить ее целям, обеспечивая самовозрастание монополистического капитала и игнорируя интересы эксплуатируемых трудящихся всех стран, прежде всего пока менее организованного пролетариата освободившихся государств.

Развивая интернационализацию производства и расширяя сферу монополистического господства, международные монополии не могут обойтись без поддержки буржуазного государства, которое заинтересовано в росте национального капитала. Вместе с тем именно международные монополии, стремящиеся преодолеть препятствия на пути проникновения в экономику других стран, ведут дело и создают основу для образования капиталистической интеграции буржуазных государств. Поэтому становится возможен свободный перелив как капитала, так и рабочей силы. Кроме того, не столько конкуренция, сколько "договор" определяет дележ производства и рынка между монополиями. Как раз рост международных монополий "сделал возможным "Общий рынок", — заключает Дж. Гэлбрейт, — сделал его необходимым, поскольку внутриевропейские торговые барьеры стали только тормозом для крупной корпорации. Сельское хозяйство и другие предпринимательские предприятия не изменили своего отношения к международной торговле. Их инстинкт все еще защитный. Фермеры и другие мелкие производители никогда бы не привели к существованию ЕЭС. Они являются источником по меньшей мере 90% его проблем"³⁴.

Если развитие национальных монополий вызывает в конечном счете усиление государственной монополии, приводит к сращиванию силы монополии с силой буржуазного государства и появлению государственно-монополистического капитализма, то в мировом капиталистическом хозяйстве эволюция международных монополий и развитие интернационализации производства ведут к возникновению капиталистической интеграции как союза национальных империализмов. Хотя исторически и логически эти процессы можно разделить, в реальной действительности они тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Общее в обоих случаях — стремление монополий подчинить и приспособить к своему господству механизм функционирования капиталистической экономики от-

дельной страны и мирового хозяйства в целом. Получив возможность воздействовать на механизм хозяйствования, монополия пытается подчинить себе стихийные товарно-рыночные отношения, которые остаются основной формой отношений между всеми производителями в национальном и мировом хозяйстве.

Каких бы размеров, каких бы организационных форм и какой бы широты сферы деятельности ни достигла монополия, на всех уровнях ее целью остается максимизация монопольной сверхприбыли, а исходным пунктом движения являются отношения монополия — конкуренция. Эти отношения всякий раз возобновляются и возрастают с новой силой, когда монополия переходит от одной к другой, более высокой форме своего развития. Со всей остротой это обнаруживается и в процессе интернационализации производства, расширяющем сферу господства большого бизнеса далеко за пределы национальных экономик капиталистических стран.

Таким образом, большой бизнес экономически реализует свое положение в полном объеме лишь тогда, когда сферой его влияния становится мировое капиталистическое хозяйство. Тем самым сфера господства большого бизнеса расширяется и качественно, и количественно. Качественно — отношения монополии сменяют отношения конкуренции по-прежнему в пределах каждого отдельного монополистического объединения, но теперь уже в интернациональном масштабе. Количественно — экономическая мощь монополии становится зависимой не только от маневрирования захваченными отраслями данной страны, но и от степени удачливого внедрения в самые разные национальные экономики. В результате монополизация капиталистической экономики расширяет свои горизонты, все больше становится многоликой.

3. Многоликость монополизации

Рассмотренные вопросы развития капиталистической монополии и интернационализации производства со всей очевидностью подтверждают общую закономерность монополистического капитализма — становление системы господства большого бизнеса означает возрастание их экономической мощи и влияние как на национальную экономику, так и на мировое капиталистическое хозяйство. Диалектика монополии такова: эволюция форм монополистических объединений не завершается в пределах национальных границ. Национальные монополии превращаются в международные монополии, которые в свою очередь имеют разные формы.

Образование международных монополий происходит как путем расширения национальных монополистических объединений и их проникновения в экономику других стран (такие

монополии остаются национальными по происхождению, но международными по сфере деятельности), так и путем объединения национальных монополий в картели, синдикаты, тресты международного уровня. В зависимости от исторических условий развития национальных империализмов и соотношения сил между центрами империалистического соперничества возникновение таких монополий может идти либо первым, либо вторым путем, либо переплетением обоих путей³⁵. Но ни путь образования международной монополии, ни ее конкретная форма не изменяют сути происходящего экономического процесса — растущего обобществления и интернационализации производства и капитала. Космополитизм монополистического капитала, погоня прежде всего за максимальной прибылью характеризуют любую форму международной монополии, какой бы национальный мундир она ни носила, в какие бы одежды она ни рядилась.

Все это позволяет сделать важный методологический вывод. Подобно тому как отношения внутри капиталистического предприятия не могут быть до конца поняты без уяснения сути производственных отношений во всем хозяйстве, отношения монополизации в национальной экономике могут быть полностью раскрыты лишь с учетом исследования процессов монополизации в мировой капиталистической экономике. Хотя наш анализ сосредоточен в основном на отношениях в хозяйстве отдельных развитых капиталистических стран, влияние мирохозяйственных отношений будет постоянно присутствовать как необходимая предпосылка. Национальные экономики буржуазных государств очень прочно вплетены в мировое капиталистическое хозяйство.

Особенно высоким уровнем монополизации экономики отличаются США. Подтверждается вывод В. И. Ленина, сделанный им еще в 1916 г., о том, что "американские тресты есть высшее выражение экономики империализма или монополистического капитализма"³⁶. Обратившись к табл. 7, нетрудно видеть, что сохраняется устойчивая тенденция доминирования крупнейших монополистических объединений в американской обрабатывающей промышленности. Первые 50 корпораций выпускают 1/4 продукции обрабатывающей промышленности при постоянном сокращении доли занятых. Уровень концентрации производства становится еще более контрастным. Последние 50 из 200 крупнейших корпораций производят лишь 1/25 продукции обрабатывающей промышленности, а все 200 корпораций дают 45,3% отраслевого выпуска. Если же учесть, что 200 корпораций составляют менее 0,1% от числа всех корпораций обрабатывающей промышленности, то становится очевидным, что абсолютное большинство производителей не в состоянии противостоять лидерам бизнеса. Что же касается дальнейшего снижения в 1977 г. доли крупнейших корпораций в числе занятых, то это связано с растущей

Таблица 7. Доля 200 крупнейших компаний в обрабатывающей промышленности США (в %)

Крупнейшие компании по величине добавленной стоимости	Добавленная стоимость			Число занятых			Величина отгрузок		
	1967 г.	1972 г.	1977 г.	1967 г.	1972 г.	1977 г.	1967 г.	1972 г.	1977 г.
50 крупнейших	24,6	24,5	24,4	20,2	19,4	17,9	24,7	24,3	25,3
100 крупнейших	32,8	33,1	33,4	26,4	25,8	25,0	33,5	32,5	34,5
150 крупнейших	37,9	38,8	39,5	30,7	31,1	29,8	38,8	38,6	40,7
200 крупнейших	41,6	43,1	43,7	33,7	34,6	33,4	42,6	43,2	45,3

Подсчитано по: 1977 Census of Manufactures. Concentration Ratios in Manufacturing. Wash., 1981, p. 9.

степенью эксплуатации наемного труда: меньшее число работающих производит больший объем продукции. Именно поэтому доля крупнейших компаний в общем объеме производства обрабатывающей промышленности в 1977 г. не сократилась, а выросла.

Особенно следует подчеркнуть, что во время экономических кризисов процесс монополизации экономики не замедляется, а нередко ускоряется. Со всей очевидностью подобная тенденция проявилась и в период мирового экономического кризиса 1980 – 1982 гг. Если обратиться к уровню концентрации экономической мощи крупнейшими американскими корпорациями за последнее десятилетие, то складывается следующая картина. В 1970 г. в США было всего 102 промышленных корпорации, активы каждой из которых превышали 1 млрд. долл. На долю этих корпораций приходилось 48,8% активов и 51,9% чистой прибыли всех корпораций обрабатывающей промышленности. В 1980 г. насчитывалось уже 244 корпорации, имевшие активы в 1 млрд. долл. и выше. На долю корпораций-миллиардеров приходилось 63,7% активов и 67,1% чистой прибыли. В разгар экономического кризиса в 1982 г. количество корпораций-миллиардеров выросло до 275. Им принадлежало 66,4% активов и 72,4% чистой прибыли всех корпораций обрабатывающей промышленности страны³⁷. При этом важно отметить, что хотя с 1970 по 1982 г. количество корпораций-миллиардеров возросло в 2,7 раза, но они по-прежнему представляют ничтожно малую долю (менее 0,1%) в общем числе промышленных корпораций.

Очевидно, именно такие корпорации-миллиардеры получают возможность монополизировать выпуск той или иной продукции, те или иные отрасли экономики. Об этом, в частности, свидетельствуют данные о доли четырех крупнейших

корпораций в различных отраслях промышленности. В 1972 г. в шести отраслях четыре корпорации выпускали более 90% общего объема производства. По существу такие корпорации представляют собой не что иное, как монополистические объединения. В 58 отраслях четыре корпорации производили свыше 50% изделий. Так, в производстве автомобилей и автомобильных кузовов в 1972 г. насчитывалось 165 компаний, но только четыре корпорации давали 93% продукции. В 1977 г. четыре корпорации сохранили свою долю, хотя теперь уже число компаний в подотрасли достигло 254. Из 30 компаний, выпускающих аккумуляторы, четыре корпорации производили 92%. 21 компания производит электронно-лучевые трубки, из них четыре — 95% общего выпуска трубок.

Еще точнее уровень концентрации производства можно проследить, если обратиться к производству конкретных изделий. Например, четыре корпорации выпускают 100% оконного стекла, другие четыре корпорации производят 90% рафинированного свинца, 96% выпуска дизельных двигателей для грузовиков и автобусов приходится тоже на долю только четырех корпораций. Характерно, что, чем выше технологический уровень изделий, чем больше требуется сборочных элементов для выпуска конечной продукции, чем выше энергоемкость и капиталоемкость производства, тем выше уровень концентрации в таких отраслях³⁸.

Высоким уровнем концентрации производства характеризуется и экономика стран "Общего рынка". В обзоре "Концентрация и политика конкуренции", подготовленном экспертами Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), отмечается, что в 1973 — 1974 гг. четыре крупнейшие компании производили свыше 50% товаров в 30 группах отраслей стран "Общего рынка"³⁹. В отдельных странах уровень концентрации и монополизации колеблется в зависимости от отраслей.

В ФРГ концерн "Маннесман — Рёрен-Верке АГ" выпускает около 80% всех изготавливаемых в стране стальных труб. Он крупнейший в Западной Европе производитель данных изделий. В 1975 г. в среднем на шесть концернов приходилось более 1/3 объема оборота в 30 отраслях западногерманской промышленности. Причем три крупнейших концерна давали в автомобилестроении 51,2% общего объема производства, в горнодобывающей промышленности — 60,8, в производстве счетных машин и ЭВМ — 71,2 и в самолетостроении — 81,3%. Как и для других международных монополий, для крупнейших концернов ФРГ характерно постоянное расширение производственных мощностей за рубежом. В 1978 г. на производство 12 международных монополий ФРГ за рубежом приходилось 26,1% всего их оборота по продажам. С учетом экспорта отечественной продукции внешний оборот достигает у "Байер" — 68%, "Фольксваген" — 60, "Даймлер-Бенц" — 55%⁴⁰.

Во Франции четыре крупнейшие компании выпускают от 90 до 100% различных видов чугуна и стали, алюминия, паровых турбин, авиационных двигателей, резины, автомобильных покрышек, кожаных изделий и т. д.

В Великобритании пять крупнейших фирм в 70-х годах выпускали более 90% производимых в стране колесных тракторов, цемента, промышленных двигателей, железнодорожного оборудования, фотохимикатов, сахара, табака. В целом по промышленности уровень концентрации продолжает расти. С 1963 по 1973 г., к примеру, доля пяти компаний в выплавке чугуна и стали поднялась на 32% и превысила в целом 98% их выпуска в стране. Если до второй мировой войны 50% условно-чистой продукции обрабатывающей промышленности Великобритании выпускали 2 тыс. компаний, то в 1977 г. половину продукции дают всего лишь 150 концернов. Причем пять крупнейших концернов сосредоточили 76% условно-чистой продукции в авиакосмической промышленности, 84% — в производстве счетно-вычислительных машин, 96% — в выпуске искусственного волокна⁴¹.

Процесс концентрации и монополизации производства развивается во всем мировом капиталистическом хозяйстве. Этому способствует как растущая конкуренция на мировом рынке, так и втягивание отдельных стран в международное капиталистическое разделение труда. Немалое значение при этом имеет неравномерность экономического развития отдельных стран и регионов. Достаточно высоким уровнем концентрации производства отличаются Япония и Швеция.

В 1979 г. в Японии было зарегистрировано 739 301 промышленное предприятие, из них 564 тыс. (76,3%) — небольшие предприятия с числом занятых до девяти человек на каждом. В то же время только 639 компаний (0,08% от общего числа предприятий) имели на своих заводах свыше 1000 работников. Однако в целом на эти 639 компаний приходилось 13,3% всех занятых в промышленности, 25% потребляемых промышленностью сырья и материалов, 24,8% общего объема промышленной продукции, 23,5% добавленной стоимости и 35,1% инвестиций в постоянный капитал всех промышленных предприятий страны⁴².

Среди десяти групп товаров, производство которых фактически полностью монополизировано в Японии, шесть групп выпускаются четырьмя (а по некоторым и меньшим количеством) компаниями. К числу монополизированных товаров относятся такие, как наручные часы, алюминий, оконное стекло, широкая листовая сталь, аккумуляторы, фотопленка и др. Особенно велика группа товаров, производство которых сосредоточено в пяти компаниях на 90% и более. К подобным изделиям относятся легковые автомобили, грузовики, автобусы, мотоциклы, электровозы, пианино, синтетическая резина, нейлон, полиэстер, акрил, автомобильные камеры и по-

крышки, стальной прокат различной конфигурации, электролизная медь, электролизный цинк, турбины, люминесцентные лампы и др. Наряду с общим ростом японской экономики происходил процесс ее интенсивной монополизации. В 1975 г. доля 100 крупнейших корпораций в общем объеме продаж достигла 31,7%. Причем среди крупнейших корпораций своим могуществом выделялись 25, на которые приходилось 55,1% общего объема продукции 100 корпораций. В отраслевом масштабе производство все больше концентрируется одной — тремя компаниями. Так, на долю трех корпораций в производстве стальных труб приходилось 54% общего их выпуска в стране, проволоки — 72, стальных плит холодного проката — 66, в выплавке алюминия — 73, в производстве легковых автомобилей, камер и покрышек — 79 — 80%. Самая крупная японская автомобильная монополия "Тоёта" выпустила в 1980 г. 29,8% всех автомобилей в стране⁴³.

В Швеции более половины товаров производятся четырьмя крупнейшими компаниями в каждой группе соответственно по 90% и более. Однако при определении уровня концентрации производства и его влияния на процесс монополизации необходимо не только учитывать долю той или иной компании в производстве данного товара в стране, но и выяснить, какова доля компании в общем объеме продаж этого товара на национальном рынке. Тем самым появляется возможность определить реальное влияние компаний на отношения между производителями внутри страны и на отношения стран в мировом капиталистическом хозяйстве. Вследствие все большего развития международной торговли и международных монополий на позиции компаний на внутреннем рынке сильно влияет импорт зарубежных товаров. В свою очередь внутренние позиции национальных компаний во многом зависят от размеров их внешнеэкономической экспансии. Что касается Швеции, то по доле в производстве четыре крупные фирмы по 283 группам товаров дают 90% и более, а их доля по продажам этих же товаров на внутреннем рынке едва превышает 50%⁴⁴. Аналогичные тенденции в расхождении уровней концентрации по производству и по продажам характерны и для других развитых капиталистических стран. Такое положение заставило буржуазных экономистов при оценке той или иной компании выделять ее долю в производстве и на рынке определенных товаров. Например, в японской статистике указывается как показатель общей концентрации, так и показатель "рыночной концентрации".

Как известно, опасным конкурентом для многих американских и западноевропейских компаний стали японские монополии. Показательным примером является автомобильная промышленность. Более 100 лет назад Япония вовсе не ведала колес. Затем появились двухколесные рикши. А в 1964 г. по производству автомобилей Япония опередила Францию, в

1966 г.— Англию, а 1967 г.— ФРГ, в 1980 г.— США. В этом же году японские автомобильные объединения выпустили 11 млн. машин, из них половина пошла на экспорт, причем более 2 млн.— на американский рынок. Если учесть, что японский экспорт составляет примерно лишь 13% валового национального продукта страны, то экспортная автомобильная квота почти в 4 раза превышает общенациональную⁴⁵. Японские фирмы захватили 18% автомобильного рынка в Великобритании, где 38% продаж автомобилей приходится на монополии стран Западной Европы. Если принять во внимание, что на Британских островах немало автомобилей продают и американские корпорации, то понятно, какую большую конкуренцию вынуждены выдерживать английские автомобильные компании. В большинстве стран Западной Европы, за исключением Италии и Франции, где ввоз автомобилей из других стран резко ограничен, японские фирмы держат в своих руках от $\frac{1}{5}$ до $\frac{2}{5}$ автомобильного рынка.

Чтобы успешнее преодолевать протекционистские меры американского правительства, в 1983 г. в США начал работать первый японский автомобильный завод. В Западной Европе японские монополии имеют более 100 различных промышленных предприятий. Это в 2 раза больше, чем их было в 1970 г. В свою очередь западногерманский концерн "Фольксваген" пытается закрепиться на японском автомобильном рынке. По соглашению со вторым в стране производителем автомобилей — концерном "Ниссан" на одном из его заводов собираются машины "Фольксвагена" для продажи японским покупателям. В то же время облегчается доступ японским автомобилям на рынок ФРГ⁴⁶. Налицо сговор монополий, призванный усилить их господство как в своих странах, так и на мировом рынке.

В современных условиях уровень концентрации производства в экономике отдельной страны не всегда прямо пропорционально отражает уровень монополизации производства и рынка по определенному виду продукции. Вот почему как уровень монополизаций, так и вообще деятельность монополий в наиболее общем виде характеризуются объемом продаж и их долей на рынке. Возникновение многоотраслевых монополистических объединений значительно ускорилось воздействием конкуренции на мировом рынке. Экономическая реализация монополии даже в пределах национальных границ возможна лишь при острой конкуренции как с национальными компаниями, так и с монополиями других стран. Поскольку так происходит в каждой или большинстве стран, постольку растет роль международной конкуренции в утверждении господства монополистических объединений. Только общий объем продаж на всех рынках может способствовать поддержанию или росту могущества той или иной монополии. Отсюда их стремление любым способом расширить как величину объема продаж, так и географию распространения.

Поэтому уровень монополизации, достигнутый компаниями в разных странах, наиболее полно с количественной точки зрения можно сравнить по объему продаж монополистических объединений. Понятно, что сила монополии основывается на концентрации производства, на величине используемых активов, на размере капитала в целом. Именно он и позволяет маневрировать при изменении конъюнктуры и на внутреннем, и на внешнем рынках. Вот почему уровень монополизации экономики необходимо рассматривать как с точки зрения национального масштаба, так и с позиции мирового капиталистического хозяйства. Наиболее подробное представление о состоянии концентрации производства и развитии процессов монополизации можно получить по промышленным переписям в США. Последние полные данные имеются по переписи 1977 г. Однако нельзя забывать, что и в переписях сведения подаются таким образом, чтобы скрыть реальный уровень монополизации, достигнутый каким-либо объединением.

По переписи 1977 г., в обрабатывающей промышленности США насчитывалось 296 146 компаний, которым принадлежало 485 439 различных предприятий. Но только одна из 50 крупнейших компаний имела уровень отраслевой специализации, превышающий 80% общего объема выпускаемой ею продукции, в то время как в 30 из числа крупнейших компаний этот показатель не превышал 49%. Отчетливо прослеживается тенденция развития многоотраслевой деятельности фирм в последние десятилетия. Об этом свидетельствуют и данные о сфере деятельности крупнейших американских и западноевропейских фирм. Если среди 500 крупнейших корпораций США в 1949 г. у 70% основная продукция составляла свыше 70% выпуска, то в 1969 г. доля таких компаний снизилась до 48%. Среди 86 английских крупнейших фирм этот показатель с 1950 по 1970 г. изменился с 59 до 42%, среди 76 компаний Франции — с 52 до 40, среди 78 концернов ФРГ — с 45 до 33, среди 61 итальянского концерна — с 36 до 27%⁴⁷. Типичным объединением в экономике капиталистических стран стал многоотраслевой концерн⁴⁸.

Подробного анализа заслуживает американская автомобильная промышленность, одна из ведущих отраслей обрабатывающей промышленности страны. Достаточно, в частности, отметить, что свыше 3,6 млн. человек так или иначе связано с производством, продажей и обслуживанием автомобилей. Автопромышленность потребляет 24% годового производства стали в стране, 17% — алюминия, 54% — чугуна и 59% — синтетической резины⁴⁹.

В автомобильной промышленности, по переписи 1977 г., было 3313 компаний, имевших 7553 предприятия. Однако четыре крупнейшие компании производили 78,4% всего выпуска отрасли. В то же время на остальные 46 крупнейших фирм отрасли приходилось всего 15,8% отраслевого произ-

водства. Характерно, что четырем ведущим концернам принадлежало 2031 предприятие, или 26,8% всех предприятий отрасли. На них было занято свыше 1 млн. человек, или 71,5% всех занятых в отрасли. Об уровне концентрации производства в автомобильной промышленности красноречиво свидетельствует и тот факт, что на 3263 компании приходилось всего 8,4% занятых и 5,7% объема продаж в отрасли. При этом 3053 компании имели всего по одному предприятию, а по 100 и более предприятий входило в состав лишь семи концернов. Из числа компаний отрасли 340 находились в собственности одного предпринимателя, 142 представляли собой партнерства двух или более предпринимателей, а 2377 были корпорациями.

Сравнивая приведенные данные, нетрудно видеть, что подавляющее число фирм — это имеющая всего по одному предприятию компания. Широкое распространение акционерных компаний в обрабатывающей промышленности и в автомобилестроении свидетельствует об адекватности акционерной собственности современным условиям капиталистического производства, сплошь пронизанного монополистическим господством. Вместе с тем рассмотренные данные со всей очевидностью показывают, что от корпорации вообще до корпорации-монополии дистанция огромного размера. Что касается автомобильной промышленности, то из 2377 корпораций только четыре можно отнести к монополистическим объединениям. Об этом говорит и тот факт, что 92 компании отрасли, имевшие число занятых свыше 500 человек каждая, выпустили продукции на 110,2 млрд. долл. Из них только четыре корпорации продали товаров и услуг на 90,2 млрд. долл., т. е. на 88 крупнейших по числу занятых в отрасли компаний приходилось всего 20 млрд. долл. объема продаж. Среди всех компаний отрасли лишь у 21 годовой объем продаж превысил 250 млн. долл., и все они относились к числу многоотраслевых. Всего же многоотраслевых компаний насчитывалось 188, или 5,7%.

Именно многоотраслевые компании задают тон в отраслевом производстве, ибо на 188 компаний приходилось 96,2% всех продаж в автомобилестроении. Из 4323 предприятий, входящих в состав 188 компаний, только 567, или 13,1%, непосредственно относились к автомобилестроению, они выдали 63,3% условно-чистой продукции этих компаний. Следовательно, уровень отраслевой специализации превышает в среднем 60%, хотя в таких автомобильных гигантах, как "Дженерал моторз", "Форд мотор" и "Крайслер" он значительно выше. Во всех компаниях, относящихся к автомобилестроению, только 48,1% работающих было непосредственно связано с производством автомобилей и частей к ним. Хотя уровень специализации в автомобильной промышленности довольно высок, все же доминирующее положение в отрасли занимают

многоотраслевые компании, которые в то же время обеспечивают подавляющую часть отраслевого производства. Тем самым и на примере отдельной отрасли ясно прослеживается общая тенденция усиления господства многоотраслевых объединений, некоторые из них занимают монопольные позиции⁵⁰. С 1955 г. журнал американских деловых кругов "Форчун" публикует список 500 крупнейших промышленных корпораций США. За всю историю списка только 262 компании неизменно находились в нем, хотя в этот же период в разное время в списке появлялись 932 корпорации. Жесткая конкурентная борьба среди крупнейших фирм, многие из которых по существу являются монополистическими объединениями, привела к тому, что 166 компаний, входивших в 500 крупнейших в 1954 г., со временем были поглощены или приобретены другими, более удачливыми членами "клуба 500".

Как бы ни изменялась экономическая конъюнктура, свои позиции среди первых 10 корпораций постоянно сохраняли концерны "Экссон", "Дженерал моторз", "Галф ойл", "Дженерал электрик" и "Мобил ойл". Если в среднем годовой рост объема продаж 500 компаний составил 9,9%, то корпорации, относящиеся в основном к электронной, нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности, намного превысили средние темпы роста объема продаж. Так, концерн ИБМ увеличивал свои продажи ежегодно в среднем на 16,9%, "Контрол Дейта"— на 21,5, "Амерада Хесс"— на 17,2%. Бурный рост таких компаний объясняется как воздействием научно-технической революции, так и обострением капиталистических противоречий, вызвавших энергетический и сырьевой кризисы в буржуазном мире.

Средний рост продаж 19 корпораций нефтяного бизнеса составил 13,6%, но с 1973 по 1979 г. он вырос до 22,5%. При этом доля продаж нефтяных монополий в общем объеме продаж 500 корпораций равнялась в 1954 г. 16%, а в 1979 г. она подскочила до 26%. Быстрый рост уровня монополизации и дифференциации среди крупнейших корпораций характеризуется и таким фактом: сумма продаж "Экссон" и "Дженерал моторз" в 1979 г. на 9 млрд. долл. превысила общую сумму продаж 500 компаний в 1954 г. (136,8 млрд. долл.). В 1983 г. только один концерн "Экссон" реализовал продукции и услуг более чем на 88 млрд. долл. и получил чистой прибыли свыше 4,9 млрд. долл. В том же году 13 объединений получили прибыли свыше 1 млрд. долл. каждое. Концентрация монополистической мощи достигла невиданных размеров. Объем продаж у 295 промышленных корпораций превысил 1 млрд. долл.⁵¹

Таким образом, усиление господства большого бизнеса опирается на растущий экономический потенциал крупнейших корпораций, многоотраслевой характер которых позволяет им наращивать свою мощь даже в периоды экономиче-

ских кризисов. 1982 год отличался кризисным спадом в мировой капиталистической экономике. И хотя в этот год общий объем продаж 500 концернов США упал на 5,7% по сравнению с 1981 г., 200 корпораций значительно увеличили продажи своих товаров и услуг⁵². Современный уровень монополизации капиталистической экономики по многим параметрам отличается от того уровня, который был 20 – 30 лет назад, тем более в начале XX в. Это хорошо видно и по приведенным данным. Прежде всего в последние годы значительно расширилась сфера распространения отношений монополии. Если на заре появления первых капиталистических монополий становление монополистического господства находилось в прямой зависимости от роста концентрации производства того или иного товара, то теперь отношения монополии, как правило, охватывают производство целой группы товаров, относящихся к различным отраслям. Монополистическое объединение может рассчитывать на известную устойчивость, если оно имеет возможность воздействовать на отношения между производителями в целом ряде отраслей. Опорой монополистического капитала является многоотраслевое производство.

Так как сферой деятельности крупнейших объединений стало мировое капиталистическое хозяйство, то мощь того или иного объединения начинает сравниваться с мощью монополий других стран. Возникло такое состояние отношений, когда для обеспечения своего господства монополии недостаточно подавить конкуренцию со стороны отечественных производителей. Важно также выстоять в борьбе с иностранными конкурентами, международными монополиями. Если прежде монополистические объединения стремились добиться максимизации в производстве товаров в масштабе национальной экономики, то ныне "благополучие" монополии во многом зависит уже от ее доли в производстве и продаже товаров в рамках всего мирового капиталистического хозяйства. Стало быть, отношения монополии поднялись как бы на новый уровень – они сменяют конкуренцию в мировом хозяйстве. Правда, сначала в основном в одноотраслевом разрезе. В этом случае только интернационализация производства при прочих равных условиях позволяет монополии надеяться на достижение своих целей.

Качественная сторона монополизации – утверждение отношений монополии в процессе воспроизводства капитала как в национальном, так и в мировом хозяйстве. Количественная сторона монополизации всецело определяется ее качественной характеристикой. Вследствие сложности качественной определенности современного уровня монополизации количественные показатели могут лишь относительно и не всегда полно отражать этот уровень, достигнутый к определенному времени. Даже в период становления первых форм монопо-

лий, когда концентрация производства непосредственно определяла и уровень его монополизации, необходимо было использовать целый ряд показателей для количественного выражения процесса монополизации. Многоотраслевой характер современных объединений, переплетение в общественном производстве отношений монополии и конкуренции, глубокая вовлеченность национальных экономик в мировое хозяйство — все это усложнило определение количественной оценки монополизации.

В результате для определения экономической мощи монополий используются как показатели абсолютных размеров продаж, активов, инвестиций, числа занятых, величины прибыли, так и показатели отраслевой доли производства в национальной и мировой экономике, доли захвата внутреннего и внешнего рынков, доли в общем объеме прибыли компаний, доли в общем количестве занятых и т. п. Поскольку в конечном счете экономический потенциал монополистического объединения выражается в общем обороте по продажам, постольку для сравнения мощи монополий можно использовать показатель величины годовых продаж, не забывая об условности выбора. В этом случае монополия выступает как высшая при капитализме организационная форма производства прибавочной стоимости. Достигая преимуществ по общему объему продаж, объединение получает возможность манипулировать самыми различными экономическими рычагами (инвестициями, ценами, прибылью и т. п.) для воздействия на своих конкурентов при решении тактических и стратегических задач.

Многообразие проявления монополизации современной капиталистической экономики⁵³, с одной стороны, свидетельствует о глубине и широте господства большого бизнеса во всех сферах жизни буржуазного общества. В результате практически ни один уголок капиталистического мира не оказывается в стороне от того или иного влияния или воздействия монополистов. С другой стороны, возвышаясь над обществом своей гигантской мощью и в то же время в известной мере предопределяя многие человеческие судьбы, большой бизнес создает иллюзию "служения всему народу", иллюзию подчинения своих интересов интересам общества. Иными словами, многоликость монополизации способствует дальнейшей фетишизации капиталистических производственных отношений, вуалирует сохранение и упрочение сущностных процессов, подчиненных одной цели — максимизации прибыли путем эксплуатации трудящихся. Понятно, что коренные отношения господства большого бизнеса скрыты от "посторонних" глаз, и только последовательный научный анализ позволяет за рекламной мишурой и уверениями в "преданности обществу и нации" обнажить социальную природу всех внешних проявлений экономической и политической власти монополий.

Отмеченные различные направления и формы монополиза-

Таблица 8. Число всех производителей в экономике США

Вид производи- телей	1939 г.		1979 г.		Рост за 40 лет в %
	тыс.	%	тыс.	%	
Всего ...	1 793	100,0	16 187	100,0	902
Предприятия в индивидуальной собственности	1 052	58,7	12 330	76,2	1 172
Предприятия в собственности двух и более предпринимате- лей	271	15,1	1 300	8,0	479
Корпорации	470	26,2	2 557	15,8	544

Подсчитано по: Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1970. Part 2, p. 911; Statistical Abstract of the United States, 1982 – 83, p. 528.

ции сопровождаются одновременным ростом числа немонополизированных производителей в экономике капиталистических стран⁵⁴.

Внешне дело обстоит таким образом, будто большой бизнес не тормозит, а, наоборот, благоприятствует расцвету мелкого бизнеса. Если обратиться к динамике роста всех производителей в экономике США за последние 40 лет, то возникает следующая картина. За этот период их число выросло в 9 раз. В то же время если число корпораций увеличилось в 5,4 раза, то число предприятий, находящихся в собственности одного предпринимателя, возросло почти в 12 раз (см. табл. 8). Для сравнения следует заметить, что прирост населения США за эти же годы составил 72% и в 1979 г. оно равнялось более 225 млн. человек. Следовательно, темп роста каждой группы производителей намного превышал темп роста населения страны.

В 1980 г. доля предприятий отдельных собственников оставалась довольно высокой в общем числе всех производителей, составив 75,6%. Как тут не говорить о процветании "свободного предпринимательства", о подавляющем численном господстве мелкого бизнеса! Однако и сама буржуазная статистика не в состоянии скрыть громадной разницы в экономическом положении малого и большого бизнеса. Так, в 1980 г. среди всех производителей, имевших оборот по продажам менее 25 тыс. долл. в год, насчитывалось 9 095 тыс. (71,6%) предприятий отдельных собственников и лишь 557 тыс. (20,5%) корпораций. Между тем объем производства в 1 млн. долл. и выше имело всего 33 тыс. (0,2%) предприятий отдельных собственников, но зато 418 тыс. (15,4%) корпораций. Именно на долю этих 418 тыс. корпораций приходилось 92,4%

объема продаж всех фирм, или 81,2% объема продаж всех производителей в стране. Если же учесть, что всего 500 крупнейших корпораций, или 0,2% от числа корпораций только обрабатывающей промышленности, производят более 50% валового национального продукта США⁵⁵, то становится очевидным, кому принадлежит господство и каково по всем параметрам соотношение между большим и малым бизнесом. Рост общего числа производителей выступает просто благоприятным фоном для усиления господства монополий.

Вместе с тем степень господства большого бизнеса нельзя свести ни к каким показателям, поскольку оно означает систему отношений, влияющих на конкуренцию в сфере прямой или косвенной деятельности капиталистической монополии. Поэтому анализ уровня монополизации буржуазной экономики предполагает исследование структуры и содержания отношений монополистического господства, представляющих собой опору большого бизнеса.

4. Опора большого бизнеса

Большой бизнес утверждает свое господство через систему связей, суть которых вытекает из превращения отношений конкуренции в отношения монополии. "Экономически основное в этом процессе, — подчеркивал В. И. Ленин, — есть смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями"⁵⁶. Поэтому раскрытие отношений господства большого бизнеса как раз и предполагает анализ специфики господства монополистического капитала в отличие от господства капитала вообще. Остановимся лишь на структурных элементах отношений монополистического господства, поскольку их содержательная сторона подробно рассматривается в последующих главах.

Господство монополий сохраняет все черты господства промышленного капитала, базируется на коренных отношениях капиталистического способа производства. Монополистический капитал еще более развивает и придает самые изощренные формы эксплуатации наемного труда. Цель монополистического объединения, как и любого капиталистического предприятия независимо от его организационных форм и размеров капитала, — максимизация прибыли. Товарные отношения остаются господствующими отношениями в общественном производстве, а товарная форма продукта труда представляет собой исходную и всеобщую форму существующих производственных отношений. Как и внутри фабрики при капитализме свободной конкуренции, в монополистических объединениях имеет место жесткая регламентация внутрифирменной деятельности, подчиненной производству прибавочной стоимости. Это значит, что конституирующие элементы системы капита-

листических производственных отношений (исходное отношение, основное отношение, основной экономический закон и основное противоречие) сохраняют определяющее, базовое значение и в системе отношений монополистического господства.

В. И. Ленин аргументированно доказал, что "нигде в мире монополистический капитализм без свободной конкуренции в целом ряде отраслей не существовал и не будет существовать. Написать такую систему — это значит написать систему, оторванную от жизни и неверную. Если Маркс говорил о мануфактуре, что она явилась надстройкой над массовым мелким производством, то империализм и финансовый капитализм есть надстройка над старым капитализмом. Если разрушить его верхушку, обнажится старый капитализм. Стоять на такой точке зрения, что есть цельный империализм без старого капитализма, — это значит принять желаемое за действительность"⁵⁷. Верность ленинского вывода подтверждается всем ходом развития капитализма на его империалистической стадии. Так, в 1977 г. в обрабатывающей промышленности США насчитывалось 296 146 компаний, но только 15 875, или 5,4%, компаний имели по два и более предприятия. Причем 301 компания, у каждой из которых было по 100 и более предприятий, принадлежало 114 251 предприятие, или 23,5% всех предприятий отрасли⁵⁸. Здесь отчетливо видно, какова "подпочва старого капитализма" в одной из ведущих и высокомонополизированных отраслей американской экономики.

Базируясь на коренных отношениях капитализма, монополистическое господство включает и присущие только ему тенденции и закономерности их развития. Смена конкуренции отношениями монополии стала возможной лишь при достижении высокого уровня обобществления производства, когда количественный рост концентрации производства и капитала привел к качественным изменениям в отношениях между производителями в экономике в целом. Возникли новые противоречия, определяющие содержание развития монополистического господства и отражающие место монополий в общей системе капиталистического способа производства.

Эти противоречия представляют собой "как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма: противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими "операциями" (и гигантскими прибылями) финансового капитала и "честной" торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью, с другой, и т. д."⁵⁹. Отмеченные В. И. Лениным противоречия дают нам ключ к раскрытию сути монополистического господства.

Ущемление конкуренции в сфере господства монополий

приводит к свертыванию механизма функционирования товарных отношений и распространению регулируемых отношений — "монополистической планомерности". Поэтому капиталистическая монополия экономически реализуется через "монополистическую планомерность", которая является важнейшим составным элементом структуры монополистического господства. Субъектом "монополистической планомерности" выступает монополия, ее центр, а объектом — отношения воспроизводства монополистического капитала. Тем самым предопределяется роль "монополистической планомерности" как способа утверждения господства монополий, как способа "выколачивания" монопольных сверхприбылей. Осуществление "монополистической планомерности" предполагает широкое использование экономических рычагов, которые подразделяются на две группы.

Первая группа — экономические рычаги, обусловленные товарной природой капитализма. К ним относятся издержки производства, цены, прибыль, кредит, различные формы материального вознаграждения и др. Другая группа — экономические рычаги, вытекающие из растущих обобществления производства и общественного характера производительных сил, во многом связанных в последние годы с научно-технической революцией. В числе этой группы уровень производительности труда, использование производственного оборудования, объем и ассортимент выпускаемой продукции, освоение новой техники и технологии, специализация, кооперирование и комбинирование между звеньями разделения труда экономического комплекса монополистического объединения и т. д. Для количественного выражения экономических рычагов обеих групп в монополиях широко используются товарные формы. Таким образом, монополистическое господство строится на отношениях "монополистической планомерности", использующей товарные формы. В этом, в частности, и находит свое проявление в системе монополистического господства противоречие между "планомерностью" и товарностью.

Важное место в системе монополистического господства принадлежит разделению труда. Гигантские размеры современных объединений позволяют создавать в пределах их организационных форм определенные звенья, воздействующие на оборот всех фигур промышленного капитала на трех его стадиях. Это существенным образом влияет на воспроизводство всего монополистического капитала. В орбиту разделения труда внутри экономического комплекса монополии попадает немалая часть общественного разделения труда, что способствует усилению монополистического господства. Подобное явление имеет место в том случае, когда монополистическому объединению удастся включить в сферу своего влияния весь цикл — от добычи сырья до сбыта и потребления

готовой продукции. Поэтому структурными элементами отношений монополистического господства становятся и отношения различных звеньев разделения труда в обществе.

Особую роль при этом играет финансовый капитал, сама природа которого способствует росту монополистического господства и вглубь, и вширь. Вглубь — когда отношения монополии сменяют конкуренцию на всех или почти всех фазах воспроизводства капитала: производства, распределения, обмена и потребления. Вширь — когда вследствие развития процессов диверсификации и конгломерации, а то и просто благодаря сговору между гигантами под эгидой монополии оказываются самые различные отрасли национальной экономики и отдельные отрасли хозяйства других стран.

В результате под контроль монополий попадает и известная часть звеньев международного разделения труда. С одной стороны, неразрывным элементом системы отношений монополистического господства становятся отношения, складывающиеся в мировом капиталистическом хозяйстве. С другой стороны, монополистическое господство испытывает воздействие противоречий между капиталистическими странами в сфере международных экономических отношений. Поскольку интернационализация производства становится материальной основой упрочения монополистического господства в мировом хозяйстве, постольку международные экономические отношения в пределах монополистического господства начинают выступать как составной элемент отношений, обуславливающих воспроизводство и самовозрастание капитала монополий.

Не только в мировом капиталистическом хозяйстве, но и в каждой стране активное участие в обеспечении монополистического господства принимает буржуазное государство. Экономическая роль буржуазного государства имеет многоплановый характер. Процесс утверждения господства монополий неизбежно привел к возникновению государственной капиталистической монополии*. Это радикальным образом изменило роль буржуазного государства в экономике, превратив его в гаранта не просто капиталистических устоев, а в первую очередь интересов монополий. С политико-экономической точки зрения современное буржуазное государство есть продукт монополистического капитализма. Именно в XX в. в развитых капиталистических странах, как отметил В. И. Ленин, "от монополии вообще перешли к государственной монополии"⁶⁰. Особенно упрочились отношения между монополиями и государством в последние годы. Это вызвано обострением как противоречий в национальных экономиках, так и межимпериалистических противоречий в мировом капи-

* В работе частная и государственная капиталистические монополии рассматриваются как тип отношений и как форма производства.

талистическом хозяйстве. Не случайно, по словам Дж. Гэлбрейта, "современная промышленная корпорация имеет тесные, т. е. зависимые, взаимовыгодные, а иногда основанные на подкупе, отношения с современным правительством"⁶¹. Вывод американского исследователя можно отнести к любой высококоразвитой капиталистической стране. Например, в Японии по мере увеличения размеров компаний налоговое бремя постепенно уменьшается и у крупнейших корпораций с акционерным капиталом не менее 10 млрд. иен ставка подоходного налога не превышает 21,8%⁶². Есть немало и других способов поддержки государством крупного капитала.

Отсюда вытекает вывод, что отношения государственной монополии неразрывно связаны с монополистическим господством и в значительной мере являются его составной частью. Однако к этому не сводится вся экономическая роль буржуазного государства. Здесь имеются в виду лишь те отношения государственной монополии, которые включены в систему монополистического господства.

Анализ структуры отношений господства большого бизнеса способствует раскрытию качественной и количественной сторон монополизации капиталистической экономики. Предел монополизации заложен в самом монополистическом капитале, сохраняющем свою частнособственническую природу, а потому неизбежно сталкивающим в конкурентной борьбе капиталы различных монополистических объединений. Отношения конкуренции поднимаются на новую высоту, действуют с огромной экономической силой. Частная форма монополистического капитала ограничивает степень подчинения рыночных отношений монополии. И хотя рынок перестает быть единственной формой общественной связи между производителями в общественном производстве, его роль в воспроизводстве монополистического капитала остается значительной. Полное воспроизводство и самовозрастание капитала концернов так или иначе включают рыночные отношения. Только в масштабе всей экономики возможно создание условий для воспроизводства как каждого индивидуального монополистического капитала, так и общественного капитала в целом. На внутрихозяйственные процессы все большее влияние оказывают рыночные отношения в мировом капиталистическом хозяйстве.

Внутренняя противоречивость отношений монополии, невозможность ее существования без конкуренции и рынка создают объективное основание для развития путей и методов воздействия монополистических объединений на процесс реализации созданных ими товаров и услуг. Вот почему в последние десятилетия наряду с ростом уровня монополизации экономики практически во всех развитых капиталистических странах получают распространение все новые формы включения рынка в систему монополистического господства. Остава-

ясь разнородными и разнопорядковыми, отношения монополии и рыночные отношения переплетаются и образуют противоречивое единство, вытекающее из товарной основы капиталистического способа производства. Если же принять во внимание, что отношения монополии по существу представлены как частной, так и государственной капиталистической монополией, то с известной долей условности базу монополистического господства можно представить как взаимодействие монополии, рынка и государства. Что же отличает систему монополистического господства от господства капиталиста в период расцвета свободной конкуренции?

Со стороны производительных сил монополистическое господство опирается на высокообобществленное производство. Со стороны производственных отношений — на отношения финансового капитала, способного проникать во все сферы хозяйства и пронизывать все общество буржуазных стран. Сочетание обеих сторон обуславливает возникновение монополистического присвоения, которое не всегда находится в прямой зависимости от величины монополистического капитала, а определяется всей совокупностью отношений монополистического господства. Громадные размеры объединений позволяют держать под контролем монополии не только внутрифирменное, но и некоторую часть общественного и международного разделения труда, присваивать плоды научно-технической революции. В результате развивается планомерная эксплуатация всех источников монопольной прибыли, а отношения "монополистической планомерности" становятся решающими в экономической реализации капиталистической монополии.

Становление отношений "монополистической планомерности" проходит через сложные взаимосвязи общественных отношений. Капиталистическая монополия как тип отношений противостоит конкуренции как отношениям обособленных товаропроизводителей. Вместе с тем достигнутый в монополистических объединениях уровень обобществления производства послужил базой для формирования планомерных отношений, находящихся в рамках крупного капитала. Поэтому планомерные отношения, отрицая товарные отношения, в то же время осуществляются через товарные формы. Вот почему планомерность как тип общественных отношений, приходящий на смену товарности, в условиях монополистического капитализма воспринимает коренные черты капиталистического способа производства (эксплуатация наемного труда, товарные формы и т. д.) и не может носить всеобщий характер, выступая лишь как "монополистическая планомерность". Это отчетливо видно в ленинской характеристике планомерности при империализме. "Введение планомерности, — писал В. И. Ленин, — не избавляет рабочих от того, что они — рабы, а капиталисты берут прибыль более "планомерно".

Сейчас мы имеем прямое перерастание капитализма в высшую планомерную форму его⁶³.

Государственная капиталистическая монополия наряду с тем, что для нее характерны основные черты капиталистической монополии вообще, отличается наивысшим при капитализме уровнем обобществления экономических процессов. Если в период капитализма свободной конкуренции государство преимущественно старалось сохранять нейтралитет в хозяйственной жизни страны, то при империализме без него немыслимо обеспечение монополистического господства. Поэтому активная экономическая роль государства — один из существенных признаков монополистического господства в условиях современного капитализма.

Монополистическое господство отличается также и тем, что акционерная форма объединений, способствуя обогащению нескольких крупнейших капиталистов-акционеров, в то же время снимает индивидуальную персонификацию монополистического капитала. Как известно, при капитализме свободной конкуренции в лице капиталиста-предпринимателя персонифицировался и промышленный капитал, и прибыль, получаемая принадлежавшим капиталисту предприятием. Иное дело при империализме. Фетишизация капиталистической эксплуатации достигает такой степени, что для определения индивидуальных доходов монополистов требуется проведение кропотливого анализа вложения их капиталов как в данное объединение, так и в другие предприятия в самых различных сферах и отраслях хозяйства. Поэтому абсолютный размер и норма прибыли монополий не отражают реальный прирост индивидуальных капиталов монополистов.

Становление капиталистического способа производства проходило под знаменем буржуазных свобод, когда "идеи свободы совести и религии выражали в области знания лишь господство свободной конкуренции"⁶⁴ в хозяйственной жизни. Монополистическая форма производства коренным образом изменяет характер отношений между производителями в общественном производстве. "...Каждая форма производства, — отмечал К. Маркс, — порождает свойственные ей правовые отношения, формы правления и т. д."⁶⁵. Развитие капиталистических "монополий, которые всюду несут стремления к господству, а не к свободе", делает иллюзорными даже принципы буржуазной демократии. Не случайно поэтому, говоря о мелкобуржуазных критиках империализма, В. И. Ленин обращал внимание на то, что "все они, нисколько не претендуя на марксизм, противопоставляют империализму свободную конкуренцию и демократию"⁶⁶.

Для монополистического капитала демократия в политической жизни и свободная конкуренция в хозяйственной сфере являются помехами на пути установления господства, механизмом которого становятся регулируемые монополи-

стической верхушкой по существу нетоварные отношения. Однако частнокапиталистическая природа монополистического капитала обуславливает такое положение, когда смена отношений конкуренции отношениями монополии, подрыв товарности и развитие монополистической плановости сопровождаются ростом реакционности в общественных отношениях. При домонополистическом капитализме капитал признавал действие только одной силы — принудительной силы конкуренции. Тогда размеры индивидуальных капиталов в каждый данный момент времени незначительно отличались друг от друга. Но гигантские размеры монополистического капитала уже не терпят "равноправия" в конкурентной борьбе. Теперь изменения в механизме хозяйствования, в общественных отношениях производства неизбежно вызвали изменения и в политической жизни буржуазного общества. В. И. Ленин лаконично и предельно точно выразил происшедшие изменения следующим образом: "Свободной конкуренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция"⁶⁷. Как видно, в этом находит одно из своих проявлений система монополистического господства, антиобщественная (т. е. на пользу только какого-либо одного монополистического объединения) направленность "монополистической плановости". Стремления к господству пронизывают всю систему отношений воспроизводства монополистического капитала.

Становление капиталистической монополии и формирование системы монополистического господства вносят важные изменения в производственные отношения капитализма, в структуру и содержание всех общественных отношений буржуазного общества, ибо "монополии всюду несут с собой монополистические начала"⁶⁸. Прежде всего "монополистические начала" внедряются в механизм хозяйствования, через который только и возможна экономическая реализация монополии, осуществляется господство большого бизнеса. Опора большого бизнеса не сводится к сугубо экономической мощи монополистических гигантов, а включает в себя разветвленную сеть отношений, субъектами которых являются практически все производители в капиталистической экономике.

Но ключевое место здесь принадлежит буржуазному государству. Своими экономическими и политическими рычагами оно пытается не только стабилизировать развитие капиталистической системы, обеспечивая в ней приоритет большому бизнесу, но и представить перед общественным мнением всю свою деятельность как выражение интересов всего общества. "...Никогда еще так много не говорилось о "всенародном" характере буржуазного государства, которое якобы обслуживает интересы "всей нации"⁶⁹, — отмечал советский ученый В. В. Загладин.

Как тут не вспомнить слова В. И. Ленина, который еще на

заре становления государственно-монополистического капитализма неоднократно обращал внимание на то, кому "служат национальные комитеты миллионеров, называемые правительствами"⁷⁰. Опираясь на поддержку буржуазного государства, большой бизнес в то же время забывает о своей "сплоченности", когда дело доходит до дележа созданной трудящимися прибавочной стоимости. "Миллиардер, — подчеркивал В. И. Ленин, — не может делить "национальный доход" капиталистической страны с кем-либо другим иначе, как в пропорции: "по капиталу" (и притом еще с добавкой, чтобы крупнейший капитал получил больше, чем ему следует)"⁷¹. Капиталистические противоречия тем самым достигают небывалой остроты в монополистическом соперничестве. Другими словами, и опора большого бизнеса — это не монолитная основа, а противоречивый узел интересов самых разных производителей (от мелкого ремесленника до гигантского концерна), подчиненный диктату монополистического капитала.

Важную роль в обеспечении господства большого бизнеса играют менеджеры, среди которых условно можно выделить три группы — высшие, средние, низшие. К высшей относятся управляющие, занимающие посты в центральных органах компаний, а также возглавляющие их крупнейшие отделения или филиалы. Средняя группа включает администраторов аппарата отделений, их служб, а также директоров заводов и аналогичных подразделений монополий. Управленческие работники заводов и других низовых звеньев компаний, включая мастеров и бригадиров, относятся к низшей группе менеджеров. Наибольшее влияние на деятельность монополистических объединений оказывают наряду с высшими и менеджеры среднего звена.

В XX столетии отмечается бурный рост непроизводственного персонала в промышленности капиталистических стран. В 1900 г. на 40 рабочих приходился один управленческий работник. В 1935 г. из каждых десяти занятых один относился к числу инженерно-технических рабочих и служащих, а ныне — уже из каждых четырех. Воочию подтверждается вывод К. Маркса о том, что, "по мере того как растут размеры средств производства, противостоящих наемному рабочему как чужая собственность, растет необходимость контроля над их целесообразным применением"⁷². В крупнейших промышленных корпорациях США с 1970 по 1983 г. активы на одного занятого выросли почти в 3 раза и составили 70,3 тыс. долл. В эти же годы доля непроизводственного персонала, часто именуемого в буржуазной литературе "белыми воротничками", в общем числе занятых в обрабатывающей промышленности превысила в среднем 30%. В 1983 г. непроизводственный персонал в "Дженерал моторз" насчитывал примерно 210 тыс. человек, "Форд мотор" — 114, ИБМ — 110, "Дженерал электрик" — 102, ИТТ — 84 тыс. человек⁷³. Вместе с ростом

непроизводственного персонала неудержимо растет и число менеджеров.

Менеджер, по мнению хозяев монополий, должен не обладать набором качеств вообще, а отвечать тем специфическим требованиям, которые предъявляются ему данной фирмой при определенных обстоятельствах⁷⁴. Приспособиться к ним помогает общая подготовка, которую будущие управляющие получают в специальных школах делового администрирования, или школах бизнеса. Первая школа бизнеса в США была открыта в 1881 г. в Пенсильванском университете. В настоящее время почти все университеты и крупные колледжи страны имеют школы или отделения, готовящие менеджеров. После второй мировой войны школы бизнеса широко распространились в Западной Европе и Японии, где в основу работы была положена американская система подготовки управляющих, которая в последние годы все больше ориентируется на местные и национальные условия хозяйствования.

Постепенно сложились три уровня в подготовке управляющих — по программам бакалавра, магистра и доктора по бизнесу. В 1981 г. американские школы бизнеса выпустили 200,9 тыс. бакалавров, 58 тыс. магистров и 845 докторов. При этом среди всех лиц, получивших в стране высшее образование, магистры по бизнесу составляли 19,6%. Это значит, что каждый пятый студент вузов США готовится к непосредственной профессиональной деятельности в сфере организации бизнеса, в области управления компаниями.

На домонополистической стадии капитализма увеличение числа менеджеров в значительной мере было связано с ростом производительных сил и промышленного капитала, в эпоху империализма оно зависит прежде всего от условий воспроизводства финансового капитала, господствующего практически во всех сферах хозяйства и общества. В современных условиях по мере углубления антагонизмов на передний план выдвигается социальная функция управляющих, что в свою очередь предопределяет упор на их подготовку в школах бизнеса.

Углубляющиеся противоречия капиталистической экономики вынудили президента Гарвардского университета Д. Бока указать в 1979 г. школе бизнеса на необходимость совершенствования подготовки выпускников по актуальным для современного капитализма проблемам (отношения между бизнесом и правительством, планирование в корпорациях, управление человеческими ресурсами, моральные стороны положения бизнеса в обществе). Как считают деловые круги, пришло время, когда школы бизнеса должны учить студентов не только тому, как находить выходы из трудностей и принимать решения, но и как воспитывать у них хорошие манеры. Это должно стать движущим мотивом в обучении и практической деятельности, ибо, по мнению президента

одной из компаний, "корпорация политизируется и приобрела в нашем обществе иное представление, которого не было ни недавно, ни десять лет назад"⁷⁵.

В условиях обострившихся социальных противоречий большой бизнес стал совершенствовать морально-демагогическую фразеологию для затушевывания своей неизменной цели — максимизации прибыли. В этом призваны ему помочь выпускники школ бизнеса. "Вместе с ростом массы одновременно занятых рабочих,— подчеркивал К. Маркс,— растет и их сопротивление, а в связи с этим неизбежно растет давление капитала, направленное на то, чтобы подавить это сопротивление"⁷⁶. Теперь, когда, с одной стороны, возросла организованность рабочего класса в капиталистических странах, а с другой — все шире становятся известными исторические завоевания социализма, которому чужда эксплуатация человека человеком, монополисты стремятся прикрыть свой диктат "заботой о персонале", "учетом индивидуальных способностей работников", "созданием климата сотрудничества в организации"⁷⁷. "Бизнес всецело зависит от людей, а не от машин"⁷⁸, — констатирует председатель совета директоров одной крупной американской корпорации. Поэтому в процессе подготовки, переподготовки и повышения квалификации упор сделан на развитие у менеджеров способности поддерживать "контакт и взаимопонимание" с персоналом компании, "общительность и социальную мобильность", умение выгодно представить компанию перед общественностью. Им вменяется в обязанность не просто отдавать команды, а "учить, убеждать и показывать пример верного служения своему делу"⁷⁹. Такими хотят видеть менеджеров боссы бизнеса, которые вынуждены под давлением растущих противоречий между трудом и капиталом все больше обращать внимание на социальную сторону производства.

Значительное место в обеспечении господства большого бизнеса принадлежит материальному стимулированию управляющих, определению критериев оценки их деятельности. Поскольку в советской экономической литературе этот вопрос получил известное отражение⁸⁰, остановимся на тех сторонах данного явления, которые в наибольшей мере занимают буржуазных специалистов и непосредственным образом связаны с ориентацией менеджеров на решение социальных проблем. Несмотря на огромное разнообразие в организации материального стимулирования в монополистических объединениях, все же можно выделить ряд общих для компаний принципов.

Во-первых, независимо от размеров корпорации и количества сфер ее деятельности фонд материального стимулирования в концернах является общим для всех его подразделений и формируется по результатам работы компании в целом. Использование и распределение этого фонда осуществляются

только по решению специального комитета, относящегося к самым высоким органам монополии.

Во-вторых, величина дополнительных выплат или вычетов из основного жалования зависит от конкретных результатов деятельности подчиненных менеджерам подразделений объединения и соответствует критериям оценки управляющих, заранее зафиксированных в специальных оценочных листах. Характерно, что монополии стремятся иметь более или менее стабильные критерии оценки, но они немедленно пересматриваются, если перестают отвечать интересам объединения в целом. Размеры материального стимулирования возрастают по мере продвижения вверх в управленческой иерархии.

В-третьих, система материального стимулирования является органической составной частью планирования всей деятельности монополистического объединения. Стимулируются лишь те действия менеджеров, которые направлены на выполнение установленных заданий. Перевыполнение показателей поощряется только в том случае, если не ведет к замедлению оборота капитала или к ослаблению конкурентоспособности корпорации и в конечном счете способствует увеличению ее прибыли.

В-четвертых, менеджер любого ранга считается тем более ценным для компании и получает тем большее вознаграждение, чем больше демонстрирует "верное служение концерна интересам людей и общества". И наоборот, отсутствие способности или старания у менеджера завуалировать "дурные стороны бизнеса" нередко служит основанием для лишения его работы в данной компании. Теперь в моде настойчивое поощрение демонстрации управляющими "социальной ответственности".

В-пятых, организация материального стимулирования менеджеров объективно выражает прежде всего капиталистическую природу управления, состоящую в "эксплуатации общественного процесса труда", подчиненного большому бизнесу.

Монополистические объединения ревностно следят, чтобы материальное стимулирование не вело к углублению противоречий как между различными эшелонами управления, так и между менеджерами одного уровня. "У нас слишком много хлопот от конкуренции вне компании,— заявлял председатель совета директоров одной корпорации,— поэтому мы не можем себе позволить видеть все это внутри фирмы"⁸¹. Вот почему, по мнению американского бизнесмена Дж. Херинга, "лидерами в бизнесе могут быть те, которые не только знают свою работу, но и могут стимулировать других для достижения высокого уровня совершенства в каждом деле"⁸².

Индикаторы деятельности менеджеров всецело зависят от характера их работы. Так, для управляющих заводами устанавливаются показатели ассортимента и объема производства, издержек производства и качества изделий. Поскольку заво-

ды заняты в основном производством, а другие вопросы кругооборота капитала решаются остальными подразделениями монополистического объединения, то показатель прибыли не фиксируется. Вместе с тем в зависимости от конкретных обстоятельств функционирования концерна и каждого завода управляющий может нацеливаться в первую очередь либо на скорейшее освоение нового оборудования, новой технологии или выпуска новой продукции, либо на сокращение трудовых затрат, либо на проведение реконструкции или модернизации предприятия и т. п. Это еще раз показывает, что в системе господства большого бизнеса для менеджеров, занимающих примерно равнозначные посты в одной и той же компании, не существует неизменных показателей, по которым оценивается их работа. Отношения "монополистической плановности" постоянно находятся в движении, приспособляясь к условиям хозяйствования концернов.

Именно те лица, которые призваны регулировать материальное стимулирование в фирмах, наибольшие вознаграждения определяют для самих себя. Ежегодные обследования крупнейших американских корпораций журналом "Бизнес уик" показывают, что если в 1978 г. всего у 12 человек среди лидеров бизнеса все вознаграждение превысило 1 млн. долл., то в 1981 г. уже 26 высших руководителей корпораций получили общие выплаты свыше 1 млн. долл. Причем, несмотря на кризис, потрясший экономику США и всего капиталистического мира в 1981 г., выплаты высшим управляющим 288 крупнейших фирм выросли в среднем на 15,9%, в то время как в 1980 г. годовой рост составил 13,7%. Глава корпорации "Фибро" Д. Тэндлер оказался своеобразным "рекордсменом" по величине общего денежного вознаграждения — ему вручено 2,7 млн. долл. Примечательно, что прибыль самой "Фибро" сократилась в 1981 г. по сравнению с предыдущим годом на 38% и составила всего 289 млн. долл. Несмотря на ухудшение позиций своей компании, Тэндлер не отказался от заранее ему обусловленной премии за проведение реорганизации объединения⁸³. В 1983 г., когда прибыль концерна "Дженерал моторз" равнялась 3,7 млрд. долл., 5 тыс. высших управляющих получили только в виде бонусов 181,7 млн. долл.

Немалый подарок хозяевам монополий и высокопоставленным менеджерам преподнесла администрация Рейгана. По ее инициативе в 1981 г. в США был принят закон, согласно которому предоставлялись значительные налоговые скидки на так называемый долгосрочный доход, выплачиваемый корпорациями высшему руководству по специально разработанному в каждой фирме положению. В результате вице-президент корпорации "Шламбергер", занятой в сфере доставки и распределения нефтепродуктов, Р. Дженин должен был получить в виде жалованья и бонусов в 1981 г. 438 тыс. долл.,

но вместе с набевавшим ему долгосрочным доходом компания выплатила 5 658 тыс. долл.⁸⁴

Выполнение всех задач, поставленных перед менеджерами, должно быть достигнуто в условиях "социального мира" на предприятиях объединения, ибо при современном высоком уровне специализации и кооперирования производства взрыв социальных антагонизмов лишь на одном заводе может привести к срыву производственной программы концерна, а значит, и к падению его прибыли. "Забастовки стоят очень дорого"⁸⁵,— считают монополисты, так как потеря прибыли является лишь вершиной айсберга убытков, которые возникают в будущем из-за срыва оборота капитала, падения производительности труда, уменьшения заказов и роста недоверия потребителей к стабильности компании. Поэтому в управленческой среде ничто не ценится так высоко, как умение "ладить" с людьми, управлять общественным мнением, использовать социальную демагогию и находить компромиссы, оставаясь верным слугой монополий. Обеспечение "сотрудничества между управлением и трудом" стало заветной мечтой крупного бизнеса. Достичь ее он стремится за счет материального стимулирования, отражающего социальную природу управленческого слоя буржуазного общества.

Формально все управляющие являются лицами наемного труда с установленным для них жалованьем, которое включается, как правило, в издержки производства компаний. Отсюда выходит, будто бы все управляющие эксплуатируются бизнесом. Однако для определения классовой принадлежности менеджеров такой подход явно недостаточен. Важно выявить структуру управленческого персонала, роль каждой группы менеджеров в организации производства и отношение к собственности компаний, источники их доходов, т.е. проанализировать место менеджеров в общественном производстве и буржуазном обществе⁸⁶.

Что касается высших менеджеров, то подавляющую их часть можно отнести к высшим слоям буржуазии, а в ряде случаев — к финансовой олигархии. Многие высшие менеджеры — члены совета директоров тех же корпораций. Из десяти высших управляющих "Форд мотор" восемь человек входит в состав совета директоров концерна. Наряду с совмещением постов в администрации и в советах директоров компаний широко распространено совмещение директорских мест в различных корпорациях. Так, из десяти членов совета директоров концерна "Боинг" восемь человек одновременно являются председателями совета директоров других корпораций.

Менеджеры среднего звена по своему материальному положению и общим доходам приравниваются к средней буржуазии, имеющей предприятия в индивидуальной собственности. Поэтому как по величине доходов, так и по роли в организа-

ции общественного производства они занимают те же классовые позиции, хотя и относятся в основном к лицам наемного труда. Главная их забота, как определил американский специалист по управлению Дж. Бейкер,— угадать, что хотят высшие менеджеры⁸⁷.

Ближе всего к рабочему классу по социальному положению находятся низшие менеджеры. Их классовые позиции неустойчивы, в значительной мере подвержены колебаниям экономической и политической конъюнктуры. Однако в отличие от мелкой буржуазии, в большинстве своем борющейся против засилья монополий, низшие управляющие выступают как раз непосредственными проводниками интересов концернов, прямо способствуя производству прибавочной стоимости. Вместе с тем низшие менеджеры сами испытывают всю алчность и деспотичность господства большого бизнеса, являясь объектом капиталистической эксплуатации. Это вынуждает хозяев монополий проводить политику социального маневрирования не только по отношению к рабочему классу, но и по отношению к управляющим. Такой политике отводится важная роль, поскольку, по мнению буржуазных идеологов, в настоящее время возрастает "социальная цена" всех управленческих решений⁸⁸.

По мере дальнейшего обобществления производства и расширения господства финансового капитала растет значение менеджеров, призванных управлять бизнесом в целях обеспечения максимизации прибыли буржуазии в целом. Управляющим создаются условия для получения необходимого образования и повышения профессиональной квалификации, а от них требуется умение организовать "сглаживание" социальных конфликтов и ревностно отстаивать интересы монополий в классовых сражениях с пролетариатом. Чтобы продлить свое существование, монополисты готовы поделиться с высшими менеджерами и частью своих сверхприбылей. Особым вниманием среди тузов бизнеса пользуются те управляющие, которые и в современных условиях обострения капиталистических противоречий преуспевают в эксплуатации человека труда. Однако глубоко противоречивая система господства монополий не может гарантировать их хозяевам "спокойную жизнь". Вот почему Дж. Гэлбрейт вынужден заявить: "Нам нужен механизм, который помог бы справиться с потоком проблем, которые, подобно волнам, наступают и наступают на берег"⁸⁹. Источник этих проблем — исторически обретенная эксплуататорская природа капиталистического строя.

В системе товарного хозяйства важнейшим атрибутом предпринимательской деятельности выступает рынок. Поэтому необходимо рассмотреть политико-экономическую характеристику рынка и выявить суть взаимосвязи большого бизнеса и рынка в сложившейся системе производственных отношений государственно-монополистического капитализма.

РЫНОК И БОЛЬШОЙ БИЗНЕС

1. Природа рынка и его эволюция

Капиталистический способ производства неразрывно связан с рынком. Являясь атрибутом товарного хозяйства, рынок выполняет различные функции в общественном производстве. С чисто количественной точки зрения размер рынка находится в прямо пропорциональной зависимости от степени развития товарного производства. Качественная сторона рынка состоит в обеспечении смены формы стоимости подлежащих реализации товаров, что в конечном счете приводит к стихийному регулированию общественного производства. Классики марксизма-ленинизма уделили исследованию рынка значительное внимание. В экономических произведениях К. Маркса и Ф. Энгельса рынок рассматривается с различных сторон. В. И. Ленин посвятил изучению рынка ряд своих работ, первая из них — "По поводу так называемого вопроса о рынках". Интерес к исследованию рыночных отношений при империализме не ослабевает и в современной марксистской экономической литературе¹.

Буржуазные авторы, вынужденные признать достигнутый в современных условиях высокий уровень обобществления и монополизации производства, все же стремятся доказывать отсутствие любой иной исторической альтернативы механизму капиталистической экономики, кроме давно испытанных рыночных отношений. Понятие "рыночная экономика" для апологетов капитализма — символ буржуазных принципов свободы предпринимательства, неприкосновенности частной собственности, священности коммерческой тайны и т. п. Фетиш рынка пленил как маститых профессоров буржуазной науки, так и мелких торговцев.

Между тем рынок имеет исторически обусловленные границы. Его содержание раскрывается через отношения товарного производства. "... Понятие "рынка", — указывал В. И. Ленин, — совершенно неотделимо от понятия общественного разделения труда... "Рынок" является там и постольку, где и поскольку появляется общественное разделение труда и товарное производство. Величина рынка неразрывно связана со степенью специализации общественного труда"². Степень специализации общественного труда предопределяет число товаропроизводителей, что в свою очередь оказывает прямое влияние на количество товаров, произведенных для продажи.

В условиях товарного хозяйства между производителями сохраняется единственная форма общественной связи — обмен, который осуществляется через рыночные отношения³.

Именно экономическая обособленность приводит к тому, что обмен как фаза воспроизводства в любом обществе, опирающемся на общественное разделение труда, приобретает форму рынка. Поскольку же рынок представляет собой не только отношения по поводу реализации произведенных в обществе товаров, но и тем самым выражает общественное воздействие на каждого товаропроизводителя, постольку он выступает регулятором общественного производства. Так как отношения между обособленными производителями складываются стихийно, никому неизвестны и неподвластны, то рынок и воздействует на них стихийно. Таким образом, возникает обратная связь от рынка через товаропроизводителей на ход развития общественного разделения труда, на пропорции общественного производства. "...Разделение труда, — подчеркивал К. Маркс, — есть естественно выросший производственный организм, нити которого сотканы и ткуются далее за спиной товаропроизводителей. Товар может быть продуктом нового вида труда, который претендует на удовлетворение вновь возникшей потребности или на свой страх и риск желает еще только вызвать какую-либо потребность... Сегодня данный продукт удовлетворяет известной общественной потребности. Завтра он, быть может, будет вполне или отчасти вытеснен с своего места другим подобным ему продуктом"⁴.

Хотя реализация товаров часто проходит в определенном месте, на известной территории, с политико-экономической точки зрения рынок не может быть сведен ни к географически определенному месту, ни к обусловленной территории. Природа рынка раскрывается через совокупность отношений, связанных с куплей-продажей товаров⁵. Такая характеристика рынка вовсе не исключает территориальный признак в его определении. Товарное хозяйство может ограничиваться в своем распространении либо естественно-природными, либо общественно-государственными, либо национальными рамками. В подобных случаях говорится, например, об африканском рынке, итальянском рынке, арабском рынке. Порой понятие рынка связывается и с определенным товаром, тогда широко используются такие выражения, как рынок свинца, автомобильный рынок, нефтяной рынок и т. п. Однако нетрудно видеть, что все эти дополнительные черты рынка не изменяют его природы, а лишь локализуют совокупность отношений товаропроизводителей по купле-продаже товаров либо на какой-то территории, либо в связи с товаром, обладающим сходными потребительскими свойствами.

За длительный исторический период существования товарного производства произошло немало изменений как в развитии общественного разделения труда, так и в характере обо-

собления товаропроизводителей, значительным образом изменилась и роль товарного производства в хозяйственной жизни общества. Развитие международного разделения труда и мировой торговли привело к образованию и расширению мирового рынка, где контрагентами при купле-продаже товаров выступают целые страны и народы. Хотя в этом случае содержание рыночных отношений осталось прежним, сфера их распространения свидетельствовала, во-первых, о вовлечении в хозяйственный оборот самых различных территорий и, во-вторых, о возникновении обратного влияния мирового рынка на внутренний рынок и состояние внутрихозяйственной жизни любой страны⁶.

Обособленность товаропроизводителей как сущность товарного производства проявляется по-разному. Если рынок характеризует связь товаропроизводителей только по поводу купли-продажи товаров и непосредственно не затрагивает другие сферы их отношений, то конкуренция пронизывает существование производителей на всех этапах деятельности — от купли сырья и орудий труда, предметов личного потребления до продажи готовых изделий. Иначе говоря, конкуренция свойственна всем фазам воспроизводства в товарном хозяйстве. Определяя ее содержание, В. И. Ленин писал: "Это отношение обособленных производителей, работающих на общий рынок, называется конкуренцией"⁷. Конкуренция сталкивает интересы товаропроизводителей и в производстве, и в распределении, и в обмене, и в потреблении. Рынок, оказывая влияние на судьбу каждого товаропроизводителя, характеризует отношения только в сфере обращения. Не случайно поэтому наиболее острые формы приобретает конкуренция на рынке, где собственно всякий раз, когда предлагается товар, решается дальнейшая судьба их производителей.

Анализ соотношения конкуренции и рынка имеет важное методологическое значение для выяснения роли товарного производства в развитии капитализма, особенно на его империалистической стадии. Уже при рассмотрении рынка и конкуренции на категориальном уровне ясно видна их различная функциональная роль в товарном хозяйстве. Рынок выступает регулятором общественного производства через механизм конкуренции. "...Товарное производство,— писал Ф. Энгельс,— как и всякая другая форма производства, имеет свои особые, внутренне присущие ему и неотделимые от него законы; и эти законы прокладывают себе путь вопреки анархии, в самой этой анархии, через нее. Эти законы проявляются в единственно сохранившейся форме общественной связи — в обмене — и действуют на отдельных производителей как принудительные законы конкуренции... Они прокладывают себе путь помимо производителей и против производителей, как слепо действующие естественные законы их формы производства"⁸.

Именно конкуренция сыграла не последнюю роль в созда-

нии условий для формирования товара рабочая сила и превращения товарного производства в капиталистическое товарное производство. Возник характерный только для капитализма рынок труда, и появилась конкуренция между наемными рабочими — владельцами специфического товара рабочая сила за право продать свой товар капиталисту. Товарная форма, таким образом, становится всеобщей формой производственных отношений. При капиталистическом товарном производстве в условиях крупной машинной индустрии конкуренция достигает наивысшего развития. Только теперь исчезают внеэкономические перегородки, которые ограничивали обособленность капиталистов, так или иначе суживали возможные сферы применения их капитала. Обращая внимание на исключительную значимость конкуренции для развития и функционирования товарного производства во всех его формах, В. И. Ленин подчеркивал, что "свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства вообще"⁹. Своего апогея свободная конкуренция достигает как раз при тех обстоятельствах, когда формальное подчинение труда капиталу становится реальным и функция регулятора общественного производства у рынка расширяется вследствие прямого воздействия на распределение труда между отраслями общественного производства.

Процесс развития общественного разделения труда особенно интенсифицируется в условиях капиталистического способа производства. Такое развитие в своей основе имеет прогресс производительных сил, рост специализации, кооперирования и комбинирования производства, существенные сдвиги в технологической и энергетической базах. Вместе с тем возникает взаимосвязь между общественным разделением труда и движением капитала. Наиболее выпукло это проявляется, когда начинают активно действовать обособившиеся функциональные формы промышленного капитала — торговый и ссудный капиталы, а затем акционерный капитал. В общественном производстве обеспечение купли-продажи товаров становится функцией особой формы капитала — торгового, в то же время сам капитал в форме ссудного и фиктивного превращается в объект купли-продажи. Возникает еще один специфически капиталистический рынок капиталов.

Таким образом, уже при капитализме свободной конкуренции единый рынок как совокупность отношений обособленных товаропроизводителей (в данном случае прежде всего капиталов) по поводу купли-продажи товаров вообще начинает складываться из нескольких неравноценных частей: рынка товаров — продуктов труда; рынка товаров — продуктов капитала; рынка труда; рынка капитала. С развитием общественного разделения труда происходит не просто увеличение размеров рынка, а имеет место его эволюция в соответствии с изменениями в характере производственных отно-

шений. Наряду с этим усложняется функция рынка по регулированию общественного производства.

В период свободной конкуренции индивидуальные капиталы незначительно отличались по величине друг от друга. Конкуренция способствовала выравниванию как условий хозяйствования, так и размеров капиталов отдельных предпринимателей. Для всех капиталистов рынок оставался неизвестным и свободным, поэтому по отношению к рынку они находились примерно в равном положении. Временные преимущества, получаемые тем или иным капиталистом, нивелировались конкурентной борьбой. Сложилось динамическое равновесие между уровнем обобществления производства и тем стихийным регулятором общественного производства, каким выступал неизвестный и свободный рынок. Пропорциональность в общественном производстве устанавливалась только во время периодически повторяющихся экономических кризисов. При этом закономерности воспроизводства капитала и его самовозрастания в значительной мере опирались на свободный перелив капитала и рабочей силы между звеньями общественного разделения труда. Характер и общественная форма обмена соответствовали характеру и общественной форме капиталистического процесса производства.

Вместе с тем в буржуазном обществе объектом купли-продажи становятся не только продукты труда и продукты капитала. Форму товара приобретают невоспроизводимые элементы природы (например, земля) и духовные ценности человека (например, совесть, честь). Цена таких товаров, не обладающих стоимостью, превращается в иррациональную величину. Иррациональное значение имеет и рынок подобных товаров, так как при их купле-продаже не происходит смены формы стоимости (вследствие отсутствия последней) и здесь нет экономических процессов, воздействующих на регулирование общественного производства. Не всякое увеличение объема купли-продажи выражает увеличение рынка. Функцией регулирования общественного производства обладает не рынок вообще, а только рынок, представляющий собой форму обмена в сфере материального производства. При этом воспроизводство общественного капитала испытывает воздействие со стороны рынка капитала, который опосредованно связан с движением промышленного капитала в материальном производстве.

По мере развития капитализма масштабы материального производства возрастают, увеличивается и рынок. Однако с увеличением размеров рынка не происходит соответствующего возрастания эффективности его функции по регулированию общественного производства. Имеет место тенденция, когда даже в период капитализма свободной конкуренции процесс усложнения функции рынка по регулированию общественного производства означает не прямо пропорциональное

повышение его регулирующей роли. В развитии производственных отношений наступает переломный момент: рынок как регулятор общественного производства перестает удовлетворять капитал. Это связано с ростом концентрации и обобществления производства, свободную конкуренцию сменяет монополия. Смена происходит прежде всего в сфере обмена, в сфере рыночных отношений. Возрастание объема актов купли-продажи продолжается, но это уже не то же самое, что происходило во время расцвета свободной конкуренции, ибо в регулирование общественного производства, в процесс реализации капиталистических товаров все больше вмешивается рожденная капитализмом монополия.

Эволюция рынка отражает эволюцию товарного производства вообще. С политико-экономической точки зрения рынок достигает своего наивысшего развития именно тогда, когда в апогее находится товарное производство. Появление капиталистических монополий свидетельствует о том, что в механизме капиталистического воспроизводства возникла экономическая сила, которая начинает дополнять, а в ряде случаев и заменять рынок как регулятор общественного производства в сфере господства большого бизнеса. Анализ эволюции рынка при капитализме был бы неполным, если бы осталась в стороне так называемая непроизводственная сфера экономики. Дело в том, что после второй мировой войны в капиталистических странах бурными темпами развивались различные отрасли, главное функциональное предназначение которых — обслуживание населения. Предметом купли-продажи стала услуга. В результате сформировался довольно важный для любой национальной экономики рынок услуг.

Непроизводственная сфера для своего существования и развития требует, с одной стороны, оборудования, зданий, материалов, энергии и т. п., а с другой — все большего количества рабочей силы. Однако в обмен она предлагает лишь разнообразные услуги, как правило, не имеющие непосредственного материального носителя. Одной из особенностей рынка услуг является то, что порой может возникать повышенный спрос на определенные услуги, но никогда не может появиться "перепроизводство" услуг, так как купля-продажа услуги практически всегда означает ее одновременное потребление. Более того, "производство", или предоставление услуг, их купля-продажа и потребление мало или совсем не разграничены во времени. Другой особенностью этого рынка выступает его локализованность, большая часть услуг прочно "привязывается" к определенной местности, району или региону, тем самым теряя свой смысл в других местах. Такая привязка существенно влияет на уровень конкуренции на рынке услуг и в немалой степени ограждает его от зарубежных конкурентов.

Все это дает основание абстрагироваться от рынка услуг

при характеристике роли рынка вообще в регулировании общественного производства. Однако нельзя забывать, что немалая часть сферы услуг находится под прямым или косвенным контролем большого бизнеса, который и здесь нацелен на максимизацию прибылей. Таким образом, регулирование общественного производства сводится теперь к соотношению рыночных и монополистических отношений. Причем отношения монополии развиваются, в то время как рыночные отношения все больше "ущемляются" растущим господством большого бизнеса. Данная тенденция наглядно проявляется в роли рынка и капиталистических монополий в формировании структуры общественного производства.

2. Новое в формировании структуры общественного производства

Одной из существенных черт капиталистического производства, отличающих его от исторически предшествовавших форм, является общественный характер. Это означает, что воспроизводство как отдельных индивидуальных капиталов, так и всего общественного капитала требует определенных качественных и количественных соотношений (пропорций) между различными сферами национальной экономики, что выражается в соответствующей структуре общественного производства. В капиталистическом товарном хозяйстве структура общественного производства формируется стихийно, анархически. Но стихийный процесс ее формирования не свидетельствует об отсутствии объективных закономерностей, которые прежде всего обусловлены развитием производительных сил.

С политико-экономической точки зрения структура национальной экономики характеризуется распределением совокупного труда общества. Поскольку для капитализма характерно возрастание органического строения капитала, постольку этот естественно-исторический процесс представляет собой объективную материальную основу эволюции структуры общественного производства. Именно на разделение труда по сферам экономики указывал К. Маркс, который еще при подготовке материалов для "Капитала" прозорливо выделил те тенденции в развитии капиталистического производства и его структуры, которые воочию подтверждены жизнью и свидетельствами которых мы являемся. По существу К. Маркс дал картину сложных и в то же время объективно обусловленных взаимосвязей в ходе капиталистического развития. Он, в частности, писал: *"При возрастании постоянного капитала увеличивается и относительная масса совокупного труда, занятого его воспроизводством. Тем не менее та часть рабочих, которая непосредственно производит жизненные средства, производит*

теперь больше продуктов, чем прежде, хотя число этих рабочих уменьшилось. Их труд стал производительнее”¹⁰.

Отмеченные К. Марксом закономерности вытекают из изменения соотношения между прошлым и живым трудом в процессе роста производительности общественного труда. Всякий прирост производительности в конечном счете означает повышение доли затрат прошлого труда и соответствующее сокращение затрат живого труда в создаваемых продуктах. На эту сторону развития производства, которая в значительной мере предопределяет и изменение его структуры, обратил внимание В. И. Ленин. Он писал: ”...постоянный капитал имеет тенденцию возрастая быстрее переменного: положение о быстрейшем возрастании средств производства есть простая перефразировка этого закона применительно ко всему общественному производству”¹¹.

Объективные закономерности формирования структуры общественного производства осуществляются в рамках капиталистических производственных отношений. Господствующие производственные отношения данной общественной системы могут по-разному влиять на развитие производства и процесс установления различных пропорций между его сферами. В условиях товарного хозяйства такое влияние устанавливается через обмен — единственную форму общественной связи между производителями. Обособленность производителей предопределяет стихийный характер связи между ними, устанавливаемой посредством рынка. При капитализме свободной конкуренции, когда отношения конкуренции свойственны всем фазам воспроизводства — производству, распределению, обмену и потреблению, — рыночные отношения регулируют общественное производство, стихийно формируют его структуру. Именно благодаря свободной конкуренции на рынках средств производства и труда происходило распределение как средств производства, так и рабочей силы между различными отраслями. В случае изменения общественной потребности начиналось перераспределение путем перелива капитала и труда. Следовательно, рыночный механизм не только формировал общественный характер производства, объединял капиталистов и других производителей, когда, по словам В. И. Ленина, ”отдельным и одиночным осталось только присвоение прибыли, а само производство стало общественным”¹², но и представлял собой единственно возможный способ стихийного регулирования развивающегося общественного производства. Иного средства для этой цели в условиях капитализма свободной конкуренции не существовало.

Так как учет объективных закономерностей развития производства происходил стихийно, то это неизбежно приводило к накоплению несоответствия (диспропорциональности) между различными частями, отраслями или сферами общественного производства. В то же время условия свободной конку-

ренции не позволяли отдельным индивидуальным капиталам существенно оторваться по своим размерам от других капиталов, а научные открытия, технические изобретения и технологические новинки довольно быстро получали широкое распространение. Поэтому длительность экономического кризиса (когда только временно и происходило установление пропорциональности в общественном производстве и фиксировалась его структура, соответствующая достигнутому уровню развития производительных сил) была незначительной и мало отличалась от других фаз циклического воспроизводства. Ни один индивидуальный капитал не имел возможности для воздействия на этот процесс. В выигрыше оказывались те капиталисты, которые отличались от своих собратьев по классу не величиной капиталов, а сферой их приложения, в большей мере соответствующей текущей общественной потребности. С точки зрения рынка все производители в капиталистическом товарном хозяйстве имели сравнительно одинаковые возможности по развитию предприятий. Однако предпочтительнее шансы оказывались у тех, кому удавалось "угадать" направления развития потребностей общества; а также у тех, на предприятиях которых при прочих равных условиях была выше производительность труда.

Понятно, что и сами общественные потребности зависят от содержания и уровня развития производства. Примат производства играет здесь определяющую роль. Но так как господство товарных отношений позволяет капиталистам руководствоваться на стадии производства прошлой, а не нынешней и будущей потребностями, то функция регулирования общественного производства полностью остается в руках рынка. Таков уровень общественного развития: ничто не может помешать рынку выполнять его общественную функцию.

На развитие и формирование структуры общественного производства в той или иной стране могут оказывать влияние различные факторы: географические, природно-климатические, сырьевые, энергетические, национальные, политические и др. Естественно поэтому, что, несмотря на объективный характер формирования структуры общественного производства, в каждой стране она имеет свои особенности и отличительные черты, что прямо связано с условиями развития и составом производительных сил страны. Однако то общее, что характерно для структуры общественного производства различных буржуазных стран, — это рыночный механизм их формирования. Любые "сбои" в этом механизме могут привести к еще большему усилению противоречий общественного воспроизводства. Существенным образом на развитие экономики, на процесс формирования структуры общественного производства оказывает влияние монополия. Влияние ее многосторонне. Но при этом можно выделить два основных направления, которые в наибольшей мере раскрывают монопо-

лию со стороны как производственных отношений, так и производительных сил.

Со стороны производственных отношений монополия характеризуется сменой отношений конкуренции отношениями монополии, что приводит к появлению "монополистической планомерности". Эта "планомерность" затрагивает все фазы воспроизводства монополистического капитала. Следовательно, самым непосредственным образом она влияет на рыночные отношения и общественную функцию рынка по регулированию общественного производства и его структуры. Господство товарного хозяйства и частнокапиталистическая природа монополии исключают возможность полной замены рынка монополиями. Именно поэтому, как подчеркивал В. И. Ленин, "устранить обмена, рынка, конкуренций, кризисов и т. п. империализм не может"¹³. В то же время расширение системы монополистического господства приводит к тому, что "свободный рынок все более отходит в область прошлого, монополистические синдикаты и тресты с каждым днем урезают его"¹⁴. При империализме "капиталистов, не объединенных в синдикаты и тресты, почти не осталось, а все крупные предприятия построены на монополии, не на свободном рынке"¹⁵. Возникает противоречие, которое состоит в том, что реализация капиталистической монополии невозможна при господстве рынка, его свободе и неизвестности, она невозможна и при отсутствии рынка. Это противоречие целиком вытекает из капиталистической природы монополии, которая противопоставляет монополистические объединения одно другому независимо от их размеров и сферы деятельности.

Обращая внимание на капиталистическое происхождение монополии, В. И. Ленин отмечал: "Это — монополия капиталистическая, т. е. выросшая из капитализма и находящаяся в общей обстановке капитализма, товарного производства, конкуренции, в постоянном и безысходном противоречии с этой общей обстановкой"¹⁶. Отношения монополии предполагают "монополистическую планомерность", а обособленность монополии (как товаропроизводителя) — рыночную связь между производителями в экономике. Стремление монополии разрешить возникшее противоречие в свою пользу еще больше усиливает это противоречие, осложняя механизм функционирования экономики, приспособлявая структуру общественного производства к нуждам самовозрастания монополистического капитала. В пределах системы товарного хозяйства, каким является и монополистический капитализм, противоречие между монополией как типом отношений и товарными отношениями не может найти своего разрешения. В этом состоит "постоянство и безысходность" данного противоречия, а его развитие предопределяет степень воздействия монополии на формирование структуры общественного производства, на ход воспроизводства общественного капитала вообще. Иначе

говоря, возникшая в системе товарного хозяйства капиталистическая монополия не может экономически реализоваться вне этой системы. Здесь, на наш взгляд, мы находим тот методологический подход, который и позволяет вычленить взаимодействие рынка и монополии и их влияние на общественное производство. Именно со стороны производственных отношений выявляется качественная определенность такого влияния.

Со стороны производительных сил монополия характеризуется высококонцентрированным производством, обобществление которого возрастает по мере развития форм монополистических объединений. Монополия как форма производства имеет собственную разветвленную структуру, включающую самые различные производства и сферы деятельности. Превратившись в многоотраслевое объединение, она развивает разделение труда в сфере своего господства. Звеньями разделения труда в экономическом комплексе монополии становятся не только ее собственные предприятия и другие органы, но и многочисленные компании-поставщики, подчиняющиеся производственному и функциональному ритму данного объединения.

Тем самым монополистическая форма производства опирается на разделение труда, которое далеко шагнуло за пределы отдельного предприятия и перестало быть чисто "техническим". Разделение труда в экономическом комплексе монополии включает немало звеньев общественного разделения труда, создав основу для прямого влияния на формирование структуры общественного производства. Важным моментом является то обстоятельство, что в монополистических объединениях сосредоточивается громадное число лиц наемного труда, по меткому выражению В. И. Ленина, "сотни тысяч и миллионы рабочих связываются в планомерный хозяйственный организм"¹⁷. В 1983 г. наемный персонал "Дженерал моторз" насчитывал 691 тыс. человек, "Форд мотор" — 380 тыс., ИБМ — 369,5 тыс., "Дженерал электрик" — 340 тыс., ИТТ — 278 тыс. человек. Всего в 500 крупнейших промышленных корпорациях США было занято 14,1 млн. человек, что составляло почти 70% всех занятых в обрабатывающей промышленности страны¹⁸.

Как видно, абсолютно бóльшая часть занятых в обрабатывающей промышленности распределяется по видам занятий под контролем монополий. Разумеется, речь не идет о том, что все 14,1 млн. человек трудоустраиваются из единого центра. Каждое монополистическое объединение занято организацией труда только принадлежащей ему рабочей силы и косвенно воздействует на величину и структуру занятости в компаниях-поставщиках. Поэтому рынок труда сохраняет свои прочные позиции по стихийному перемещению рабочей силы и между монополистическими объединениями, что

в конечном счете подтверждает общую рыночную основу формирования трудовых пропорций общественного производства. Вместе с тем подчинение труда капиталу в условиях господства большого бизнеса продолжает усиливаться вследствие роста специализации и интенсификации производства, требующих специальной подготовки и соответствующей квалификации работников, а также вследствие расширения границ совокупного работника и повышения степени его эксплуатации и по другим причинам. Вот почему в условиях монополистического капитализма рабочий прикован не к капиталу вообще, а к монополистическому капиталу данного концерна, данной корпорации. В наиболее выпуклой форме это выступает в системе "пожизненного найма", практикуемой в японских монополиях¹⁹.

Господство большого бизнеса подрывает не только свободный и неизвестный рынок товаров вообще, но и рынок товаров особого рода — рабочей силы. В результате под воздействием монополий формируется монополистическая структура совокупного общественного труда, подчиненного интересам прежде всего гигантов бизнеса, которыми, как отметил В. И. Ленин, "монополизируются обученные рабочие силы, нанимаются лучшие инженеры"²⁰. Будучи не в состоянии отменить товарную форму распределения труда по отраслям и сферам экономики, монополия как форма производства вносит существенные моменты в это распределение.

По существу монополия как форма производства стремится подчинить формирование структуры общественного производства своим корыстным интересам. Такое гипертрофированное влияние монополистической формы производства на структуру экономики проявляется многообразно. Монополии проникают в отрасли, предопределяющие развитие научно-технической революции, и в базовые отрасли экономики в целом — энергетические, сырьевые, транспортные и т. п. Так, в 1983 г. в списке 500 крупнейших промышленных концернов США в первой десятке пять мест занимали нефтяные монополии, два — автомобильные, два — электротехнические, одно — химическая. Если проанализировать в этом списке первые 50 корпораций, то среди них мы найдем электронные, авиакосмические, сталелитейные, радиотехнические и общие машиностроительные²¹. Одним словом, индустриальная база американской экономики целиком находится в руках монополистических объединений.

Яркий пример такого влияния — автомобильные концерны США. Даже буржуазные специалисты не могут не писать о том, какое место в экономической и политической жизни страны занимают автомобильные гиганты "Дженерал моторз", "Форд мотор", "Крайслер", штаб-квартиры которых расположены в штате Мичиган, где находится крупнейший в капиталистическом мире автомобильный центр — г. Детройт. Сотруд-

ник газеты "Вашингтон пост" К. Маккарти выразил широко распространенное в США мнение, когда написал: "Столица американской политической власти — Вашингтон, но для тех, кто относится к деньгам предпочтительнее, чем к законам, реальная власть в другом месте — Детройте. В зале заседаний совета директоров "Дженерал моторз" принимаемые решения воздействуют на жизнь американцев обычно в такой степени, какой конгрессменам удастся достичь редко. Если использовать прочный долларовой критерий, то останется мало сомнения об относительной важности Детройта и Вашингтона"²². Хотя журналистское сравнение и не лишено преувеличения, но оно по существу отражает сложившееся в стране положение как с автомобильными, так и с нефтяными и другими монополистическими объединениями.

Начиная с 20-х годов автомобильным концернам удалось навязать стране легковую машину как основное транспортное средство. Под давлением автогигантов практически не развивалась сеть общественного транспорта в городах, постепенно стало терять свои позиции железнодорожное сообщение. Зато воротилы автомобильного бизнеса добились через федеральные и местные органы повсеместного строительства автострад и других дорог. Развитая дорожная сеть давала зеленый свет для дальнейшего распространения автомобиля, который был навязан американцам монополиями и превратился для каждой семьи в жизненно необходимое средство передвижения. Автомобиль стал основным транспортным средством и в междугородном сообщении, где на автотранспорт приходилось 87% всех пассажирских перевозок, в то время как самолетами пользовались 10%, автобусами — 2 и железной дорогой — 1% пассажиров. Нетрудно себе представить, что практически почти каждая американская семья попала в зависимость от легкового автомобиля, "культ" которого упорно насаждали монополии автобизнеса.

Масштаб влияния автогигантов на американскую экономику раскрывается еще больше, если обратиться к производственным связям автомобильной промышленности. Автомобильное производство потребляет 67,2% натуральной и 56,2% синтетической резины, 55,6% — ковкого чугуна, 33,3% — цинка, 23,9% — стали, 14,8% — алюминия, 8,3% — меди, а также немало других материалов, выпускаемых в стране. Более чем 14 млн. человек занято в производстве, продаже, техническом обслуживании и коммерческом использовании автомобилей в США. Затраты на покупку новых машин, а также на пользование автомобильным пассажирским и грузовым транспортом составляли в последние десятилетия примерно 18% валового национального продукта. Становится очевидным, что любые изменения в ритме автомобилестроения многократно повторяются в различных отраслях экономики, касаются прямо или косвенно миллионов американцев. С 20-х годов

автомобильные монополии захватили лидирующие позиции в навязывании национальной экономике и обществу своих интересов, в приспособлении структуры общественного производства и общественного спроса к своим потребностям.

Причем влияние автомобильных концернов не ограничивается, как известно, национальными рамками США, а простирается во многие капиталистические страны, где "Дженерал моторз", "Форд мотор" и "Крайслер" выступают уже как международные монополии. Так как роль международных монополий в формировании структуры национальных экономик и мирового капиталистического хозяйства в целом представляет большую самостоятельную научную проблему и поэтому требует специального исследования, то здесь мы ограничимся лишь указанием на следующий момент. Располагая доходами от зарубежного бизнеса, международная монополия получает дополнительный резерв для свободы "маневра" в экономике страны базирования, для укрепления своих общих позиций, для давления на наемный персонал. Иначе говоря, у монополистического объединения расширяется возможность воздействовать на структуру и пропорции общественного воспроизводства с учетом конъюнктуры как внутреннего национального, так и мирового рынка.

На примере автомобильных концернов отчетливо видно, что монополия как тип отношений и как форма производства в процессе формирования структуры общественного производства "вмешивается" в рыночные отношения. Объективный процесс развития производительных сил, стихийный перелив капитала и труда каждое монополистическое объединение (а иногда и несколько монополий вместе) стремится подчинить своим узкокорыстным интересам, добываясь прежде всего самовозрастания капитала. Поскольку так поступает каждая монополия, постольку интересы монополий сталкиваются и стихийное установление пропорциональности общественного производства не устраняется, а усложняется, приводя к росту противоречий воспроизводства общественного капитала, удлинению фазы кризиса и фазы депрессии, сопровождаемых резким ухудшением положения трудящихся.

Структура общественного производства в известном смысле является и предпосылкой, и следствием циклического воспроизводства общественного капитала. Поэтому, чем больше влияние монополии на формирование структуры экономики, тем сильнее ее воздействие на общественное воспроизводство. В ходе циклического воспроизводства пропорциональность устанавливается только в момент кризиса, в то время как в течение других фаз цикла происходит рост диспропорциональности. Роль монополии в этом процессе двойка. С одной стороны, приспособляя структуру общественного производства к интересам воспроизводства монополистического капитала, монополия усиливает диспропорциональность,

что в конечном счете ведет к удлинению фазы кризиса, обуславливает структурные кризисы в капиталистической экономике²³. С другой стороны, препятствуя стихийному установлению пропорциональности, монополия способствует затяжному характеру кризисов. Не случайно в последние годы падение производства в фазе кризиса стало довольно значительным и продолжительным, а фаза депрессии растягивается при сокращении фаз оживления и подъема. Все это неизбежно сказывается на темпах экономического роста, которые стали заметно сокращаться. Капитализм, как отмечалось на XXVI съезде КПСС, "переживает уже третий за последние десять лет экономический спад". Причем кризис 1980—1982 гг. растянулся почти на три года и стал самым длительным спадом производства в капиталистическом мире за последние 40 лет. Есть основания считать, что этот кризис завершил очередной цикл воспроизводства, начавшийся в 1974—1975 гг.²⁴

В условиях капитализма свободной конкуренции единственным регулятором общественного производства был рынок, общественной силе которого одинаково подчинялся любой капиталист, любой индивидуальный капитал. При империализме монополия подрывает неизвестность и свободу рынка, навязывает буржуазному обществу свои интересы, распространяет отношения монополистического господства на процесс формирования структуры общественного производства. Но она не в состоянии преодолеть стихийный характер воспроизводства общественного капитала, где функциональная роль рынка лишь подрывается. Все это приводит к резкому обострению капиталистических противоречий, ухудшению положения трудящихся. Именно рынок (внутренний и мировой) в конечном счете "корректирует" монополистическую плановость, эффективность которой остается ограниченной рамками монополии. Наглядный тому пример — автомобильная промышленность. Не устояли перед экономическим кризисом 1980—1982 гг. и "Дженерал моторз", "Форд мотор" и "Крайслер", выпуск автомобилей которыми резко упал, а в 1980, 1981 и 1982 гг. корпорации закончили с огромными убытками. Лишь "Дженерал моторз" получила немногим более 300 млн. долл. прибыли в 1981 г. и около 1 млн. в 1982 г. Экономический кризис вынудил монополии перестраивать свое производство с учетом сложившейся к началу 80-х годов структуры экономики США и мирового капиталистического хозяйства в целом.

Кризис затронул автомобилестроение во всем капиталистическом мире. Если японские гиганты автобизнеса оказались в фаворитах в 1982 г., то монополии Западной Европы завершили год с немалыми убытками. Так, автогигант ФРГ "Фольксваген" вынужден был списать в убытки 950 млн. долл., французский "Рено" — 190 млн. долл. Оказался без прибыли и итальянский "Фиат". Кризисные явления в автомобилестро-

ении и другие факторы неизбежно сказались на положении сталелитейных концернов. Все три крупнейших американских концерна в металлургии оказались в 1982 г. в списке наиболее убыточных компаний среди 500 крупнейших корпораций. Убытки "Бэтlichem стил" достигли 1,5 млрд. долл., "Нэшл стил" — 463 млн., "Ю. С. стил" — 361 млн. долл. В 1983 г. "Ю. С. стил" стал рекордсменом года по убыткам — 1,2 млрд. долл. Характерно, что с 1970 г. доля стали в ВВП США ежегодно сокращается на 3% и ее потребление в стране, включая импорт, в 1982 г. упало до 78 млн. т, тогда как в 1979 г. оно равнялось 113 млн. т²⁵.

Несколько лет продолжается спад в сталелитейной промышленности Европейского экономического сообщества. Если в 1974 г. в странах "Общего рынка" было выплавлено 156 млн. т стали, то в 1983 г. — лишь 99 млн. т. Причем органами ЕЭС намечено сократить в 1985 г. выплавку стали еще более чем на 30 млн. т. Не последнюю роль в углубляющемся кризисе сталелитейной промышленности Западной Европы играют решения правительства США резко ограничить импорт стали в страну, чтобы "поддержать" свои сталелитейные монополии. Протекционистские меры Соединенных Штатов затрагивают интересы практически всех импортеров стали. Так, экспорт стали из Швеции в США в 1984 г. сократился почти на 40%. Понятно, что все тяготы и лишения, вызываемые жестокими конкурентными схватками между монополиями разных стран, особенно в период экономических кризисов, ложатся на плечи трудящихся. Только в странах ЕЭС за последние годы за воротами заводов оказалось 320 тыс. металлургов²⁶.

Таким образом, рыночная основа формирования структуры общественного производства проявила себя с новой силой, наглядно демонстрируя в период кризиса, с одной стороны, беспомощность "монополистической плановности", а с другой — насколько монополии усиливают степень анархичности и диспропорциональности в развитии капиталистической экономики. В отличие от капитализма свободной конкуренции ныне временное установление сбалансированности обходится обществу огромными потерями общественного труда*.

3. Вне рыночные формы обмена

В системе товарного хозяйства, каким является и монополистический капитализм, обмен товарами в общественном производстве осуществляется через рынок. Возникновение и развитие капиталистической монополии приводят к сущест-

* Даже в период циклического подъема после кризиса 1980—1982 гг. в США ежегодно теряет работу около 23 млн. человек, или 20% всего трудоспособного населения (Economic Choices 1984. Wash., 1984, p. 141).

венным изменениям практически во всех сферах буржуазного общества. Но прежде всего монополия базируется на высококонцентрированном производстве, монополистическая форма которого требует и соответствующей формы обмена. "...Каждая форма производства, — писал К. Маркс, — порождает свойственные ей правовые отношения, формы правления и т.д."²⁷. И хотя при этом "процесс производства сам выступает как определяемый обменом, так что общественная связь и зависимость от нее фигурируют в непосредственном производстве не только как материальный момент, но и как *экономический* момент, как определение формы", все же при всех обстоятельствах способ обмена вытекает из характера производства, а не наоборот²⁸.

Это отчетливо проявляется и тогда, когда экономически господствующими производителями в капиталистических странах становятся монополистические объединения. Опираясь на высококонцентрированное и обобщественное производство, монополия как форма производства требует соответствующего организованного обмена. Вместе с тем монополия как тип отношений предполагает смену отношений конкуренции отношениями монополии и в процессе производства, и в процессе обращения. Иначе говоря, конкурентные отношения в обмене, являющиеся коренной чертой рынка, должны уступить место прямому монополистическому господству. В то же время каких бы гигантских размеров ни достигало то или иное монополистическое объединение, оно остается товаропроизводителем, обособленным как своей хозяйственной деятельностью, так и своими интересами от других производителей. Общественная связь между товаропроизводителями устанавливается через рынок. В результате возникает сложное явление: монополия стремится преодолеть рыночную форму обмена, а товарно-капиталистическая природа монополии препятствует этому. Возникшее противоречие монополия пытается разрешить развитием различных внерыночных форм обмена.

Еще с первых исторических форм монополия нацеливалась на подчинение рынка своему господству. По мере их эволюции происходило расширение и углубление воздействия монополии на рынок. Хотя количество товаров, поступающих в обращение, постоянно возрастает (что отражает общую тенденцию экономического роста капиталистического производства), все большая часть реализуемой продукции попадает в оборот, контролируемый монополиями. Уже на стадии процесса производства крупнейшие объединения стремятся рассчитывать не на неизвестный рынок, а на известного потребителя. Тем самым монополистический капитал пытается на своем уровне разрешить противоречие между производством и потреблением, в то время как в общественном производстве это противоречие углубляется. Выступая как гигантский

производитель, отдельное монополистическое объединение не в меньшей степени и потребитель. Поэтому оно заинтересовано в "известности" рынка как для своих товаров, так и для тех изделий и материалов, которые необходимы для его производственной деятельности. Вот почему монополия добивается известной гарантированности поставок ей сырья и других товаров, делает все, чтобы "известными" были и ее поставщики.

С политэкономической точки зрения рыночная форма обмена характеризуется куплей-продажей товаров по стихийно складывающимся ценам, когда и свобода выбора контрагентами друг друга ничем не ограничивается, сохраняется полная неизвестность соотношения спроса и предложения. Рассматривая указанные признаки рыночной формы обмена, нельзя не отметить, что они неравнозначны. При наличии только купли-продажи, но при отсутствии или значительном видоизменении других признаков следует искать существенные изменения в положении производителей в общественном производстве и ослабление или даже утерю рынком регулирующей функции. В этом случае сохраняется лишь самый общий признак рыночной формы. Трудно не согласиться с мнением, что "если рынок перестал выполнять хотя бы в какой-то мере регулирующую функцию по отношению к производству и потреблению и полностью превратился только в передаточный канал движения продукции из производства в потребление, то он — рынок — в политэкономическом смысле исчез"²⁹. Если же обмен осуществляется вообще без актов купли-продажи, на основе других отношений, то здесь налицо полное отсутствие рыночной формы обмена. Стало быть, вне рыночные формы обмена предполагают как наличие, так и отсутствие актов купли-продажи, но при этом во всех случаях рынок в значительной мере утрачивает свою общественную функцию. Достигнутый в монополиях уровень обобществления производства явился материальной основой развития вне рыночных форм обмена в условиях монополистического капитализма.

Известно, какие огромные размеры имеют монополистические объединения, в состав которых входят десятки и сотни различных предприятий, учреждений, лабораторий и других организаций. Часто предприятия отдельной монополии находятся в одной производственно-технологической цепи, обеспечивая конечный выпуск продукции объединения в целом. Поэтому внутри объединения имеет место немалый оборот продукции, поставляемой предприятиями друг другу. Поскольку каждое предприятие можно рассматривать и как звено общественного разделения труда, находящегося под контролем монополии, постольку подобный внутрифирменный оборот представляет собой разновидность обмена, имеющего вне рыночную форму. Внутри монополистического объединения продукция совершает оборот не посредством

купли-продажи, а в соответствии с планом материально-технического снабжения предприятий данной монополии. Подробный анализ внутрифирменного оборота будет проведен ниже, а пока можно отметить, что данный вид вне рыночного оборота испытывает на себе влияние рынка лишь косвенно, через монополию.

К вне рыночным формам обмена можно отнести также поставки продукции по заказам потребителей. В качестве заказчиков выступают и монополистические объединения, и отдельные компании, и буржуазное государство. Производство продукции на заказ имеет важное значение для производителя. Дело в том, что производство на заказ не просто обеспечивает известность рынка, оно в значительной мере ускоряет оборот капитала и увеличивает прибыльность монополистам. На эту сторону производства обратил внимание К. Маркс, который отметил, что "если капиталист работает на заказ, получает плату при поставке продукта, и эта плата производится средствами его собственного производства, то время обращения приближается к нулю"³⁰. И для условий капитализма свободной конкуренции К. Маркс не исключал производство по заказу в более широком смысле, когда писал: "Возможно, конечно, что... товарный капитал производится только по заказу"³¹.

При производстве на заказ переход продукции от производителя к потребителю осуществляется через акты купли-продажи. Однако это не означает, что во всех случаях экономическое содержание и значение такого производства одно и то же. С одной стороны, оно оказывает разное влияние на контрагентов и экономику в целом. С другой стороны, его роль и место в структуре общественного производства зависят от ряда обстоятельств. Во-первых, важное значение имеет фактор времени и насколько устойчивым и длительным является работа по заказу. Во-вторых, многое зависит от позиций производителей и потребителей в экономике. Одно дело, если объединение выпускает продукцию по заказу другой монополии, и совсем иное, когда масса мелких и средних компаний поставляет комплектующие детали, изделия и полуфабрикаты какому-то определенному крупному концерну. В-третьих, принципиально отличается производство по заказу промышленного или торгового монополистического объединения. В первом случае монополия выступает как непосредственный потребитель, а во втором она играет роль посредника между производством и конечным потреблением. В-четвертых, особый смысл приобретает производство на заказ, когда в качестве заказчика выступает буржуазное государство. Именно такого рода производство на заказ оказывает наибольшее воздействие на общественное производство.

В. И. Ленин дал исчерпывающую политико-экономическую характеристику производству по заказу буржуазного госу-

дарства, которое уже в начале XX в. начало получать широкое распространение: "Когда капиталисты работают на оборону, т. е. на казну, это уже — ясное дело — не "чистый" капитализм, а особый вид народного хозяйства. Чистый капитализм есть товарное производство. Товарное производство есть работа на *неизвестный* и свободный рынок. А "работающий" на оборону капиталист "работает" вовсе не на рынок, а *по заказу* казны, сплошь и рядом даже на деньги, полученные им в ссуду от казны"³². Работу на заказ в общественном масштабе В. И. Ленин рассматривает как "особый вид народного хозяйства", где "*неизвестный* и свободный рынок" утрачивает свое значение как регулятор общественного производства, где купля-продажа происходит в заранее установленные сроки, в договорных объемах и по обусловленным ценам. Производитель — чаще всего монополистическое объединение — выпускает, а потребитель — государство — получает продукцию с определенными потребительскими свойствами.

Нетрудно видеть, что производство на заказ как внерыночная форма обмена отличается многообразием. Это относится и к его практическому осуществлению, и к его экономическому содержанию и значению. Вместе с тем распространение такой формы связи производителей в общественном производстве прямо или косвенно обусловлено развитием монополий. Между тем хорошо известно, что возникновение монополии стало возможным лишь при определенном уровне развития производительных сил, когда росту обобществления производства интенсивно способствовали концентрация, специализация и комбинирование. Фактор производительных сил имеет немаловажное значение и для развития внерыночных форм обмена, в частности производства на заказ. Прямая связь между развитием производительных сил и расширением производства на заказ свидетельствует о его объективно обусловленном характере.

Если коснуться производства средств производства, которые предназначены для производительного потребления, то в последние десятилетия здесь произошли существенные изменения под воздействием научно-технической революции. Все большее распространение получает производство специального оборудования, станков, механизмов, целых автоматических и технологических линий, которые могут быть использованы только в определенных производственных условиях. Нередко такое оборудование изготавливается небольшими партиями, причем в каждой партии могут быть свои модификации (например, прокатные станы, турбины различного назначения, станки с программным управлением, специальные прессы, самолеты, радиолокационное оборудование и др.). Даже покрывки для автомобильных колес не могут производиться вообще, а только для машин определенных марок. Естественно, что производство сложных или предназначенных

для специального применения изделий начинается только тогда, когда известен их потребитель. Стоимость изделия, его технико-экономические характеристики не позволяют производителям рассчитывать на случайного покупателя. Уже на стадии проектирования и производства изделия должен решаться вопрос о месте, времени и характере его потребления. При сохранении в полном объеме рыночной формы связи решение этого вопроса оставалось бы невозможным*.

Целый ряд изделий, без которых уже немыслимо представить крупное производство (например, ЭВМ), несмотря на свою унификацию, в процессе применения требуют специального обслуживания, которое может обеспечить, как правило, лишь компания-изготовитель. Мало того, что ЭВМ выпускаются только по заказу, их потребление выступает своеобразным продолжением процесса их создания. Потребительские свойства таких товаров полностью раскрываются лишь тогда, когда их производитель участвует в организации и обеспечении применения данных изделий компанией-заказчиком. Чем сложнее оборудование, тем чаще при его использовании потребитель не может обойтись без технической помощи производителя. Возникает длительная экономическая связь, когда сделка по купле-продаже лишь фиксирует установившуюся связь, не регулируя ее по существу.

В рассмотренном примере заказчиком может быть как компания, принадлежащая национальному хозяйству, так и компания другой страны. Поэтому распространение внерыночных форм обмена не ограничивается национальными рамками, а часто охватывает все мировое капиталистическое хозяйство. Возьмем, например, судостроение. Ни в одной стране, где оно имеет место, сфера его деятельности не сводится к обеспечению водным транспортом только национальной экономики. Заказчиками судостроительных фирм чаще всего являются как раз иностранные потребители. Во всех случаях как по объему производства, так и по ассортименту выпуска деятельность судостроительных монополий целиком зависит от полученных заказов. Подобная ситуация характерна и для компаний, производящих авиационные и железнодорожные транспортные средства.

Вместе с тем само количество заказов на любой вид изделий зависит от состояния национального и мирового капиталистического хозяйства. Хотя внерыночные формы обмена в известной мере снимают противоречие между производст-

* По мнению профессора Гарвардской школы бизнеса Т. Левита, рост взаимозависимости различных производств и отраслей привел к тому, что между компаниями-продавцами и компаниями-покупателями устанавливаются своеобразные "брачные" узы. При этом "качество брака предопределяет, будет ли бизнес продолжаться и расширяться или столкнется с трудностями и разводом" (Harvard Business Review, September – October, 1983, p. 87).

вом и потреблением для отдельных производителей, для капиталистической экономики в целом оно еще более обостряется. Дело в том, что конечным потреблением является личное потребление. Именно товары личного потребления, хотя и производятся по заказу крупных торговых компаний, реализуются через розничную сеть, постоянно испытывающую колебания, которые через многие опосредующие звенья влияют а posteriori на производство средств производства. Многочисленные попытки учесть спрос населения на различные изделия личного потребления могут позволить лишь угадать объем и структуру спроса в какой-то период времени. С помощью рекламы и других средств монополии стремятся формировать спрос на свою продукцию, но во всех случаях окончательная величина спроса остается для них величиной неизвестной.

Вот и получается, что развивающиеся производительные силы создают материальные условия для расширения производства на заказ, для распространения вне рыночных форм обмена. Но эти силы находятся в руках обособленных производителей, обособленных монополистических объединений, что по своей сути исключает устранение рынка. Между тем нельзя не заметить, что современное состояние средств информации, связи, транспорта, широкое распространение вычислительной техники, отработанная постановка статистического учета в масштабе национальной экономики делают технически возможным превращение рынка в известный для большинства производителей и потребителей. Однако эта возможность служит экономической реализации монополии.

О масштабах производства на заказ можно судить по данным табл. 9. Практически весь объем производства так или иначе определялся количеством полученных заказов и по существу регулировался. В числе заказчиков обрабатывающей промышленности ведущее место занимают компании этой же отрасли. Как свидетельствуют данные межотраслевого баланса американской экономики за 1967 г., свыше 36,6% выпуска обрабатывающей промышленности использовалось в самой отрасли³³. Если учесть, что подавляющая часть выпускаемой продукции выходит из ворот предприятий монополистических объединений, то становится очевидным, кто контролирует заказы, а значит, и развитие всей обрабатывающей промышленности. Поскольку в современных условиях, не имея заказов, ни одно предприятие не приступает к выпуску продукции, постольку можно говорить о том, что возник своеобразный "рынок" заказов, формирование которого монополии стремятся подчинить себе. Но для большинства производителей в капиталистической экономике такой "рынок" все же сохраняет свою неизвестность, а его свобода нередко подавлена монополистическим диктатом.

Однако не следует забывать, что изменения хозяйственной конъюнктуры часто вынуждают компании отказываться от

Таблица 9. Производство на заказ в обрабатывающей промышленности США (млрд. долл.)

	1960 г.	1965 г.	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1982 г.
Объем реализованной продукции	370,5	491,9	633,7	1 039,1	1 852,7	1 910,1
Запасы готовой продукции (на 31 декабря)	53,6	68,0	101,2	159,8	261,7	262,0
Новые заказы	362,9	505,3	624,5	1 021,8	1 873,7	1 888,4
Неудовлетворенные заказы (на 31 декабря)	44,5	78,8	105,7	172,7	323,9	299,7

Подсчитано по: Statistical Abstract of the United States, 1984, p. 774.

ранее размещенных заказов. В подобных случаях заказчики предпочитают выплачивать контрагентам неустойку, нежели допускать перепроизводство. Другими словами, в условиях господствующего значения товарно-рыночных отношений во всей экономике наличие заказа у того или иного производителя не является гарантией его устойчивого развития. Распространение заказов подрывает, но не уничтожает рыночную форму связи, регулирующую роль рынка в общественном производстве.

Стало быть, эволюция рынка имеет свое продолжение и при империализме. Подрыв неизвестного и свободного рынка путем развития производства на заказ приводит к распространению внерыночных форм обмена. В то же время возникает новое явление — погоня производителей за заказами, чтобы уже на стадии подготовки производства был известен реальный потребитель. В этом случае индивидуальный капитал пытается решить проблему реализации не только задолго до выпуска готовой продукции, но и еще до начала процесса производства. После завершения производства акт купли-продажи становится формальным метаморфозом капитала как с точки зрения смены формы стоимости с товарной на денежную, так и с точки зрения разрешения противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью. Здесь в полной мере сохраняется лишь форма товарного отношения, тогда как суть его в значительной степени подорвана.

Но это перенесение разрешения противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью во времени и в пространстве (из фазы обращения в фазу производства) не снимает его для всех производителей, для всего хозяйства. Если при свободной конкуренции капиталист руководствовался спросом на рынке на его товары после их выпуска и реализации, т. е. общественная потребность воздействовала на производство задним числом, то при современном уровне развития

производительных сил и обобществления производства, подчиненных господству большого бизнеса, ориентиром для него является заказ, его содержание, стоимость и сроки выполнения. Возникает спрос и предложение заказов. Так как в капиталистическом хозяйстве нет и не может быть единого центра формирования и распределения заказов между производителями, то и этот процесс развивается стихийно в экономике в целом. И даже в том случае, когда заказчиком выступает буржуазное государство, суть не меняется. С 1960 по 1983 г. закупки товаров и услуг только федеральным правительством США возросли с 52,9 млрд. до 275,2 млрд. долл., т. е. увеличились более чем в 5 раз.

Экономическое положение, которое занимают монополистические объединения, неизбежно выдвигает их в число крупнейших заказчиков. В свою очередь монополии стремятся выпускать свою продукцию только известному потребителю. Так, оборот по продажам химического концерна "Дюпон" достиг в 1983 г. 35,4 млрд. долл. Концерн выпускает более 1700 разновидностей химической и сопутствующей продукции. Практически вся его продукция распределяется по заказам потребителей, которые в большинстве своем являются компаниями обрабатывающей промышленности. Лишь небольшая часть продукции "Дюпон" идет непосредственно в индивидуальное потребление. Вычислительный центр монополии только на территории США связан с 400 городами, откуда поступает оперативная информация о новых заказах и о ходе реализации готовой продукции. Крупнейший авиакосмический концерн "Боинг" на конец 1979 г. имел портфель заказов более чем на 18 млрд. долл., в то время как объем продаж в 1980 г. составил лишь 9,5 млрд. долл.³⁴ Значительный задел остался на будущее. Сложилась практика, когда корпорации не производят на свободный рынок технически сложные и уникальные изделия, а также продукцию, идущую на производительное потребление. Вне рыночный оборот становится закономерностью, а не исключением для движения продукции монополий.

Вместе с тем, стремясь обеспечить себя необходимым сырьем и материалами, концерны "привязали" к себе огромное число поставщиков, которые направляют свои изделия по контрактам и спецификациям, определяемым, как правило, диктатом монополистических объединений. Так, "Дюпон" закупает у своих 50 тыс. компаний-поставщиков 70% сырья и материалов. Получается, что вне рыночная форма обмена характеризует воспроизводство монополистического капитала не только на стадии реализации, но и на стадии подготовки производства, т. е. она охватывает значительную часть процесса обращения.

Однако если для монополий вне рыночная форма обмена — более или менее устойчивая форма связи с потребителями

и поставщиками, то для компаний-поставщиков длительность ее целиком зависит от интересов монополий. Так, резкое снижение объема продаж автомобилей американскими концернами в 1980—1982 гг. на внутреннем рынке (малогабаритные японские машины захватили в 1982 г. 30% рынка) вынудило их уделить значительное внимание и качеству своей продукции. В создавшихся условиях концерны ужесточили требования к качеству изделий и узлов, получаемых от поставщиков. В результате только у одного отделения "Дженерал моторз" число внешних поставщиков, равнявшееся 3500, сократилось наполовину. "Форд мотор" организовал обучение 300 руководителей основных компаний-поставщиков на 5-дневных специальных курсах по обучению организации контроля качества изготавливаемых для монополии узлов и деталей³⁵.

Внутрихозяйственные комплексы монополистических объединений достигают огромных размеров. К примеру, американским автомобильным концернам только на территории США принадлежит 100 автосборочных заводов, 225 заводов по производству частей, деталей и механизмов, 210 комплектующих складов и 42 испытательных полевых полигона. Второй по величине в США сталелитейной компании "Бэтликхем стил" принадлежит 8 металлургических комбинатов. Наряду с производством стали и изделий из нее, что не превышает $\frac{2}{3}$ общего объема продаж, "Бэтликхем стил" занимается судостроением, изготовлением плавучих платформ для нефтеразведки и нефтедобычи, выпуском пластмассовой продукции. Значительная часть сталелитейной продукции находится во внутрифирменном обороте, обеспечивая, во-первых, конечное производство готовых изделий и полуфабрикатов из стали и, во-вторых, полностью удовлетворяя потребности других производств концерна.

Расширение внутрифирменного (внерыночного) оборота не является самоцелью монополий, поскольку, как и другие экономические рычаги внутрихозяйственной деятельности, он призван служить максимизации прибыли концерна. Вместе с тем такой оборот вызван рядом причин. Во-первых, имеют место усложнение технологии производства, увеличение числа этапов и процессов изготовления конечной продукции, воздействие научно-технической революции на расширение взаимозаменяемости сырьевых и других материалов, диверсификации производства при одновременной унификации изделий и росте межотраслевых внутрифирменных поставок. Во-вторых, велико стремление концернов оградить производственный процесс от непосредственного влияния изменений рыночной конъюнктуры. У компаний с объемом продаж свыше 1 млрд. долл. в год внутрифирменный оборот достигает в среднем 32,4% от общего объема реализованной продукции. В металлургии, где внутрифирменный оборот в значительной мере определяется самой технологией производства, абсолют-

ный рост оборота продукции внутри компании прямо зависит от увеличения общего объема выпуска, а доля внутрифирменного оборота мало изменяется. Так, в сталелитейных концернах США с 1960 по 1981 г. доля отливок ковкого чугуна во внутрифирменном обороте превышала 40%, а в 1982 г. она достигла 58,4%³⁶.

Для регулирования экономических отношений между звеньями и определения их вклада в общий результат деятельности концерна (что предполагает и организацию внутрифирменного оборота продукции) в монополистических объединениях широко используется трансфертное ценообразование. Хотя монополии начали применять трансфертные цены начиная с 20-х годов, первые публикации о них в американской литературе появились лишь в 40-х годах. Дело в том, что внутрифирменная деятельность – важный элемент коммерческой тайны. Поэтому, стремясь с помощью трансфертных цен повысить эффективность внутрифирменного механизма, концерны всячески оберегали от огласки практику ценообразования на продукцию и услуги, находящиеся в обороте внутри монополий. Со временем трансфертное ценообразование стало предметом изучения экономистов и специалистов по внутрифирменному управлению.

Комплексное исследование отношений между отделениями в монополистических объединениях, включая анализ трансфертных цен, субсидировал американский научно-исследовательский институт управляющих по финансам. Первая монография по данной проблеме под эгидой этого института появилась в 1965 г.³⁷ Большую группу специалистов, которая изучала внутрифирменные связи почти 300 корпораций, возглавлял известный специалист по внутрифирменным отношениям, профессор Гарвардской школы бизнеса Р. Вансил. Он выпустил книгу "Децентрализация: преднамеренная управленческая неопределенность"³⁸.

Трансфертное ценообразование больше распространено в диверсифицированных компаниях, чем в конгломератных объединениях. Причем в наибольшей мере внутрифирменные цены используют корпорации преимущественно одноотраслевые или с явным преобладанием ведущей отрасли (че менее 75%) в общем объеме производства. Если прежде только крупнейшие объединения опирались на трансфертные цены, то за последние годы даже средние компании все больше внедряют такие цены. Явно обнаруживается прямо пропорциональная зависимость между ростом нормы прибыли компании и увеличением ее внутрифирменного оборота с применением трансфертных цен. Это в известной мере отражает эффективность мобилизации внутренних ресурсов для достижения общего результата деятельности объединения. Из числа обследованных компаний 31% заявили об использовании рыночных цен в качестве основы трансфертных цен, 25,5% – полных из-

держек производства, 22,2% – цен, определяемых договором между звеньями компании, 16,7% – издержек производства плюс надбавка на прибыль и 4,6% – переменных издержек производства. Трансфертные цены стали широко применяться для определения доли использования отдельными звеньями общих производственных мощностей компании и для оценки услуг, оказываемых друг другу различными подразделениями объединения. В этом случае в определении трансфертных цен преобладают договорные начала и прямое установление уровня цен высшим руководством корпорации³⁹.

Хотя трансфертные цены в монополистических объединениях используются для учета, а не для расчетов между отделениями (так как никакие финансовые расчеты на основе купли-продажи внутри монополии не производятся), они вызывают немало споров между управляющими различных звеньев. От уровня трансфертных цен зависит расчетная оценка работы подразделения, а следовательно, и размер материального стимулирования управляющих. Возникающие споры разрешаются только с точки зрения интересов монополистического объединения в целом.

Условно-расчетный характер трансфертных цен полностью сохраняется и тогда, когда в качестве их основы применяются рыночные цены, поскольку монополия определяет срок их действия в соответствии с разработанной стратегией, нивелируя колебания рыночных цен во внутрифирменном обороте. Сохраняя товарную форму, трансфертная цена содержит и вытекающие из этого противоречия⁴⁰. Вместе с тем на ее величине практически не сказывается соотношение спроса и предложения, ибо внутрифирменный оборот продукции и услуг осуществляется как составной элемент производственной программы объединения. Практика использования внутрифирменных цен свидетельствует также о том, что они практически лишены стоимостной основы. Это происходит потому, что формирование стоимости товаров выносится за пределы концерна товаропроизводителя. В современных условиях монополия значительно удлинила связь между процессом создания стоимости и окончательным формированием стоимости и ее величинами, происходящим в масштабе общественного производства.

При исследовании отдельных конкретных монополистических объединений можно обнаружить немало специфики в организации и содержании их внутрифирменного оборота. Его величина и другие черты часто не только зависят от многоотраслевого характера объединения, но и во многом определяются географией производственной и сбытовой деятельности монополии, территориальным размещением подразделений. Особую проблему представляет внутрифирменный оборот в международных монополиях, которые все больше начинают использовать трансфертные цены⁴¹.

Во всем многообразии организационных форм и сфер деятельности монополий со всей очевидностью проявилась закономерность сосредоточения во внутрифирменном обороте значительной массы продукции. Этот оборот практически исключен из рыночного движения товаров. Хотя во внутрифирменной деятельности повсеместно используются товарные формы (трансфертные цены, денежная оценка издержек производства, установление для отдельных подразделений показателя расчетной прибыли и т. п.), характер связи между звеньями монополии, в том числе и характер внутрифирменного оборота, определяется не используемыми товарными формами, а монополистической организацией производства. Здесь "железный закон строго определенных пропорций и отношений распределяет рабочие массы между различными функциями"⁴² и устанавливает каждому звену функциональную роль в максимизации прибыли монополистического объединения.

Ученые-марксисты разных стран обращают внимание на растущую значимость внутрифирменного оборота в капиталистическом хозяйствовании. Анализируя практику деятельности западногерманских монополий, доктор Г. Бинус из ГДР отмечал: "Все большую роль в регулировании сбыта играют внутрифирменные поставки. Они тесно связаны с процессами кооперирования и специализации и ведут к интеграции производственных и рыночных процессов. Это по существу подрыв капиталистического товарного производства". Так, внутрифирменные поставки концерна "Маннесман" в 70-х годах возросли в стоимостном отношении в 3 раза и достигли 1/4 всего оборота, а концерн "Сименс" поставляет своим предприятиям 42% конструктивных элементов. При этом многие монополии, отмечает Г. Бинус, создают собственную систему твердых расчетных, трансфертных цен⁴³.

Американский специалист по внутрифирменным отношениям Р. Иклис считает, что крупнейшие корпорации уже более 60 лет пытаются решить проблему трансфертных цен, оптимально их приспособивая к своей структуре, стратегии и тактике⁴⁴. Как видно, "вписать" нерыночные рычаги в рыночное хозяйство оказывается не так просто и гигантам большого бизнеса.

В специальном сравнительном анализе использования трансфертных цен монополиями США и Японии отмечается немало общих черт, свойственных вообще практике подобного ценообразования. В частности, вне зависимости от национальных особенностей концерны обеих стран примерно в равной мере используют трансфертные цены, базирующиеся на издержках производства разного вида. Причем в японских компаниях относительно большее применение получили трансфертные цены, ориентирующиеся на рыночные цены, но с наименьшими в данных условиях торговыми издержками⁴⁵.

Японский экономист Х. Окумура указывает на развитие между компаниями нерыночных (в полном смысле этого слова) отношений. Исходя из того что доля внутрифирменного производства компаний "Тоёта" и "Ниссан" в стоимости их конечной продукции составляет 30–40%, он обращает внимание на значительную роль закупок различных деталей со стороны, на высокий удельный вес межфирменных поставок. "Тот факт, что в Японии межфирменные сделки занимают столь большое место,— писал Х. Окумура,— свидетельствует о широкой сфере распространения межфирменных связей и в то же время о том, что эти связи нацелены на придание указанным сделкам долговременного и устойчивого характера. По своей сути сделки между компаниями — это не купля-продажа на основе конкуренции, а партнерские сделки по взаимному соглашению. Рыночные сделки осуществляются между случайными многочисленными продавцами и покупателями. В партнерской сделке контрагент строго определен. Безусловно, и в США, и в западноевропейских странах межфирменные сделки являются партнерскими"⁴⁶. Таким образом; национальная принадлежность тех или иных монополий, особенности тех или иных национальных империализмов не влияют на все большее распространение внерыночных форм обмена в экономике.

Вместе с тем развитие внерыночных форм обмена представляет собой диалектический процесс, происходящий в системе капиталистического товарного производства. Поэтому каких бы масштабов распространения ни достигли внерыночные формы обмена, они не приобретают решающего значения как в развитии экономики в целом, так и в деятельности отдельных монополистических объединений. Для экономической реализации своего положения монополистический капитал, хотя и вынужден прибегать к использованию несвойственных его природе методов и средств, все же не в состоянии преодолеть товарные отношения, стихийный механизм их развития, реальные рыночные связи. Природа капитала не сводится к товарному отношению, но и вне товарных отношений капитал существовать не может. Вот почему сам капитал в его монополистической форме опирается на подрыв рыночного регулирования экономики и в то же время ограничивает этот подрыв, олицетворяя всю сложность и противоречивость процесса обобществления производства в условиях современного капитализма. Противоречивость и ограниченность подрыва товарных отношений проявляются и в современном ценообразовании — важнейшем элементе системы господства большого бизнеса.

4. Общее и особенное в ценообразовании

Регулирующая роль рынка в развитом капиталистическом товарном производстве осуществляется через ряд опосредованных звеньев. Главное такое звено – цены, которые выражают общественную оценку необходимости и значимости произведенных изделий, материалов, энергетических ресурсов. Являясь денежным выражением стоимости, цена в отличие от стоимости впитывает в себя не только условия производства товара, но и условия его реализации. Если величина рыночной стоимости не может быть ниже величины наименьших затрат труда на данный продукт и выше наибольших затрат на продукт такой же потребительной стоимости, то величина цены не лимитируется указанными рамками. Колеблясь вокруг рыночной стоимости, цена непосредственно испытывает изменения соотношения спроса и предложения. Поскольку соотношение спроса и предложения обнаруживается на рынке, постольку ему принадлежит важнейшее место в процессе ценообразования. Выражение "рынок диктует цены" в условиях товарного хозяйства означает, что именно на рынке и при его прямом участии завершается формирование и определение окончательной на данный момент времени цены.

Между тем спрос и предложение отражают сложившуюся структуру общественного производства, в развитии которой важную роль играет конкуренция. Понятно, что при существующей структуре общественного производства структура предложения и в значительной мере структура спроса (особенно на товары производительного потребления) выступают производными величинами от состояния общественного разделения труда. Однако такая взаимосвязь отмеченных явлений не приводит к строго пропорциональному их взаимному развитию, поскольку сам по себе общественный процесс производства есть и остается стихийным процессом. Конкуренция определяет позиции и потребителей, и производителей на рынке. Благодаря конкуренции складывается динамичное соотношение спроса и предложения, которое и предопределяет величину рыночной цены.

В капиталистическом товарном производстве товар выступает как продукт капитала. Поэтому в механизме ценообразования возникают новые существенные моменты, которые модифицируют основу рыночной цены, колеблющейся теперь вокруг цены производства. Модификация стоимости в цену производства выражает собой не изменение конкурентного механизма формирования стоимости и цены производства, а тот факт, что конкурирующими сторонами стали индивидуальные капиталы, требующие равновеликого прироста для равновеликих авансированных капиталов. И хотя конкуренция воздействует на капитал на всех фазах его воспроизводства, наибольшую значимость с точки зрения выравнивания

нормы прибыли приобретает межотраслевая конкуренция. Она способствует формированию прежде всего цены производства, приводя как бы к общему знаменателю условия хозяйствования всех капиталистов. Между тем на окончательную величину рыночных цен продолжает оказывать влияние немало факторов. Среди них выделяются те, которые определяют соотношение спроса и предложения. Именно общественный характер производства стал материальной основой для выравнивания нормы прибыли для равновеликих капиталов, функционирующих в любой отрасли промышленного производства. Непосредственными индикаторами движения капитала из одной отрасли в другую как раз и являются рыночные цены, которые колеблются вокруг цен производства.

Механизм такого движения показан К. Марксом в "Капитале", где, в частности, отмечено: "...конкуренция выравнивает нормы прибыли различных сфер производства в среднюю норму прибыли и именно этим превращает стоимости продуктов этих различных сфер в цены производства. И это совершается путем постоянного перелива капитала из одной сферы в другую, где в данный момент прибыль стоит выше среднего уровня; при этом, однако, должны быть приняты во внимание колебания прибыли, связанные для известной отрасли промышленности на протяжении известного периода с чередованием скудных и весьма прибыльных годов. Эта непрерывная эмиграция и иммиграция капитала, происходящая между различными сферами производства, вызывает восходящие и нисходящие движения нормы прибыли, которые более или менее взаимно уравниваются и в силу этого имеют тенденцию повсюду сводить норму прибыли к одному общему уровню. Это движение капиталов обусловливается в первую очередь состоянием рыночных цен, которые здесь поднимают прибыль выше общего среднего уровня, там понижают ее ниже этого уровня"⁴⁷.

В условиях мелкого товарного производства конкуренция сводит индивидуальные затраты труда товаропроизводителей к общественной стоимости, рыночные цены центром своих колебаний имеют непосредственно общественную стоимость. В развитом капиталистическом хозяйстве конкуренция достигает своего расцвета. Ее функция по отношению к формированию общественной стоимости значительно усложняется, что вызвано появлением опосредствующих звеньев между рыночной ценой и стоимостью. При таких обстоятельствах конкуренция не обнаруживает, как подчеркивал К. Маркс, "что стоимость господствует над движением производства, она не обнаруживает стоимостей, которые скрываются за ценами производства и в конечном счете определяют их". Но она обнаруживает "колебания рыночных цен, которые сводят среднюю рыночную цену товаров за данный период не к рыночной стоимости, а к уклоняющейся от нее, весьма отличной

от нее рыночной цене производства”⁴⁸. Следовательно, искажение внешним видом экономических отношений внутренних процессов капиталистического производства, модификация рыночной стоимости в цену производства происходят вследствие того, что капиталистически произведенные товары выступают как продукты всего общественного капитала независимо от массы живого труда, эксплуатируемого отдельным капиталистом в какой-либо сфере. В то же время ни один индивидуальный капитал не в состоянии длительный период противостоять конкуренции как в своей, так и в других отраслях. Это приводит к миграции капитала между отраслями, к выравниванию общественных условий производства.

Иначе говоря, конкурентные отношения представляют собой механизм образования и стоимости, и цены производства, и рыночной цены. При этом следует заметить, что не сама по себе конкуренция превращает рыночную стоимость в рыночную цену производства. Причина такого превращения — установление господства капитала, капиталистических производственных отношений, где конкуренция является важнейшим условием их развития. Именно поэтому любое ущемление конкуренции может привести к нарушениям в механизме как образования цены производства, так и движения и колебания рыночных цен. ”Это выравнивание капиталу удастся осуществить тем полнее, — писал К. Маркс, — чем выше капиталистическое развитие в данном национальном обществе, т. е. чем больше условия данной страны приспособлены к капиталистическому способу производства”⁴⁹. А это ”предполагает полную свободу торговли внутри общества и устранение всех монополий, кроме естественных, т. е. устранение монополий, которые возникают из самого капиталистического способа производства”⁵⁰.

Попытаемся выделить коренные черты ценообразования, сложившиеся в развитом капиталистическом товарном производстве. Основу движения рыночных цен представляет собой стоимость. Поэтому стихийное регулирование общественного производства, установление его пропорциональности происходят в конечном счете на основе закона стоимости, который потому и представляет собой, по определению Ф. Энгельса, ”основной закон как раз товарного производства, следовательно, также и высшей его формы — капиталистического производства. Он прокладывает себе путь в современном обществе таким способом, каким только и могут прокладывать себе путь экономические законы в обществе частных производителей, т. е. как слепо действующий закон природы, заключенный в самих вещах и отношениях и не зависящий от воли и стремлений производителей”⁵¹.

Именно закон стоимости оказывает решающее и определяющее воздействие на формирование структуры общественного производства, от чего зависит структура спроса и предло-

жения. Выступая как внешнее выражение действия закона стоимости, рыночные цены отражают в то же время конъюнктуру рынка, свободного и неизвестного для всех производителей и потребителей. Поскольку товары становятся продуктом капитала, постольку непосредственным центром колебания рыночных цен является цена производства — модифицированная форма стоимости. Выравнивание нормы прибыли в среднюю прибыль и формирование цены производства, с одной стороны, динамизм соотношения спроса и предложения, предопределяющий окончательную количественную значимость рыночных цен, — с другой, всецело опираются на механизм конкуренции, в равной мере характеризующий все фазы воспроизводства капитала. Конкуренция играет определяющую роль при образовании всех элементов рыночной цены — и издержек производства, и прибыли. Не случайно поэтому К. Маркс подробно рассматривает влияние изменения стоимости составных частей издержек производства, в том числе и колебаний заработной платы, на величину нормы прибыли и цены производства⁵², хотя на поверхности капиталистических отношений в наибольшей мере ощущается конкуренция, непосредственно воздействующая на величину рыночных цен. Рыночная цена, колеблясь вокруг рыночной цены производства, могла намного отличаться от индивидуальной цены производства, либо принося отдельным капиталистам добавочную прибыль, либо даже не покрывая всех издержек производства.

В условиях когда общественное производство состоит из обособленно хозяйствующих индивидуальных капиталов, учет общественного труда и его распределение по сферам экономики могут осуществляться только в стихийной форме. Между тем при капитализме свободной конкуренции проявление стоимости модифицируется, и она выступает как цена производства. Поэтому и рыночная цена становится денежным выражением модифицированной стоимости — цены производства. При переходе от мелкого к капиталистическому товарному производству — высшей форме товарного производства — налицо проявляется закономерность модификации стоимостных форм. Капитал, способствуя модификации стоимости, тем самым скрывает не только трудовое происхождение стоимости, но и саму эксплуататорскую природу капиталистического строя, представляя товар как продукт капитала, как результат взаимодействия различных факторов производства.

Однако подобная модификация осуществляется благодаря повсеместному господству конкуренции, в которой, по словам К. Маркса, *"все проявляется в искаженном виде"*⁵³. Именно конкуренция создает видимость равных прав и равных возможностей для всех производителей. Именно конкуренция способствовала разорению массы мелких товаропр-

изводителей и обогащению лишь тех из них, кто превратился в буржуа. Именно конкуренция служит выравниванию прибыли на любые равновеликие индивидуальные капиталы. Вот почему в современных условиях мелкобуржуазные теоретики и так называемые неоклассики продолжают призывать к восстановлению свободной конкуренции, уповая на нее как на самый справедливый механизм хозяйствования.

Выявляя коренные черты ценообразования с точки зрения степени зрелости товарных отношений, нетрудно видеть, что высшая форма товарного производства относится к тому историческому этапу развития человеческого общества, когда имело место соответствие между уровнем развития производительных сил и капиталистическими производственными отношениями. Отсюда вытекает важный методологический вывод о том, что дальнейший ход естественноисторического процесса объективно приводит к появлению и росту несоответствия между развивающимися производительными силами, которые все больше приобретают общественный характер, и их частнокапиталистической оболочкой. Хотя капитал не застывает в своем движении, а под давлением производительных сил и обостряющихся социальных противоречий стремится приспособиться к новым условиям и удержать свою власть, капиталистическое господство строится уже не на развитии и модификации коренных черт товарного производства и капитализма, а на их отрицании.

Следовательно, модификация стоимостных категорий происходит в исторических и логических рамках высшей формы товарного производства, когда получают полный простор его существенные признаки и закономерности. Это означает, что исследование ценообразования в условиях монополистического капитализма следует проводить не в поиске путей модификации товарно-денежных отношений, а в выяснении причин и обстоятельств, в той или иной мере ограничивающих их функционирование. В этой связи неопределимое значение для понимания перехода от капитализма свободной конкуренции к монополистическому капитализму имеет данная В. И. Лениным характеристика этого процесса. По нашему мнению, она заключает и суть перехода, и методологический принцип анализа новых явлений и категорий при империализме.

В. И. Ленин сделал вывод о том, что "империализм вырос как развитие и прямое продолжение основных свойств капитализма вообще. Но капитализм стал капиталистическим империализмом лишь на определенной, очень высокой степени своего развития, когда некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, когда по всей линии сложились и обнаружались черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу"⁵⁴.

Вместе с тем при империализме некоторые основные свойства капитализма превращаются в свою противоположность. Выступая как высшая стадия капитализма, империализм характеризуется категориями и закономерностями, которые не обязательно представляют собой "высшую стадию развития" соответствующих категорий и закономерностей домонополистического капитализма. Более того, монополистическая природа империализма превращает целый ряд таких категорий и закономерностей в свою противоположность. Подобные изменения в полной мере относятся и к процессу ценообразования. Рыночное ценообразование — одно из важных свойств капитализма. Но при империализме самое активное участие в ценообразовании начинает принимать монополия, в результате монопольные цены перестают быть прямым развитием "прежних" рыночных цен.

Проведенный анализ внутренних противоречий развития исторических форм монополистических объединений показывает, что, опираясь на концентрацию производства и капитала, уже при зарождении монополии как типа отношений экономическая реализация нового явления касалась прежде всего условий сбыта, вторгалась в процесс ценообразования. По мере расширения и укрепления собственной производственной базы усиливалось воздействие монополий на процесс ценообразования, на величину продажных цен. Ведь от того, насколько цены станут "управляемыми", зависит, насколько "управляемой" окажется и прибыль монополий. Простейшие формы монополий (пулы, ринги и др.) стремились регулировать торговые сделки при продаже своей продукции. Но особенно активно воздействовать на процесс обращения начал картель. Давая подробную характеристику картелям, В. И. Ленин отметил: "Картели договариваются об условиях продажи, сроках платежа и пр. Они делят между собой области сбыта. Они определяют количество производимых продуктов. Они устанавливают цены. Они распределяют между отдельными предприятиями прибыль и т. д."⁵⁵.

В период своего возникновения картели представляли собой одноотраслевые монополистические объединения. Хотя картельные соглашения носили временный характер, но одно соглашение сменялось другим, и постепенно картель становился постоянным фактором ценообразования. В наибольшей мере такой фактор сказывался на завершающей стадии — при определении окончательной величины рыночной цены. Несмотря на фиксирование рынков сбыта и объемов производства, картели были не в состоянии преодолеть рыночную форму обмена. Вот почему картельные, монопольные цены выступали как разновидность рыночных цен. Это обстоятельство обусловливалось также тем, что картели как монополии вырастали из внутриотраслевой конкуренции, а это слабо влияло на межотраслевой перелив капитала.

Более того, даже в пределах одной отрасли картельные соглашения заключались часто по отдельным видам продуктов, поэтому полностью не исключалась и внутриотраслевая конкуренция. Вот почему попытки картелей регулировать соотношение предложения и спроса на договорную продукцию, а также фиксация в ряде случаев продажных цен не привели к существенным изменениям в процессе ценообразования. Не уничтожая полностью обособленность своих предприятий, картель тем самым сохранял экономическую основу для почти не ограниченного действия как закона стоимости, так и закона цен производства. Пытаясь через сферу обращения реализовать свое преимущество по масштабам производства по сравнению с другими производителями, не изменяя при этом отношений в сфере производства, картель тем самым оказался не в состоянии привести к долговременным изменениям в конкурентном механизме ценообразования. Подобно временному характеру картельных соглашений, картельные цены также отличались неустойчивостью.

По мере расширения монополизации капиталистической экономики и развития форм монополистических объединений усиливалось внедрение отношений монополии в процесс ценообразования. Все больше выявлялась прямо пропорциональная зависимость между укреплением производственной базы монополии и степенью ее воздействия на механизм ценообразования. Наиболее устойчивой одноотраслевой формой монополистического объединения оказался трест, в котором были объединены все звенья — от промышленных предприятий до служб сбыта и снабжения. Такое положение давало возможность тресту решительным образом воздействовать на конкурентные отношения с другими производителями, выступать при благоприятных обстоятельствах решающей силой при определении цен на свою продукцию и на приобретаемые сырье и материалы.

Отмечая эту сторону деятельности трестов, В. И. Ленин писал: "Для устранения конкурента тресты не ограничиваются экономическими средствами, а постоянно прибегают к политическим и даже уголовным. Но было бы глубочайшей ошибкой считать экономически неосуществимой монополию трестов при чисто экономических приемах борьбы. Напротив, действительность на каждом шагу доказывает "осуществимость" этого: тресты подрывают кредит конкурента через посредство банков (хозяева трестов суть хозяева банков: скупка акций); тресты подрывают подвоз материалов конкурентам (хозяева трестов суть хозяева железных дорог: скупка акций); тресты на известное время сбивают цены ниже себестоимости, тратя на это миллионы, чтобы разорить конкурента и *скупить* его предприятия, его источники сырья (рудники, землю и пр.).

Вот — чисто экономический анализ силы трестов и расшире-

ния их. Вот чисто экономический путь к расширению: *скупка предприятий, заведений, источников сырья*"⁵⁶.

В ленинской характеристике реализации монополии трестов обращено внимание на то, что тресты стремятся влиять на все стадии воспроизводства капитала. Иначе говоря, экономическая мощь треста сказывается не только на окончательном определении величины цены на его продукцию, но и на обеспечении монопольных условий как для процесса производства, так и для процесса реализации. Другими словами, трест активно вмешивается в формирование общественно необходимого времени, определяющего величину стоимости выпускаемой им продукции. Если картели и синдикаты получили возможность влиять лишь на окончательную величину цены реализации, то деятельность трестов направлена на регулирование всех структурных элементов цены. Как прибыль, заложенная в цене, так и издержки производства находятся под контролем треста. Тем самым трест оказывает давление на своих конкурентов не только размером захваченного рынка, не только своими рыночными позициями, но и тем, что лежит в основе могущества трестовской монополии, — своим производственным процессом, включающим все стадии производства продукта — от закупки сырья до выпуска готовых изделий.

По мере развития и укрепления монополистических объединений происходит все большее распространение отношений монополии в сфере производства, т. е. в сфере непосредственного создания и формирования стоимости. Примат производства и в эволюции монополии сохраняет основополагающее значение. И хотя природа капиталистического строя такова, что любой производитель в конечном счете может реализовать экономическое положение лишь путем продажи продукции, лишь в сфере обращения, однако рыночные позиции любого производителя опираются на его производственные позиции, на его материально-техническую базу.

Вот почему В. И. Ленин специально обращает внимание на то, каким образом монополии добиваются своего доминирования на рынке. "Это уже совсем не то, что старая свободная конкуренция раздробленных и не знающих ничего друг о друге хозяев, производящих для сбыта на неизвестном рынке... Капитализм в его империалистической стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воли и сознания, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению"⁵⁷. Объективный процесс монополизации капиталистической экономики опирается на растущее обобществление производства, что самым непосредственным образом влияет на механизм ценообразования. Практически под контроль монополии попадают все составные элементы издержек про-

изводства, а на ее предприятиях трудится основная масса наемной рабочей силы, значительная часть которой наиболее квалифицирована. Это позволяет монополии становиться "законодателем мод" в определении рыночной стоимости продуктов отдельной отрасли. Масштаб и условия производства, лежащие в основе определения общественно необходимых затрат, становятся подвластными монополии. Вместе с тем она не сводит свою стратегию только к максимизации продажной цены, а внедряется в процесс ценообразования, пытаясь подчинить себе все его элементы.

Но в капиталистическом обществе основой цены являются не затраты труда, а затраты капитала независимо от сферы его приложения. Поэтому, добившись решающего воздействия на определение общественно необходимых затрат на изделия отдельной отрасли, монополия не останавливается в своем движении, пытается проникнуть и в другие отрасли. В условиях свободной конкуренции перелив капитала между отраслями уравнивает прибыль на равновеликий авансированный капитал. Даже одноотраслевая монополия препятствует проникновению в "свою" отрасль новых капиталов, а образование многоотраслевых монополистических объединений начинает затруднять перелив капитала в экономике в целом. И хотя отдельное такое объединение занимает неодинаковое положение во всех отраслях своей деятельности, решающее значение принадлежит не количеству охваченных отраслей, а размеру капитала. Иначе говоря, ресурсы монополии позволяют ей регулировать перелив капитала внутри своего комплекса, исходя из текущей ситуации в экономике и стратегических интересов монополистического капитала.

Таким образом, возникновение и развитие капиталистической монополии приводят к существенным изменениям в ценообразовании. Во-первых, в пределах господства монополистического капитала отношения монополии сменяют конкуренцию как в сфере производства, так и в сфере обращения. Во-вторых, выпуская подавляющую часть продукции отдельной отрасли и экономики в целом, монополистические объединения оказывают решающее воздействие на уровень общественно необходимых затрат. В-третьих, размеры монополистического капитала намного превосходят авансированный капитал других производственно-хозяйственных единиц, что разрушает основание для равноправного положения всех производителей в экономике. В-четвертых, изыскивая прямые связи с потребителями своей продукции, монополии стремятся регулировать соотношение спроса и предложения, тем самым исключая свободное колебание цен, которые, обслуживая в таком случае фактически вне рыночный оборот, теряют существенные признаки рыночных цен.

В этой связи важно подчеркнуть, что рассмотренные вне рыночные формы обмена не опосредуются безвозмездной пере-

дачей продукции одному из контрагентов обмена, а представляют собой куплю-продажу на основе эквивалентности общественных стоимостей (за исключением внутрифирменного оборота, где движение продукции от одного звена к другому происходит в соответствии с планированием деятельности монополии). Но соблюдение принципа эквивалентности не означает, что здесь сохраняется и суть товарного отношения, лежащего в основе рыночной цены. Как уже отмечалось, во внерыночном обмене рынок с политико-экономической точки зрения теряет свою экономическую функцию. Следовательно, в тех случаях, когда монопольные цены обслуживают внерыночный обмен, они становятся внерыночными, или нерыночными, ценами. Развитие внерыночных форм обмена отражает распространение отношений монополии. Поэтому развитие отношений монополии выражается, в частности, в превращении значительной части монопольных цен в нерыночные цены.

Понятно, что все монопольные цены не сводятся к нерыночным ценам, поскольку немалая часть продукции монополий реализуется через рынок и рынок продолжает играть существенную роль в капиталистической экономике. Но природе монополии как противоположности свободной конкуренции в наибольшей мере соответствует именно нерыночная цена. В той степени, в какой монополии удается овладеть рынком, добиться регулируемой связи между производством и потреблением, монопольные цены теснят классические рыночные цены. Естественно поэтому, что ведущая роль в формировании монопольных, нерыночных, цен принадлежит самой монополии. Рождаясь из конкуренции, монополия как бы раздвигает рамки капиталистических производственных отношений, пытается приспособиться к растущим производительным силам. Вместе с тем монополия подрывает адекватный капитализму механизм функционирования, в том числе и свободное ценообразование. С возникновением монополистического капитала предел капиталистического способа производства начинает ощущаться в растущих, очевидных для всего общества антагонистических противоречиях. И сам монополистический капитал становится пределом развития производительных сил.

Характеризуя диалектику капитала и роль свободной конкуренции в развитии капитализма, К. Маркс подчеркивал: "До тех пор пока капитал слаб, он сам еще ищет опору в прошлых или исчезающих с его появлением способах производства. Когда он чувствует себя сильным, он отбрасывает эти костыли и движется соответственно своим собственным законам. Когда он начинает ощущать самого себя пределом для развития и когда его начинают рассматривать как такой подлежащий преодолению предел, он ищет прибежище в таких формах, которые, хотя они кажутся завершением господства капитала, вместе с тем, в результате обуздания свободной

конкуренции, являются провозвестниками его разложения и разложения покоящегося на нем способа производства”⁵⁸. А ведь монополия утверждает свое господство именно ”в результате обуздания свободной конкуренции”.

Вот почему механизм формирования и образования монопольных цен выступает не как развитие, а как подрыв механизма цен производства. В силу этой главной причины монопольная цена, с одной стороны, не может выступать как дальнейшая модификация цены производства и представлять собой дважды модифицированную стоимость, с другой стороны, что вытекает из первого, не сводится к монопольной цене производства. По своей природе монополия чинит преграды для перераспределения созданной в обществе прибавочной стоимости между всеми капиталистами. Тем самым монополия отрицает основной принцип образования цены производства — свободный перелив капитала. Отсюда выражение ”монопольная цена производства” содержит внутренние противоречия, исключающие возможность его использования как категории, имеющей собственное содержание. В этом выражении конституирующим является определение ”монопольная”. В этом — суть.

С переходом к империализму экономические категории капитализма не просто становятся ”монопольными”. Возникают новые отношения. Но они нередко сохраняют формы, свойственные капитализму вообще. Поэтому за формой цены, используемой монополистическими объединениями, важно рассмотреть то, что вносит в нее монополия и что исключает. Поскольку хорошо известно, что монополия существенным образом ограничивает конкуренцию, постольку для теоретического исследования новых явлений, рожденных монополией, принципиальное значение имеет вывод К. Маркса о том, что ”ни одна категория буржуазной экономики, и даже самая первая — например, определение стоимости, — не становится действительной иначе как через посредство свободной конкуренции”⁵⁹. Как показывает теоретический анализ и свидетельствует действительность, роль свободной конкуренции в определении монопольной цены значительно урезана. Поэтому монопольная цена, несмотря на свою схожесть с ценой производства, выражает как подрыв товарного производства вообще, так и подрыв механизма функционирования капиталистической экономики, в том числе и механизма ценообразования. Вот почему монопольные цены, хотя и возникают на базе формирования цен производства, в известной мере опираются на эту базу, сами по себе выступают не как модификация цен производства, так как монополия как тип отношений является обстоятельством не модифицирующим, а подрывающим товарный механизм экономики.

Особенности ценообразования при империализме вытекают из смены свободной конкуренции капиталистической монопо-

лией, ареной деятельности которой стало мировое капиталистическое хозяйство. Даже в пределах национальных границ ее устойчивость во многом зависит от того, насколько широко она проникла в экономику других стран, насколько по видам своей деятельности или по организационной форме она превратилась в международное монополистическое объединение. Тем самым в деятельности современных крупнейших концернов нельзя не учитывать тот факт, что отношения монополии все больше теснят отношения конкуренции и в масштабе мирового капиталистического хозяйства.

Крупнейшие объединения последовательно стремятся воздействовать на внутриотраслевую и межотраслевую конкуренцию в национальной экономике и на конкуренцию на мировом рынке. В результате под их контроль попадает перелив капитала не только в национальном, но и в международном масштабе. Это создает условия для международных монополий существенным образом влиять на формирование интернациональной стоимости и предопределять уровень мировых цен на производимые или потребляемые ими товары. Причем уровень мировых цен все больше становится определяющим и для цен внутреннего рынка отдельной страны.

Вследствие неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран монополии имеют благоприятную возможность для извлечения добавочной прибыли за счет эксплуатации мирового пролетариата. Не случайно поэтому В. И. Ленин, характеризуя природу прибыли, отмечал, во-первых, деятельность международных монополий и, во-вторых, различный уровень экономического развития отдельных стран в мировом капиталистическом хозяйстве. "...Монополия, — подчеркивал В. И. Ленин, — дает *сверхприбыль*, т. е. избыток прибыли сверх нормальной, обычной во всем свете капиталистической прибыли"⁶⁰. Хотя империализм разрушает монопольное, привилегированное положение отдельных наций, как это произошло с Англией, в то же время империализм есть повсеместное господство монополий. В результате "каждый картель, трест, синдикат, каждый гигантски-крупный банк *есть* монополия. Сверхприбыль не исчезла, а осталась. Эксплуатация одною, привилегированною, финансово-богатою, страню *всех* остальных осталась и усилилась"⁶¹. В предисловии к французскому и немецкому изданиям работы "Империализм, как высшая стадия капитализма" В. И. Ленин вновь писал о "гигантской *сверхприбыли* (ибо она получается сверх той прибыли, которую капиталисты выжимают из рабочих "своей" страны)". Следовательно, с развитием международных монополий и завершением формирования мирового капиталистического хозяйства международный фактор, соотношение монополии и конкуренции на мировом рынке стали одними из важнейших особенностей современного ценообразования.

Необходимо отметить, что уже при капитализме свободной конкуренции мировой рынок, по словам К. Маркса, "вообще является базисом и жизненной атмосферой капиталистического способа производства". Изучив влияние на норму прибыли изменения мировых цен на сырье, К. Маркс пришел к выводу, "что внешняя торговля влияет на норму прибыли даже независимо от всякого воздействия ее на заработную плату путем удешевления необходимых жизненных средств. А именно, она влияет на цены сырья и вспомогательных материалов, применяемых в промышленности или земледелии"⁶². Влияние внешней торговли, мирового рынка на норму прибыли и на весь процесс ценообразования особенно возросло в сложившемся мировом капиталистическом хозяйстве, где большинство отдельных государств практически не в состоянии воспроизводить свой общественный капитал без внешней торговли, без научно-технических и других связей с зарубежными партнерами.

Если в 1983 г. доля товарного экспорта в валовом национальном продукте США составляла 10,1%, а импорта — 10,4%, то соответствующие показатели в 1980 г. в Японии — 12,6 и 13,6, во Франции — 17,9 и 20,8, в Нидерландах — 45,9 и 48,6, в Бельгии — 55,7 и 61,9%⁶³. Приведенные данные со всей очевидностью говорят о том, что ценообразование в мировом капиталистическом хозяйстве превратилось в важный фактор, воздействующий на национальное, внутреннее, ценообразование. Интернациональная стоимость все больше начинает предопределять общественную рыночную стоимость (цену производства) даже в отдельно взятой национальной экономике.

Ясно, что мировой рынок — это не какая-то общемировая базарная площадь. Для каждой страны мировой рынок — это платежеспособный спрос потребителей других стран⁶⁴. В свою очередь каждая страна выступает и как производитель, и как потребитель. В условиях мирового рынка отдельной компании завоевать монопольное положение гораздо сложнее, нежели в экономике своей страны. Здесь большое значение имеет то, какое место в мировом капиталистическом хозяйстве занимает та или иная экономика. От этого во многом зависит и роль тех компаний, которые имеют тот же национальный мундир. Другими словами, если на внутреннем рынке компании принимают в штывки любую регламентацию со стороны государства, то в мировой торговле, в борьбе за захват новых рынков государство становится необходимым помощником, а в ряде случаев и гарантом их внешнеторговой экспансии. Получается, что с развитием мирового капиталистического хозяйства во внутреннем ценообразовании возрастает роль не только мирового рынка, но и буржуазных государств. Национальные империализмы терпят космополитизм капитала до тех пор, пока это не противоречит интересам их монополий.

Так, в последние годы на мировом рынке цветных телевизоров доминирующее положение захватили японские компании. На японские торговые марки приходится более 40% проданных цветных телевизоров в капиталистическом мире. На внутреннем рынке Японии продаются цветные телевизоры только отечественного производства. На рынке США доля японских телевизоров составила 37%, в Западной Европе — 10, в других капиталистических странах — 48%. Высокая конкурентоспособность японских цветных телевизоров привела к тому, что если в США в 1960 г. было 27 компаний, производивших цветные телевизоры, то к 1970 г. их осталось 17, а к 1980 г. — всего 5, но только 3 имеют пока устойчивое положение на рынке. Очевидно, немало причин повлияло на сокращение числа американских производителей цветных телевизоров. Но несомненно и то, что цены на американские цветные телевизоры формировались при значительном влиянии рыночных цен японских телевизоров. А если учесть, что на мировом капиталистическом рынке цветных телевизоров японские изделия абсолютно преобладали над изделиями компаний других стран, то нетрудно предположить, что рыночная стоимость японских аппаратов имела наибольшие шансы выступать в качестве интернациональной стоимости цветных телевизоров.

Аналогичная ситуация сложилась и на автомобильном рынке. Японские малогабаритные машины к середине 1982 г. захватили 30% рынка США. Японские концерны потеснили своих американских и иных конкурентов и на других национальных рынках. Поэтому формирование интернациональной стоимости на автомобили соответствующего класса все больше стало перемещаться к японским производителям. В свою очередь американские монополии продолжают быть "законодателями мод" в таких отраслях, как производство ЭВМ, полупроводников, авиационная промышленность и др. По-прежнему 90% мирового рынка самолетов принадлежит американским концернам⁶⁵. В таких условиях ценообразование на самолеты целиком находится в руках американских монополий. Важное значение имеет также уникальность этих изделий, которые, несмотря на серийное производство, выпускаются только для заранее установленных потребителей. Поэтому технический уровень изделия, его сложность, специфика использования, потребления и обслуживания накладывают немалый отпечаток как на величину цены, так и на весь процесс ценообразования.

Когда же этот фактор усиливается фактически монопольным положением производителей не только в национальной экономике, но и на мировом рынке, то происходит наиболее тесное переплетение ценообразования внутри отдельной страны и в международном масштабе. Поэтому одна из особенностей ценообразования в условиях современного капитализма —

тесная взаимосвязь процессов ценообразования на мировом рынке и в рамках национальных экономик. Хотя конкуренция сохранила немало своих позиций, контрагентами в мировой капиталистической торговле большей частью выступают крупнейшие объединения. Поэтому отношения монополии накладывают свой отпечаток и на процесс формирования интернациональной стоимости, и на процесс образования мировых цен.

Неоднозначное влияние на ценообразование на мировом рынке оказывают международные монополии. С одной стороны, любая международная корпорация в той или иной степени препятствует конкуренции обеспечивать свободное ценообразование на изделия объединения. С другой стороны, именно в пределах международных монополий целенаправленно происходит перелив капитала между различными филиалами объединения, что, наоборот, способствует формированию интернациональной стоимости и мировой цены. В любом случае наличие монополии выступает как фактор, ограничивающий свободное ценообразование. Но дело заключается в том, что мировое капиталистическое хозяйство как раз и складывалось при активном участии международных гигантов. Поэтому в условиях сложившегося мирового капиталистического хозяйства формирование мировых цен происходит при прямом участии транснациональных корпораций.

Сравнивая формирование стоимости на национальном и мировом уровнях при капитализме свободной конкуренции, К. Маркс отметил, что "иначе обстоит дело на мировом рынке, интегральными частями которого являются отдельные страны"⁶⁶. Уже в тот период буржуазное государство не стояло в стороне от мировой торговли, стремясь за счет ее пополнить свою казну. Иное дело при империализме. Теперь буржуазное государство активно воздействует на ценообразование как внутри страны, так и на мировом рынке. Наряду с прямым регулированием наиболее широкое распространение получили косвенные формы регулирования, которые затрагивают и процесс ценообразования, и предельные величины цен. Государство выступает потребителем огромной массы товаров и услуг, расходует немалые средства на развитие научных исследований и опытных конструкторских разработок. Оно устанавливает технические требования к промышленным изделиям по обеспечению безопасности граждан и охраны окружающей среды. Правительственные органы регулируют ставку ссудного процента и санкционируют ускоренную амортизацию основного капитала, определяют цены предприятий государственного сектора, договариваются об уровне цен на определенные товары в рамках региональных межгосударственных союзов (например, в "Общем рынке") и используют другие методы. Буржуазное государство получило возможность в конечном счете влиять на весь

процесс ценообразования*. Причем эта возможность непосредственно связана с необходимостью активного вмешательства государства в экономические процессы, ибо и рынок сам по себе, и свободное рыночное ценообразование перестали в полной мере отвечать требованиям воспроизводства как монополистического, так и общественного капитала. Таким образом, особенности ценообразования в условиях высокообразной государственно-монополистической экономики вытекают из существенных изменений в положении производителей. Они обусловлены растущим обобществлением производства, развитием частной и государственной монополий, усиливающимся воздействием мирового капиталистического хозяйства на внутрихозяйственные процессы отдельных буржуазных стран.

Если попытаться установить зависимость между падением регулирующей роли рынка в капиталистической экономике и изменениями в ценообразовании, то с известной долей условности можно утверждать, что, чем больше уменьшается значение рынка в регулировании общественного производства, тем больше ощущается влияние монополии и государства в ценообразовании. В этой зависимости причинно-следственная связь сложна и подвижна. Вместе с тем очевидна тенденция углубления противоречия между товарно-рыночной основой экономики и растущим общественным характером производительных сил, не вмещающихся и в рамки государственно-монополистического регулирования. Внутренняя противоречивость частной и государственной монополий заключается в том, что экономическая реализация монополии невозможна, с одной стороны, при полном господстве свободной конкуренции, неизвестного рынка, свободного ценообразования, а с другой — без использования товарных отношений, товарно-стоимостных форм (в том числе и формы цены). Она приводит к тому, что и в ценообразовании происходит переплетение стихийно-рыночных процессов с регулирующим воздействием отношений монополии. Но активной стороной в этом противоречивом единстве являются отношения монополии.

Именно данное обстоятельство и дает основание рассматривать современное ценообразование как процесс, развивающийся вследствие подрыва свободно складывающихся цен на неизвестном рынке при неограниченном переливе капитала

* Исследуя влияние буржуазного государства на ценообразование, С. М. Никитин приходит к выводу: "И хотя это регулирование (государственное.— А. П.) до сих пор по отношению к большинству отраслей имеет более подчиненное и ограниченное значение по сравнению с непосредственным воздействием сил монополии и конкуренции, оно тем не менее уже органически включено в общий механизм ценообразования в условиях современного государственно-монополистического капитализма" (Монополистическое ценообразование. М., 1980, с. 62).

между отраслями. Подрыв характеризует не какую-то структурную часть рыночной цены, а сам процесс формирования всей рыночной цены. Поэтому налицо проявляется подрыв действия как закона стоимости, так и закона цен производства. Это позволяет монополиям воздействовать на цены в соответствии с их стратегией максимизации прибыли, навязывая обществу затраты своего капитала как общественно необходимые. Отсюда, как представляется, прямой путь к повышению цен, даже при росте общественной производительности труда. Именно подрыв свободного ценообразования, регулируемого законом стоимости и законом цен производства, лежит в основе современных тенденций динамики цен.

Вопросы ценообразования при империализме всегда находились в центре внимания советских экономистов. Детальный обзор теоретических работ по данному вопросу проведен И. Е. Рудаковой⁶⁷. Этой проблеме посвящено немало монографических исследований⁶⁸. Но сложность объекта изучения, его динамичность, а также ряд других причин обуславливают различные подходы авторов, что во многом и предопределяет их итоговые оценки.

Ясно одно: рассмотрение ценообразования вне системы производственных отношений, соответствующей определенному историческому этапу в развитии капиталистического способа производства, не может привести к всесторонней политико-экономической характеристике происходящих изменений, а уводит исследователя к одностороннему представлению. Важно иметь в виду, что растущее обобществление производства, длительное господство монополий не могли не привести к эволюции рынка, к эволюции конкурентных отношений, к подрыву товарного производства. Эти процессы самым непосредственным образом оказывают воздействие как на механизм ценообразования, так и на форму цены.

Вместе с тем, какие бы изменения ни произошли в ценообразовании, в какой бы мере ни было подорвано действие законов стоимости и цен производства, в условиях современного капитализма по-прежнему основой цен остается стоимость. В масштабе отдельной страны и тем более в мировом капиталистическом хозяйстве стоимостная форма учета и распределения общественного труда не имеет и не может иметь никакой иной альтернативы. Вот почему современное ценообразование, как структурный элемент системы производственных отношений государственно-монополистического капитализма, требует специального политэкономического исследования, что может быть предметом отдельной работы. Свою задачу мы видели в выявлении тех особенностей механизма ценообразования, которые оказались связанными с изменениями роли и места товарных отношений в условиях современного капитализма.

При оценке рассмотренных особенностей ценообразования

важное значение имеет общее определение процесса перехода категорий капитализма свободной конкуренции в категории монополистического капитализма. Такой процесс можно выразить терминами "развитие", "приспособление", "модификация", "подрыв" или какими-либо сочетаниями между ними. Соотношение между данными терминами можно рассматривать как на абстрактно-теоретическом уровне, так и применительно к диалектике реальных экономических процессов. Если в формально-логической постановке названные понятия могут быть взаимозаменяемыми или выступать выражением друг друга, то становление, развитие и отмирание (или уничтожение) определенных производственных отношений предполагает соответствующие определения своего различного состояния и движения.

Так, на этапе развития товарного производства превращение его категорий в категории капитализма свободной конкуренции означает сохранение как сути товарного отношения, так и механизма и форм его существования. Такое превращение и получило выражение в термине "модификация". Можно сказать, что на рассматриваемом этапе модификация выражает также приспособление товарных отношений к воспроизводству промышленного капитала.

Однако при империализме имеет место качественно иное состояние производственных отношений капитализма вообще и товарного производства в частности. Теперь налицо лишь их "приспособление" к новым условиям существования, когда достигнутый общественный характер производительных сил и уровень обобществления производства не вмещаются ни в капиталистическую, ни в товарную оболочку. Такое приспособление строится уже не на дальнейшем развитии товарных отношений, а на подрыве как их основы, так и механизма реализации. Поэтому после этапа своего развитого состояния не происходит развитие сущности товарного производства, а потому приспособление к условиям господства монополий не может сопровождаться дальнейшей модификацией его коренных черт. Другими словами, модификация выражает продолжающееся развитие и не может выражать состояние приспособления при отсутствии развития сущности и форм ее проявления.

Если же модификация понимается как всякое видоизменение, а потому применяется при характеристике явления на любом этапе его существования (возникновение, становление, развитие, отмирание), то при этом каждый раз по меньшей мере требуется раскрывать содержание такой "модификации". В противном случае использование термина "модификация" не столько указывает на взаимосвязь новых черт с сущностью явления, сколько скрывает условия существования рассматриваемого явления при различных обстоятельствах. Как видно, речь идет не о терминологическом споре, а о содержании

тех явлений, которые имеют место на различных стадиях развития капитализма.

Что касается взаимосвязи подрыва товарного производства с изменениями в ценообразовании, то, как представляется, здесь важно исходить из условий воспроизводства монополистического капитала. Если цена производства основывалась на затратах капитала при свободном переливе последнего между отраслями, то монопольная цена включает затраты монополистического капитала при отсутствии свободного перелива капитала в экономике, но при наличии перелива капитала в многоотраслевом комплексе каждого монополистического объединения. Именно на пути изучения всех аспектов воспроизводства монополистического капитала можно выявить современные тенденции и особенности в ценообразовании.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВОВАНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ БУРЖУАЗНОЕ ГОСУДАРСТВО

1. Углубление противоречий капиталистического хозяйствования

Политико-экономическая характеристика современного буржуазного государства предполагает определение его экономической роли в капиталистическом хозяйствовании. При этом хозяйствование может быть рассмотрено по меньшей мере с двух сторон: с позиции воспроизводства индивидуального капитала и уровня воспроизводства всего общественного капитала. Если в первом случае известен субъект хозяйствования, принципы и мотивы его деятельности, то во втором случае выясняются закономерности отношений и взаимосвязей индивидуальных капиталов, что характеризует общественное производство в целом. Поскольку капиталистическое производство, несмотря на свой общественный характер, является частным, постольку в своем исходном пункте оно отрицает субъект хозяйствования в национальном, общественном масштабе. Другими словами, общественный капитал всегда остается совокупностью индивидуальных капиталов, противопоставляющих интересы друг друга.

Ранее были подробно рассмотрены противоречия развития капиталистической монополии, структура отношений ее господства, роль рынка и монополии в формировании отношений общественного воспроизводства. Здесь остановимся на тех сторонах капиталистического хозяйствования, которые в наибольшей степени обуславливают усиление экономической роли буржуазного государства, способствуют возникновению и развитию государственной капиталистической монополии как формы производства и как типа отношений. Но вначале выявим основные черты капиталистического хозяйствования вообще. Под ним понимается экономическая деятельность производителя, который в разных общественных системах выступает в виде различных производственных единиц. Субъект хозяйствования — индивидуальный капиталист, функционирование которого подчинено стихийно действующим законам капиталистического способа производства. Капиталистическое хозяйствование формируется в условиях свободной конкуренции и представляет собой основу деятельности монополистических объединений.

Анализ капиталистического предпринимательства и его противоречий предполагает изучение всей совокупности отношений, в которые вступает каждый капиталист как владелец

предприятия, капитала. Вот почему в полной мере оно раскрывается через всю систему "Капитала" К. Маркса, ибо определить "хозяйство"— это значит политико-экономически охарактеризовать сам "процесс производства"¹. Конкретная персона капиталиста не имеет никакого значения, так как "здесь дело идет о лицах лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов"².

Во всей совокупности отношений, составляющих капиталистическое хозяйствование, выделяются те, которые предопределяют его природу. К ним относятся отношения капиталистического товарного производства. Капиталист-предприниматель выступает как обособленный товаропроизводитель. Процесс обобществления производства при капитализме достигает такого уровня, который соответствует апогею развития обособленности производителей в общественном производстве. Именно в этот период в полном расцвете проявляет себя свободная конкуренция, получившая простор во всех сферах хозяйства и фазах воспроизводства капитала.

Благодаря отношениям конкуренции происходит стихийное регулирование общественного производства рынком. Какие бы действия ни предпринимал капиталист, главная его цель — прибыль, которая в то же время выступает и как критерий эффективности его предприятия. Свободная конкуренция не только уравнивает шансы отдельных капиталистов, но и в период своего расцвета не позволяет ни одному индивидуальному капиталу чрезмерно опережать по своим размерам другие капиталы. В результате размер производства на предприятии отдельного капиталиста целиком зависел и определялся величиной индивидуального капитала. Обращая внимание на эту сторону капиталистического хозяйствования, К. Маркс подчеркнул: "С развитием капиталистического производства масштаб производства все в меньшей степени определяется непосредственным спросом на продукт и все в большей степени определяется размерами капитала, который располагает индивидуальный капиталист..."³

Капиталистическое хозяйствование опирается на эксплуатацию лиц наемного труда, рабочая сила которых в этих условиях стала товаром. Тем самым хозяйствование предполагает всеобщность товарных отношений, когда товарное производство достигает своего наивысшего развития, "а развитие товарное производство само уже является капиталистическим товарным производством"⁴. Следовательно, все атрибуты товарного производства проявляются также в наибольшей мере. Стихийное регулирование общественного производства, свободный перелив капитала и труда из одной отрасли в другую, выравнивание нормы прибыли и образование средней прибыли на равновеликий капитал, продажа товаров на неизвестном рынке по ценам, колеблющимся вокруг цен производства

и в конечном счете зависящим от свободно складывающегося соотношения спроса и предложения, сочетание анархии в общественном производстве с железным законом пропорций в пределе отдельного предприятия — все это как раз соответствовало тому уровню развития производительных сил и капиталистических производственных отношений, которым и свойственно "развитое товарное производство".

Преобразование рабочей силы в товар обусловило действие специфически экономических законов, стало базой для превращения законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения. Процесс превращения категорий товарного производства вообще в категории капитализма происходил на базе сохранения основных свойств и отношений, характеризующих систему товарного хозяйства. Принципиально важным здесь является то, что по своей сути отношения конкуренции, через которые как раз и действуют экономические законы на товаропроизводителей, полностью сохранились и даже получили широкий простор для своего развития.

Подчеркивая высшую степень развития конкуренции с установлением господства промышленного капитала и ее значимость для движения капитала, К. Маркс отметил: "По своему понятию конкуренция есть не что иное, как *внутренняя природа капитала*, его существенное определение, проявляющееся и реализующееся во взаимном воздействии многих капиталов друг на друга, не что иное, как внутренняя тенденция, выступающая в форме внешней необходимости"⁵. Не случайно В. И. Ленин основным свойством капитализма и товарного производства вообще назвал свободную конкуренцию. Причем этот вывод он сделал тогда, когда непосредственным предметом его исследования был монополистический капитализм, при котором роль конкуренции существенным образом изменяется. Тем самым была подчеркнута значимость конкуренции при оценке перехода от одной стадии к другой в процессе развития капитализма.

Как известно, в "Капитале" К. Маркс специально не исследует конкуренцию. Вместе с тем "анархическая система конкуренции" постоянно присутствует на всех этапах анализа капиталистического способа производства, поскольку в буржуазном обществе именно через отношения конкуренции проявляются экономические законы. Старо быть, наличие конкуренции обуславливает действие экономических законов. Но если в общественном производстве возникают явления, которые воздействуют на конкуренцию, то это неизбежно сказывается и на действии экономических законов. Отсюда вытекает важный методологический вывод: изменения в капиталистическом хозяйствовании прямо связаны с теми причинами, с теми отношениями, которые либо ограничивают, либо сменяют конкуренцию, что в свою очередь оказывает

влияние и на основополагающие закономерности способа производства в целом.

Хотя конкуренция и относится к коренным чертам капиталистического товарного производства, все же отношения конкуренции — следствие того положения и той роли, которую играют производители в общественном производстве. Характеризуя развитие капиталистических монополий, мы уже показали, какие отношения возникают и развиваются в структуре их господства, как влияют крупнейшие объединения на другие производственно-хозяйственные единицы, на структуру общественного производства, на механизм отношений между всеми звеньями хозяйства, в том числе и на конкурентные отношения. Поэтому здесь ограничимся выявлением взаимосвязи отношений конкуренции со степенью действия экономических законов, определяющих суть капиталистического хозяйствования.

Важная черта капиталистического хозяйствования — строгая регламентация производства и организация труда наемного персонала на предприятиях. Уже в форме простой капиталистической кооперации проявляется сила капитала в соединении наемных рабочих в организованный производственный процесс. "Связь их функций и их единство как производительного совокупного организма, — отмечал К. Маркс, — лежит вне их самих, в капитале, который их объединяет и удерживает вместе. Поэтому связь их работ противостоит им идеально как план, практически — как авторитет капиталиста, как власть чужой воли, подчиняющей их деятельность своим целям"⁶. Как видно, речь идет о четкой согласованности труда наемных рабочих лишь в процессе производства. Сфера обращения при таких обстоятельствах остается неподвластной воли капиталиста. Иначе говоря, кооперация⁷ становится сознательной, планомерной и систематической формой капиталистического способа производства⁷ в пределах функционирования производительной формы промышленного капитала.

Еще большей производственной необходимостью "планомерная организация" труда рабочих вызывается на фабрике, покоящейся на системе машин, где "разделение труда является чисто техническим". Как всесторонне показывает К. Маркс, капиталистическое хозяйствование опирается на "планомерную форму" организации производственного процесса внутри предприятия. Такая планомерная форма непосредственно не затрагивает общественное разделение труда, не влияет на движение товаров, не касается распределения средств производства и труда по отраслям, не воздействует на процесс установления рыночных цен реализуемых товаров. При капитализме свободной конкуренции "планомерная форма" не только не распространяется за пределы отдельной производственно-хозяйственной единицы, но и, как правило, ограничивается рам-

ками исключительно процесса производства. Достигнутый уровень обособления капиталистического предприятия-товаропроизводителя базируется на планомерной форме производственного процесса, где "разделение труда предполагает безусловную власть капиталиста над людьми, которые образуют простые звенья принадлежащего ему совокупного механизма"⁸.

Рассмотренные отношения раскрывают экономическую основу и коренные черты капиталистического хозяйствования, сложившегося при расцвете свободной конкуренции. Уровень развития производительных сил и производственных отношений не требовал участия буржуазного государства в экономической жизни. Оставаясь элементом надстройки, государство оберегало господство буржуазии политическими методами, в то время как буржуа сами располагали достаточными средствами экономического принуждения рабочего класса к труду в интересах самовозрастания капитала. С одной стороны, концентрация производства и капитала, обобществление производства способствовали максимально возможному в общественном развитии обособлению каждого отдельного капиталистического предприятия, когда частнокапиталистическая собственность еще не стала преградой для развития производительных сил. С другой стороны, стихийное регулирование общественного производства, установление его кратковременной пропорциональности путем экономических кризисов, сопровождавшихся разорением мелких товаропроизводителей и немалого числа капиталистов, не расшатывали, а в известном смысле укрепляли основы капиталистического способа производства, расширяли применение наемного труда, не угрожали и политической власти буржуазии.

Развитие капитализма в каждой стране имело свои особенности. Однако повсюду священными среди буржуазии считались законы конкуренции, "законы природы", а принцип "свободного предпринимательства" означал не только невмешательство капиталистов в дела друг друга, но и невмешательство государства в экономическую деятельность бизнесменов. Тем самым интересы сохранения эксплуататорского строя, экономический механизм воспроизводства капитала в период свободной конкуренции предполагали разрешение противоречий капиталистического хозяйствования без активной роли буржуазного государства. Только в том случае, когда государство выступало как представитель и защитник интересов национальной буржуазии в целом, оно предпринимало отдельные меры в экономической сфере. Из истории известно, как буржуазные правительства с помощью политики протекционизма стремились защитить интересы "своих" капиталистов в расширяющейся мировой торговле. На этот момент следует обратить особое внимание, поскольку внешнеэкономические отношения приобретают по мере развития

капитализма все большую значимость для капиталистических стран.

У К. Маркса нет специального исследования экономической роли буржуазного государства. Не случайно при составлении плана исследования капитализма он наметил обратиться к изучению государства только после рассмотрения капитала, земельной собственности и наемного труда, но перед анализом внешней торговли и мирового рынка⁹. "Капитал — это господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества"¹⁰, — подчеркивал К. Маркс. Раскрытие сущности капитала, открытие закона производства прибавочной стоимости оказались вполне возможными без привлечения государства, поскольку исторически и логически его деятельность в известной мере затрагивала лишь "вторичные и третичные, вообще производные, перенесенные, непервичные производственные отношения"¹¹, относящиеся в основном к области международных связей. И хотя К. Маркс не успел завершить план намеченных исследований, в том числе связанных и с характеристикой государства, открытые им закономерности и противоречия развития капитализма ясно указывают на явления, предопределившие возможное усиление экономической роли буржуазного государства, его непосредственного влияния на изменения в системе производственных отношений.

К таким явлениям относятся развитие общественного характера производительных сил, растущее обобществление производства, рост производственно-хозяйственных единиц и изменения в механизме хозяйствования, развитие форм капитала, формирование мирового капиталистического хозяйства, углубление капиталистических противоречий и стремление буржуазии во что бы то ни стало сохранить и продлить свое господство. Разумеется, эти явления тесно переплетаются, взаимосвязаны и взаимообусловлены в реальном процессе развития. Поэтому только в теоретическом анализе есть возможность их разграничить и показать роль каждого в усложнении капиталистического хозяйствования и расширении экономических функций буржуазного государства.

В начале второй половины XIX в. стали возникать предприятия, основанные на акционерном капитале. Уже в таких предприятиях, выступавших в то время, по словам К. Маркса, как "одна из самых последних форм буржуазного общества"¹², он увидел начало существенных изменений в капиталистическом хозяйствовании. В нем возникает противоречие, являющееся "простым переходным пунктом к новой форме производства... В известных сферах оно ведет к установлению монополии и потому требует государственного вмешательства"¹³. Как видно, К. Маркс предвидел вмешательство государства в экономическую жизнь прежде всего из-за назревавших изменений в функционировании буржуазной экономики, ибо с появлением акционерных компаний возникла реальная

основа для смены отношений конкуренции отношениями монополии. Вместе с тем К. Маркс ясно указывал, что само развитие акционерных предприятий опирается на растущее обобществление производства и развитие производительных сил. Это привело к возникновению новой формы капитала — акционерного, отрицающего частное, индивидуальное капиталистическое производство, и соответствующей ему формы общественной связи производителей. Вот почему объективно возникла необходимость вмешательства государства в процесс регулирования этих связей.

На изменение характера отношений производителей обращает внимание и Ф. Энгельс, который, готовя к печати третий том "Капитала", сделал добавление к словам К. Маркса о роли и значении акционерных предприятий: "С тех пор, как Маркс написал эти строки, развились, как известно, новые формы промышленного предприятия, представляющие вторую и третью степень акционерного общества... Издавна прославленная свобода конкуренции находится при последнем своем издыхании и должна сама признаться в своем явном скандальном банкротстве. Это банкротство выражается именно в том, что в каждой стране крупные промышленники определенной отрасли объединяются в картель для регулирования производства"¹⁴. Банкротство конкуренции означает подрыв механизма действия экономических законов, подрыв стихийного саморегулирования воспроизводства общественного капитала. В конечном счете это еще более усиливает остроту капиталистических противоречий и ставит перед буржуазией на повестку дня вопрос о судьбе самого капиталистического строя.

Расширению экономических функций государства способствовало и развитие общественного характера производительных сил, и растущее обобществление производства. Рассматривая возможные последовательные уровни обобществления капиталистического производства, Ф. Энгельс отметил: "Обращение крупных организмов производства и сообщения — сначала в собственность *акционерных компаний*, позже — трестов, а затем — и *государства*"¹⁵. В собственность государства переходили те производительные силы, которые по своей природе должны были обеспечивать коммуникабельность и техническую взаимосвязь всех отраслей и сфер экономики, транспортное сообщение между различными частями страны. Эта задача оказалась не по плечу и гигантским акционерным компаниям. Поэтому, делает вывод Ф. Энгельс, "государство как официальный представитель капиталистического общества вынуждено взять на себя руководство указанными средствами производства и сообщения. Эта необходимость превращения в государственную собственность наступает прежде всего для крупных средств сообщения: почты, телеграфа и железных дорог"¹⁶. История развития государственной капитали-

стической собственности прямо соответствует логике вовлечения государства в активную экономическую деятельность. Огосударствлению подвергалось прежде всего то, что в наибольшей мере служило всему народному хозяйству, способствовало воспроизводству всего общественного капитала, а потому так или иначе воздействовало на механизм функционирования экономики в целом.

Капиталистическое хозяйствование в период свободной конкуренции целиком основывалось на товарных отношениях. Субъектами хозяйствования были отдельные, обособленные товаропроизводители — предприятия капиталистов. Хозяйственная деятельность буржуазного государства практически не влияла на отношения между производителями в национальной экономике. Но свободная конкуренция, стимулируя развитие производительных сил, сама оказалась неспособной в полной мере обеспечить механизм воспроизводства общественного капитала. Развивающиеся производительные силы, стремясь *"к фактическому признанию их характера как общественных производительных сил"*¹⁷, перешагнули через грань соответствия производственным отношениям, опирающимся на промышленный капитал и его обособившиеся формы. В результате возникло противоречие между продолжающимся обобществлением производства и товарной формой связи между производителями. Реакцией общественного капитала на это противоречие была попытка придать государству экономические функции, восполняющие обнаружившиеся перебои в товарном механизме общественного воспроизводства. Тем самым государство постепенно вовлекалось в отношения базисного характера против воли и желания отдельных капиталистов, но в интересах сохранения капиталистического строя еще на какой-то исторический период времени. С наибольшей очевидностью это проявилось на монополистической стадии капитализма.

Поскольку так или иначе все изменения при переходе от капитализма свободной конкуренции к империализму связаны со становлением и развитием монополии, постольку и коренной поворот в экономической роли буржуазного государства произошел вследствие установления монополистического господства, затронувшего самые глубокие основания функционирования капиталистической экономики. Возникновение и рост таких монополистических предприятий, подчеркнул В. И. Ленин, *"делает невозможной прежнюю свободную конкуренцию, вырывает почву из-под ног у нее"*¹⁸. Вытесняя отношения конкуренции из общественного производства, монополия вносит значительный дестабилизирующий элемент в механизм воспроизводства общественного капитала. Эта дестабилизация вызывается тем, что конкурирующими силами становятся капиталы гигантских объединений. Крах даже одного такого объединения может иметь трудно-

предсказуемые последствия не только для тех производителей, которые входят в него, но и для национальной экономики в целом вследствие глубокой развитости общественного разделения труда и тесной взаимозависимости крупнейших капиталов. Поэтому интересы монополистического капитала требовали известной стабилизирующей силы в общественном производстве, размеры и экономическая мощь которой могли бы служить всем монополистам.

Таким образом, именно противоречия капиталистического хозяйствования, усилившиеся с развитием монополий, послужили отправным пунктом формирования новых хозяйственных функций государства, опирающегося в своей деятельности на государственную монополию. Наряду с чисто надстроечными функциями по политическому, правовому и другому обеспечению господства правящего класса у государства стала развиваться экономическая функция, реализуемая через отношения государственной монополии.

И частная, и государственная монополии построены на эксплуатации наемного труда, на высокообобщественном производстве. Если частная монополия нацелена на максимизацию своей прибыли путем подавления конкуренции и постоянного расширения влияния на различные отрасли и сферы экономики, то государственная монополия служит созданию благоприятных условий для частного бизнеса, даже ценой низкой прибыльности или убыточности принадлежащих государству предприятий. Удовлетворение интересов монополистической буржуазии осуществляется за счет других слоев общества и эксплуатации трудящихся. Государство в руках буржуа стало политическим и экономическим орудием подавления растущего сопротивления рабочего класса.

Ф. Энгельс, являясь свидетелем повышения экономической роли буржуазного государства, дал в 1878 г. этому явлению развернутую характеристику. Он писал: "...современное государство опять-таки есть лишь организация, которую создает себе буржуазное общество для охраны общих внешних условий капиталистического способа производства от посягательств как рабочих, так и отдельных капиталистов. Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать"¹⁹. Каждое государство заботится об условиях функционирования прежде всего своих, национальных монополистических объединений. Это проявилось уже в годы первой мировой войны, которая послужила в известном смысле катализатором развития общественных процессов, выдвинувших государство на передовые позиции в экономике. "За время войны

мировой капитализм,— отметил В. И. Ленин,— сделал шаг вперед не только к концентрации вообще, но и к переходу от монополий вообще к *государственному капитализму* в еще более широких размерах, чем прежде”²⁰.

Под ”государственным капитализмом” здесь понимается не какой-то новый уклад в системе монополистического капитализма, а последовательное развитие процесса обобществления и монополизации, вызываемое движением производительных сил и противоречиями капиталистического воспроизводства. Иначе говоря, государственный капитализм — это та ступень в развитии монополистического капитализма, когда отношения монополии становятся свойственными экономической деятельности буржуазного государства. Это отчетливо видно в ленинской характеристике развития монополии и обобществления: ”От монополии вообще перешли к государственной монополии. Объективное положение дел показало, что война ускорила развитие капитализма, и оно шло вперед от капитализма к империализму, от монополии к огосударствлению”²¹.

Одинаковая социальная природа частной и государственной капиталистических монополий служит той общей базой, на которой происходит в известные периоды объединение их сил для решения общих проблем, нередко возникающих перед национальным монополистическим капиталом. Именно монополия ”внесла начала огосударствления капиталистического производства, соединения гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм, ставящий десятки миллионов людей в одну организацию государственного капитализма”²². Попытаемся схематически выразить становление экономической роли буржуазного государства. В самом общем виде это можно сделать следующим образом:

1) ...конкуренция ↔ частная монополия ↔ государственная монополия...

В этой последовательности выделены те группы отношений, которые появляются на высшей стадии развития капитализма и которые в своей совокупности характеризуют механизм функционирования государственно-монополистической экономики в целом. Конкуренция, являясь исходным пунктом, продолжает играть немалую роль и при расцвете государственной монополии. Поэтому между элементами последовательности указана прямая и обратная связь.

Следует сделать одно замечание по поводу развития производственных отношений капитализма. Товарная природа капиталистического способа производства, конкуренция, сохранение экономической обособленности производителей даже при их гигантских размерах, неразрешимость противоречия между трудом и капиталом, а также ряд других обстоятельств приводят к тому, что возникающие новые элементы отношений в системе капитализма не поглощают и не уничто-

жают ранее появившиеся отношения, а сосуществуют вместе с ними, тем самым усложняя всю систему производственных отношений, расширяя и углубляя ее противоречия. В равной степени данное замечание относится к формам производства и капитала. Вот почему в условиях современного капитализма даже в развитых капиталистических странах патриархальное, ремесленное производство уживается с полностью автоматизированными предприятиями, принадлежащими монополиям, а повсеместное господство финансового капитала не исключает существования допотопных форм капитала. И хотя новые отношения накладывают порой отпечаток на всю систему отношений, это не означает их перерождения в монополистические. Вместе с тем роль новых отношений может оказаться более значительной в дальнейшей ориентации развития сложившейся системы отношений капитализма. Капитал, таким образом, реагирует на требования развивающихся производительных сил и социальные катаклизмы в буржуазном обществе. Если обратиться к процессу становления экономической роли буржуазного государства с позиции развития обобществления производства, то можно получить такую последовательность:

2) ...немонополизированные предприятия ↔ монополистические объединения ↔ государственные предприятия...

Принадлежащие государству предприятия часто по своим размерам не уступают, а то и превышают производственные звенья монополий. Но главное здесь не уровень концентрации производства на предприятиях монополий и государственных предприятиях, а их роль в общественном производстве, место в структуре хозяйства. Как раз это и предопределяет важность государственного сектора экономики в воспроизводственном процессе. Исторически нередко рост монополизации экономики сопровождается увеличением государственного предпринимательства, как это происходило в странах Западной Европы после второй мировой войны. Государственная монополия, разумеется, не сводится к государственному предпринимательству, так как участие государства в хозяйственной жизни не ограничивается только организацией работы своих предприятий, но и предполагает регулирование экономических процессов с помощью других рычагов. Поэтому государственную монополию важно рассматривать как тип отношений и как форму производства.

Развитие монополистических объединений не замыкается национальными рамками, а простирается на все мировое капиталистическое хозяйство. Интернационализация производства становится материальной базой международных монополий. При этом независимо от пути возникновения международные монополии втягивают в сферу своей деятельности все государства, где им удастся закрепиться. Экспансия монополистического капитала нередко получала поддержку государ-

ства. Поддерживая международные монополии, империалистическое государство тем самым стремится повлиять на конкурентные отношения уже в мировом капиталистическом хозяйстве. С учетом развития международных монополий и формирования мирового капиталистического хозяйства процесс становления государственной монополии становится более сложным. Теперь его можно представить следующим образом:

3) ... конкуренция ↔ монополия ↔ конкуренция в мировом хозяйстве ↔ международная монополия ↔ государственная монополия...

В этой последовательности ясно видно, что становление государственной монополии — следствие значительного влияния отношений в мировом капиталистическом хозяйстве на отношения между отдельными производителями и на национальную экономику в целом. Так как международный характер монополий нередко зависит от уровня развития государственной монополии данной страны, то с точки зрения становления формы производства международную монополию можно рассматривать как результат взаимодействия национальных частной и государственной монополий. Поэтому в представленной последовательности (3) указана двусторонняя взаимосвязь между всеми элементами. Имеется также в виду, что порядок последних элементов может быть изменен в зависимости от конкретных условий той или иной страны.

В современных условиях объективный процесс интернационализации хозяйственной жизни развивается при активном участии буржуазного государства. При этом оно выступает выразителем интересов прежде всего национального монополистического капитала, рвущегося на международный простор. Поддерживая "свои" монополии, государство тем самым стремится повысить роль национального капитала в мировом развитии, обеспечивая "своим" монополистам наиболее выгодные условия приложения капитала. Здесь немалое значение приобретает усиливающаяся неравномерность экономического развития различных регионов мирового капитализма. В результате под воздействием отмеченных обстоятельств происходит объединение отдельных буржуазных государств в капиталистическую интеграцию. И хотя при этом не отменяются национальные государственные институты, рамки функционирования монополий значительно раздвигаются. С одной стороны, экспансия капитала получает международную государственную поддержку, с другой — расширяется экономическая функция государства как элемента капиталистической интеграции, поскольку в хозяйственной деятельности государства непосредственно отражаются противоречия и требования национальной экономики и капиталистической интеграции в целом. Другими словами, капиталистическая интеграция способствует усилению государственной

монополии. В. И. Ленин дал развернутую научную оценку процессу образования и развития международных монополий, охарактеризовал роль вывоза капитала в распространении капиталистических производственных отношений и формировании мирового капиталистического хозяйства. Известна также ленинская постановка вопроса об интернационализации, когда "капитал стал интернациональным и монополистическим"²³.

В конце XX в. на путь капиталистической интеграции в различных ее формах ступило немало государств Западной Европы, Латинской Америки, Азии и Африки. Подобно неодинаковому развитию отдельных стран, уровень и цели капиталистической интеграции в этих регионах различны. Однако теперь уже трудно дать всестороннюю характеристику экономической роли большинства буржуазных государств без учета фактора капиталистической интеграции, развитие которой относится к числу важнейших закономерностей современного капитализма*. Вот почему прямая и обратная связь между государственной монополией и капиталистической интеграцией не только является важной чертой капиталистического хозяйствования, но и играет существенную роль в экономических функциях буржуазного государства. Принимая во внимание это обстоятельство, схематически развитие государственной монополии можно изобразить такой последовательностью:

4) ...конкуренция ↔ монополия ↔ конкуренция в мировом хозяйстве ↔ международная монополия ↔ государственная монополия ↔ капиталистическая интеграция...

Вопрос о капиталистической интеграции мы затронули лишь потому, что ее развитие прямо связано с упрочением роли буржуазного государства в хозяйственной жизни капиталистических стран. Монополистические начала проникают в сферу международных экономических отношений, в мировое капиталистическое хозяйство не только по линии международных монополий, но и через экономическую реализацию государственной монополии. Речь идет не просто о протекционистских мерах защиты национальных производителей, а об активном вмешательстве государства в осуществление экономической стратегии в мирохозяйственных отношениях.

* Новые тенденции в развитии современного капитализма нашли отражение в советской литературе. "В 70-е годы новая ступень концентрации достигла своей зрелости. Наряду с транснациональными промышленными монополиями широкое распространение получили транснациональные банки, образовались транснациональный финансовый капитал и транснациональная финансовая олигархия. На основе их сращивания с государством и межгосударственными объединениями стал складываться транснациональный государственно-монополистический капитализм, появились транснациональные военно-промышленные комплексы, сплотились международные союзы наиболее реакционных политических кругов" (Загладин В., Меньшиков С., Фролов И. Карл Маркс и всемирно-исторический процесс освобождения человека. — Коммунист, 1983, № 6, с. 36 — 37).

О том, насколько сильно влияет мировое капиталистическое хозяйство на позиции буржуазного государства в экономике, красноречиво свидетельствует, в частности, развитие капитализма после второй мировой войны. Если роль США и их монополий значительно возросла, они стали безусловными лидерами практически во всех сферах мировой экономики, то страны Западной Европы и Япония лишь начинали поднимать свою экономику. Естественно, в таких условиях японские и западноевропейские компании могли выйти на мировой рынок и конкурировать с монополиями США только при поддержке "своего" государства. Важным фактором было и то, что (особенно для ФРГ и Японии) надо было заново утвердиться на мировом рынке, искать источники сырья и энергии. Империализмы Западной Европы и Японии стали изыскивать возможности для экономического передела капиталистического мира, для подъема конкурентоспособности своей продукции. Японское государство с самого начала оказывало поддержку своим фирмам различными путями, ориентируя их на лучшие мировые стандарты и запросы мирового рынка. Западноевропейский крупный бизнес также опирался на помощь государства во внешнеэкономической экспансии. Тем самым внешнеэкономический фактор оказал немаловажное значение на усиление и расширение экономических функций буржуазного государства.

В книге "Размышления об американском бизнесе. Падение и подъем американской экономики" американские специалисты И. Магазинер и Р. Рейч предприняли попытку провести сравнительный анализ роли буржуазного государства в экономике стран Западной Европы, Японии и США. В результате они пришли к выводу, что настало время правительству США построить свою экономическую политику с учетом опыта, накопленного другими государствами. Отмечая тесные связи между государством и монополиями в Японии, авторы определили японскую экономику как "ориентируемую планом рыночную экономику"²⁴. В книге явно выражена поддержка повышению экономической роли буржуазного государства в США. "Принцип невмешательства в экономику как наивен, так и опасен для народного хозяйства, имеющего медленный рост и находящегося в тесно взаимосвязанной мировой экономике, которой свойственны резкие и частые глубокие изменения в предложении, спросе, технологии и политике,— отмечается в монографии.— Активная правительственная политика необходима, чтобы приспособить экономику быстро и эффективно воспринимать структурные изменения в мировом масштабе"²⁵. Вместе с тем бывший председатель совета директоров концерна "Дюпон" И. Шапиро не питает никаких иллюзий о роли государства в современной американской экономике, заявляя: "Бизнес и труд навсегда должны признать, что окончательное решение будет за правительством, но

оно не может стать хорошим решением, если имеет разноречивые предпосылки”²⁶.

Иначе говоря, в капиталистическом хозяйствовании в современных условиях никак не обойтись без государства, но монополисты хотели бы, чтобы эффективность экономической роли государства достигалась за счет ”сотрудничества” бизнеса и труда, или за счет трудящихся. Все это еще раз доказывает, что все изменения в капиталистическом хозяйствовании, в том числе и возрастание роли буржуазного государства в экономике, в конечном счете ведут к усилению эксплуатации рабочего класса, усилению подчинения труда монополистическому капиталу.

Как видно, исторические условия развития экономических функций буржуазного государства оказались в разных регионах капиталистического мира неодинаковыми. Но общим для всех стран является то, что монополистический капитал возлагает на буржуазное государство миссию определенного смягчения, или даже разрешения, усилившихся противоречий капиталистического хозяйствования. Среди буржуазных экономистов есть немало таких, которые призывают к ограничению, или даже прекращению, вмешательства государства в экономику. Их рецепты взяли на вооружение правительства США, Великобритании, ФРГ и ряда других стран. Однако анализ капиталистической действительности ясно показывает, что пути к пассивной экономической роли государства отрезаны.

Государственная монополия — прямое следствие роста обобществления производства при империализме. Подобно частной монополии, она использует ”монополистическую планомерность” для экономической реализации своего положения в интересах национального капитала. Сам по себе товарный механизм отрицает любое вмешательство в свое функционирование. Но в условиях высокообобществленного производства, тесно связанного с мировым капиталистическим хозяйством, товарный механизм перестает отвечать требованиям воспроизводства как частного монополистического, так и общественного капитала. Вот почему современному капиталистическому хозяйствованию свойственно противоречие между ”монополистической планомерностью” и товарными отношениями. При этом степень вовлеченности государства в экономические процессы в конечном счете определяется теми реальными действиями, теми отношениями, через которые и благодаря которым оно участвует в общественном воспроизводстве.

Как уже отмечалось, экономический комплекс любого монополистического объединения простирается далеко за его формально-юридические рамки, охватывая значительную массу поставщиков и потребителей. Нечто подобное имеет место и применительно к буржуазному государству, экономическая

деятельность которого распространяется далеко за пределы государственных предприятий и так или иначе воздействует на всю экономику. Именно поэтому можно сказать, что роль государства в экономике прямо пропорциональна глубине противоречий воспроизводства общественного капитала, противоречий механизма функционирования капиталистической экономики. Вместе с тем воздействие на все хозяйство не означает превращения государства в общенациональный субъект хозяйствования, так как это невозможно при господстве капиталистических производственных отношений, основанных на частной собственности на средства производства.

Таким образом, капиталистическое хозяйство и механизм функционирования высокоразвитой государственно-монополистической экономики представляют собой сложную взаимосвязь противоречий. Безусловно, исходным противоречием в системе противоречий современного капиталистического хозяйствования выступает противоречие между конкуренцией и монополией. Данное противоречие развивается и различным образом проявляется через противоречия между конкуренцией в мировом капиталистическом хозяйстве и международными монополиями, между растущим обобществлением и анархией общественного производства, между частной и государственной монополиями, между товарными отношениями и "монополистической планомерностью", между буржуазным государством и капиталистической интеграцией, между национальной экономикой и мировым капиталистическим хозяйством.

Указанные противоречия характеризуют капиталистическое хозяйство на монополистической стадии развития. Сохраняя коренные черты капиталистического хозяйствования (товарные отношения, конкуренцию, рынок, стихийное общественное воспроизводство и др.), господство монополий вносит существенные особенности в хозяйственный организм капитализма. Развивается "монополистическая планомерность", подрывается повсеместное распространение товарных отношений и их значение в воспроизводственном процессе, активным элементом хозяйственного организма становится буржуазное государство, которое приобретает все больше черт субъекта хозяйствования в пределах не только национальной, но и мировой капиталистической экономики²⁷. Тем самым еще больше обостряются капиталистические противоречия, ибо растущий общественный характер производства по-прежнему подчиняется узкокорыстным интересам буржуазии. В результате "весь механизм капиталистического способа производства,— подчеркивал Ф. Энгельс,— отказывается служить под тяжестью им же самим созданных производительных сил"²⁸.

Разумеется, отмеченные противоречия капиталистического хозяйствования не в состоянии выразить все многообразие

зависимостей и тем более особенности перехода одних противоречий в другие. В реальной действительности одни и те же явления (например, отношения монополии) могут находиться одновременно в противоречивом единстве с целым рядом других явлений. Поэтому взаимосвязь противоречий может изменяться в зависимости от специфических особенностей той или иной страны. При исследовании общественных отношений важно иметь в виду, что хозяйственный организм постоянно находится в движении, подчиненном экономическим законам развития общества вообще и капитализма в частности. Главное, что мы здесь стремились показать, — это объективное возрастание экономической роли буржуазного государства вследствие роста противоречивости капиталистического хозяйствования.

Таким образом, более чем вековой период существования монополистического капитализма дает достаточно материала для теоретического обобщения и анализа становления и развития буржуазного государства. Переход от монополии частной к монополии государственной, тесное переплетение монополистического капитала с государством ознаменовали собой возникновение последней ступени в развитии капитализма — государственно-монополистического капитализма. Тем самым при монополистическом капитализме постоянно созревали предпосылки для вовлечения государства в решение проблем воспроизводства общественного капитала. Поэтому можно сказать, что современное буржуазное государство как субъект хозяйствования есть продукт империализма. Хотя государство как политический институт, как определяющий элемент надстройки функционирует с момента появления классового общества, только при империализме оно вынуждено непосредственно заняться решением сутубо экономических задач, чтобы продлить существование капиталистического способа производства. Сам по себе капитал без давления производительных сил и растущих социальных противоречий никогда бы не "вручил" государству те экономические функции, которыми оно располагает.

2. Большой бизнес и государство: брак по расчету

В экономической системе монополистического капитализма отношения между большим бизнесом и государством носят особый характер. Данная особенность заключается в том, что современное буржуазное государство является порождением монополистического капитализма. Государственная монополия не просто выступает продолжением развития частной монополии, а представляет собой известный результат углубления противоречий монополистического хозяйствования и вместе с тем временный способ их разрешения. Поэтому

она отличается от частной не только более высоким уровнем обобществления, но и, самое главное, своей ролью в воспроизводстве общественного капитала и буржуазного общества. Хотя, как отмечал В.И. Ленин, "частные и государственные монополии переплетаются воедино в эпоху финансового капитала"²⁹, "переплетение" происходит уже на ступени государственно-монополистического капитализма. Тем самым явно обнаруживается ведущая экономическая роль государства в хозяйственной жизни "новейшего высокоразвитого, зрелого и перезрелого капитализма"³⁰. В чем же состоит эта роль?

Прежде всего следует обратить внимание на то обстоятельство, что признаки монополистического капитализма развиваются из исходного и главного — концентрации и монополизации производства. Каждый из них представляет собой структурный элемент производственных отношений империализма. Становление и развитие государственной монополии происходит под воздействием всей совокупности производственных отношений, всего механизма функционирования капиталистической экономики на монополистической стадии. Вот почему государственная монополия конституирует возникновение новой ступени — государственно-монополистической — в развитии монополистического капитализма. Именно противоречия монополистического хозяйствования, так или иначе затрагивающие все стороны империализма, послужили толчком к рождению государственной монополии, к наделянию государства важными экономическими функциями. В основе государственной монополии лежит процесс растущего обобществления производства и интернационализации хозяйственной жизни.

Выдвинутая всей системой производственных отношений монополистического капитализма на центральное место в хозяйственном организме, государственная монополия в свою очередь получила возможность в определенной степени воздействовать на всех агентов капиталистического производства. Более того, монополистическое господство объективно нуждалось в экономическом центре, способном восполнить появившиеся "пробелы" в товарном механизме общественного воспроизводства в интересах прежде всего монополистического капитала. Приобретая атрибуты экономического центра, государственная монополия становится своеобразным типом отношений, затрагивающих как функционирование экономики в целом, так и хозяйственную деятельность большинства производителей.

Однако сам характер капиталистического способа производства делает невозможным и на государственно-монополистической ступени превращение государства в общехозяйственный центр, т. е. регулятор, организатор всего общественного производства. Какой бы экономической мощью ни обладало буржуазное государство, оно не может отменить

внутренне присущие капитализму законы развития, противопоставляющие индивидуальные капиталы друг другу и отрицающие как наличие общей цели для всех производителей, для всего общества, так и общую, единую персонификацию общественного капитала. Тем самым капитал, изыскивающий при ГМК возможность воспроизводиться с максимальной прибыльностью путем наделения государства функцией экономического центра, в то же время ограничивает эту функцию отношениями, свойственными государственной монополии. Другими словами, если использовать некоторую образность, то буржуазное государство можно представить в центре круга, по окружности которого расположены частные монополии. Государство, с одной стороны, служит всем монополиям, а с другой стороны, как бы равноудалено от всех монополистов, при этом оно стремится поддерживать всю совокупность отношений, свойственных данному кругу. Разные производители могут быть ближе или дальше от центра круга, находясь между собой в различных экономических отношениях, но воспроизводство всей системы связей уже не может обойтись без активной роли центра. Подобно тому как центр круга является его центром тяжести, буржуазное государство выступает как бы центром равновесия экономической системы современного капитализма. Поскольку равновесие остается лишь недостижимой мечтой, а нестабильность и неустойчивость, усиливаемые неравномерностью развития, стали постоянными спутниками мира капитала, постольку становится очевидным ограниченность и противоречивость деятельности государства как экономического центра. "Такое государство,— подчеркивал В. И. Ленин,— ни на минуту, ни при одном своем шаге не упускает из виду *реакционной* цели: укрепить капитализм, не дать подорвать его..."³¹

Для понимания роли буржуазного государства как экономического центра важное значение имеет ленинская характеристика формирования хозяйства капиталистических стран под воздействием развивающихся монополий. "Мы видим,— писал В. И. Ленин,— как быстро вырастает густая сеть каналов, охватывающих всю страну, централизующих все капиталы и денежные доходы, превращающих тысячи и тысячи раздробленных хозяйств в единое общенациональное капиталистическое, а затем и всемирно-капиталистическое хозяйство". Весь процесс этот "на деле состоит в подчинении единому центру все большего и большего числа бывших ранее сравнительно "самостоятельными" или, вернее, локально (местно)-замкнутыми хозяйственных единиц. На деле, значит, это — *централизация*, усиление роли, значения, мощи монополистических гигантов"³². Сформировавшееся "единое общенациональное капиталистическое" хозяйство неизбежно поставило на повестку дня вопрос об активизации экономической роли государства.

Не преувеличивая роль, которую играет буржуазное государство в экономике, все же нельзя не признать, что в последние десятилетия во многих капиталистических странах эта роль неуклонно возрастала, усиливалась ее связь с государственной политикой и отношениями надстроечного порядка в целом. Политические партии в предвыборной борьбе стремятся доказать "эффективность" своих экономических программ, различными способами убеждая избирателей дать им мандат на управление страной. Буржуазная экономическая наука пытается выработать теоретическое обоснование направлений и содержания хозяйственной деятельности государства. Монополии, которые уже не могут обойтись без защиты и поддержки государства, в то же время с явной охотой перекладывают ответственность за лишения и тяготы трудящихся на экономическую политику правительства.

В результате фетишизм капиталистических отношений достигает нового уровня: пороки экономической системы предстают в общественном сознании как недостатки и упущения в деятельности того или иного правительства. И хотя смена правительств не приводит и не может привести хотя бы к ослаблению антагонистических противоречий, иллюзия о "всемогуществе" государства в буржуазном обществе не исчезает. Реальные же возможности в деятельности государства как экономического центра может вскрыть лишь действительно научный, марксистско-ленинский анализ государственно-монополистического капитализма.

Путь такого анализа ясно показан В. И. Лениным. Выступая с лекцией "О государстве", он подчеркивал: "...самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь"³³. Частично об экономической функции буржуазного государства уже говорилось. Рассмотрим исторические аспекты и современные данные по этой проблеме. Поскольку буржуазное государство в качестве экономического центра выступает продуктом империализма, постольку на империалистском этапе его развития логическое не противоречит историческому, а лишь является его научным отражением. Некоторая специфика в историческом развитии национальных империализмов не отменяет общих закономерностей формирования экономической роли государства.

Экономическая деятельность буржуазного государства стала предметом исследования многих советских авторов³⁴. Углубившиеся экономические противоречия в капиталистическом хозяйстве, а также последовавшие в последнее десятилетие один за другим экономические циклические кризисы

вынудили буржуазных ученых вновь обратиться к изучению роли государства в экономике³⁵. Начали выходить периодические издания, где анализируются регулирующие экономические меры государства*. Соответствующие данные публикуют правительственные органы, занятые регулированием экономики капиталистических стран. С одной стороны, это свидетельствует о накоплении богатого фактического и теоретического материала, а с другой — позволяет остановиться лишь на тех сторонах буржуазного государства как экономического центра, которые в наибольшей степени воздействуют на механизм функционирования экономики, на характер отношений между различного рода производителями в национальном и мировом капиталистическом хозяйстве. Однако при изучении явлений общественного развития только рассмотрение и политико-экономическая оценка всех взаимосвязей и проявлений данной категории в системе отношений могут дать цельное представление о ее собственном содержании и роли в происходящих изменениях. Выпячивание какой-то одной, даже самой важной, стороны неизбежно приводит к переоценке одних и недооценке других тенденций в развитии исследуемого предмета и системы производственных отношений в целом. Необходим системный подход к изучению экономической роли буржуазного государства.

В последние годы в американской и западноевропейской литературе появилось немало работ, авторы которых пытаются обосновать необходимость "раскрепощения" рыночных сил, восстановления в полной мере конкурентных отношений как в экономической, так и в социальной сфере. Дело представляется таким образом, что будто бы причиной переживаемых миром капитала потрясений, конфликтов и противоречий выступают не внутренние пороки капиталистической системы, а только чрезмерная активность государства в хозяйственной жизни. Обобщая подобные взгляды, американский экономист, профессор Массачусетского технологического института Л. Тэроу не без иронии заметил, что, "если экономика не работает, значит, что-то неладно с ролью правительства в экономике... Если экономика функционирует плохо, именно правительство, как величайший разрушитель свободной рыночной системы, оказывается виновным"³⁶.

Известно, что так называемые "рейганомика" в США и "тэтчеризм" в Великобритании взяли на вооружение принципы "экономики предложения", стремясь путем уменьшения регулирующей роли государства добиться улучшения положения

*С 1977 г. Американский институт предпринимательства выпускает специальный журнал "Regulation", на страницах которого выступают известные буржуазные экономисты с оценкой экономической деятельности государства. Рубрики по регулированию экономики появились во всех крупнейших западных периодических изданиях.

в национальном хозяйстве или по крайней мере предотвратить его дальнейшее ухудшение. В этой связи возникает вопрос: действительно ли экономическая роль буржуазного государства решающим образом зависит от того, какая политическая партия находится у власти и какие теоретические концепции кладутся в основу экономической политики ее правительства? Или же здесь важнейшее значение имеет объективный процесс развития производительных сил и производственных отношений капитализма, предопределяющий в конечном счете важное место государства в системе экономических отношений?

Обратимся к фактам. Важное значение для утверждения экономической роли государства имеет огосударствление производительных сил и развитие государственного предпринимательства. Если в странах Западной Европы этот процесс получил значительное развитие, то в США и Японии не придается столь большого внимания расширению государственной собственности и государственного предпринимательства.

В США федеральному правительству принадлежит 311,8 млн. га земли (33,9% всей земли в стране) и 411 тыс. зданий общей стоимостью 113 млрд. долл. Государство располагает 40% запасов каменного угля, 70% — нефтяных сланцев и 60% — нефти, 60% — природного газа, 85% — смолистых песков. Вместе с тем в обрабатывающей промышленности государству принадлежит немного предприятий, абсолютное большинство которых подчинено министерству обороны. Так, по промышленной переписи 1977 г., 88 государственных предприятий выпускало продукцию военного назначения и проводило исследования в этой области. На этих предприятиях было занято свыше 234 тыс. человек, которые произвели продукции и услуг на 8,3 млрд. долл. Однако при относительно слабом развитии государственного предпринимательства расходы федерального и штатных правительств постоянно возрастают. Начиная с 1970 г. более $\frac{1}{3}$ валового национального продукта (ВНП) страны используется под непосредственным контролем государства. И хотя в 80-х годах наметился спад в темпах роста государственных расходов, абсолютные их размеры продолжают возрастать. Если в 1980 г. расходы федерального правительства выросли на 18,1%, то в 1981 г. — на 14,4, в 1982 г. — на 10,9, а в 1983 г. — на 10,8%. Причем доля этих расходов в ВНП страны оказалась в 1983 г. выше, чем она была в среднем в 1978 — 1980 гг., и составила 24,9%³⁷.

Особое значение среди методов воздействия государства на механизм хозяйствования и экономику в целом имеют государственные закупки товаров и услуг, среди которых львиная доля приходится на милитаристские цели. Так, в 1980 г. только в обрабатывающей промышленности над выполнением заказов военного ведомства трудилось свыше 6 млн. человек. В 1983/84 финансовом году доля военных закупок подскочила до 6,7% ВНП страны. Если государственный бюджет США

в 1982/83 финансовом году вырос на 10,5%, то бюджет Пентагона увеличился на 14,5% и составил свыше 214 млрд. долл. Такое соотношение продолжает тенденцию, имевшую место в динамике расходов американского государства и прежде. В 1983 г. общегосударственные расходы на закупки товаров и услуг выросли на 6,3% по сравнению с 1982 г., но закупки продукции военного назначения увеличились на 11,6%. При этом весь прирост закупок федерального правительства пошел на товары для министерства обороны³⁸. Милитаризация экономики продолжает развиваться, какая бы администрация ни занимала кресла в Белом доме.

Известная специфика имеется в экономической деятельности японского государства. В последние годы доля государственной собственности в воспроизводимых активах национального богатства удерживается примерно на уровне 20,4%. Рост государственных расходов опережает рост совокупного общественного продукта страны. Так, доля государственных расходов в ВВП в 1960 г. равнялась 18,2%, в 1970 г. — 19,3, а в 1974 г. — 23,8%. При этом если ВВП в 1974 г. вырос по сравнению с 1970 г. на 87,3%, то государственные расходы увеличились более чем в 2,3 раза. Характерно, что значительная часть государственных расходов идет на капитальные вложения в национальную экономику. Сохраняется тенденция, когда более половины расходов государства направляется в качестве валовых государственных инвестиций в основной капитал. Причем доля государства в валовых внутренних капиталовложениях страны имеет устойчивую тенденцию к росту. В 1975 г. доля государственных инвестиций составила 30,1%, в 1977 г. — 31,3, а в 1979 г. — 31,7%³⁹. Для сравнения следует заметить, что в США доля государственных инвестиций в национальных валовых капиталовложениях равняется примерно 25%. Как и в других развитых капиталистических странах, государственные предприятия в Японии сосредоточены в большинстве в отраслях, обеспечивающих развитие национальной экономики (транспорт, связь, электро-, газо- и водоснабжение, строительство). Однако реальное участие японского государства в регулировании экономических связей базируется не столько на размерах государственной собственности и чистого государственного предпринимательства, сколько на всей системе отношений, существующих между государством, его экономическими органами и структурными элементами всего хозяйства, где немалое место принадлежит так называемым общественным корпорациям и компаниям⁴⁰.

В Англии приход к власти лейбористов или консерваторов всякий раз приводит к корректированию экономической политики правительства и изменению методов ее осуществления. Но политические вихри не смогли ослабить традиционно прочные позиции государства в экономике. Государственные предприятия определяют лицо таких отраслей, как электро-

энергетика, связь, железные дороги, черная металлургия, газ, уголь и др. Шесть государственных корпораций в указанных отраслях экономики, имея в 1978 г. активы около 21,7 млрд. ф. ст., находились на лидирующих местах среди 15 крупнейших монополий страны. Из них каждая располагала активами свыше 1 млрд. ф. ст., а общие активы всех монополий достигли 42,8 млрд. ф. ст. В целом на государственных предприятиях создается свыше 10% ВВП, реализуется более $\frac{1}{6}$ вложений в основной капитал и $\frac{1}{4}$ всех инвестиций в промышленности.

В последние годы доля всех государственных капитальных вложений в экономику страны колебалась в пределах 39 — 46% от общей суммы капитальных затрат. Среди развитых капиталистических стран Англия находится на втором месте после США по доле государственных средств, направляемых на финансирование НИОКР в частном секторе промышленности; $\frac{2}{5}$ государственного исследовательского бюджета выделяется на научные исследования и разработки, проводимые частными предприятиями, что составляет около $\frac{1}{3}$ стоимости НИОКР данного сектора. И в сфере научных исследований отражается милитаризация английской экономики. До половины государственных ассигнований на НИОКР в промышленности так или иначе преследуют военные цели⁴¹. Таким образом, важные составные части национальной экономики развиваются при прямом или косвенном участии государства как субъекта хозяйствования, как своеобразного экономического центра.

Устойчивые позиции в национальной экономике занимает государство во Франции. Проведенная в 1982 г. новая национализация по своим масштабам сравнима с национализациями 1936 и 1945 гг. Доля государственных предприятий в промышленном производстве достигла 32%, около 3,5 тыс. компаний находится под прямым или косвенным контролем государства. Вместе с тем продолжают расти расходы государства на военные цели, которые поглощают почти 4% ВВП страны⁴². Вся транспортная сеть, 75% депозитных и кредитных операций в банковской сфере, промышленность вооружений, угольная, электроэнергетическая, газовая, частично авиационная, автомобильная и химическая промышленность — вот неполный перечень хозяйственной деятельности французского государства.

В условиях бурного развития научно-технической революции важное значение имеет то, какую роль играет буржуазное государство в сфере научных исследований. Практически во всех развитых капиталистических странах государство не только берет на себя финансовые и материальные затраты по обеспечению основной части исследований, но и вкладывает средства как раз в те НИОКР, которые в значительной мере несут фундаментальный характер и могут повлиять на разви-

тие производительных сил в долгосрочной перспективе. Для частного бизнеса такие расходы и исследования оказываются рискованным делом со слабо выраженным коммерческим успехом. Да и стоимость исследований по ведущим направлениям развития науки и техники быстро растет, и даже гигантские объединения не располагают средствами для обеспечения таких работ. Поскольку сфера НИОКР самым непосредственным образом влияет на конкурентоспособность национальных империализмов в мировом капиталистическом хозяйстве, постольку буржуазное государство оказалось вынужденным включиться в эту сферу экономической деятельности. В США только федеральное правительство обеспечивает свыше 50% затрат на науку и исследования. Фактически примерно 30% ученых и инженеров в стране трудятся по заданию правительства. Если в 1972 – 1975 гг. в Швеции доля государства в инвестициях в постоянный капитал и НИОКР равнялась в среднем 19,5%, то к 1980 г. она составила 79,5%. При этом доля всех государственных расходов в валовом внутреннем продукте страны превысила 60%⁴³. Очевидно, что существующая тенденция к централизации финансирования НИОКР способствует усилению экономической роли буржуазного государства.

Сделав небольшой экскурс в экономическую историю США, можно обнаружить, что активизация буржуазного государства к хозяйственным процессам в экономике – следствие концентрации и монополизации производства. Как считает американский исследователь Дж. Хагис, 1877 – 1887 годы стали водоразделом в экономической истории США: до них была одна эра, после них – другая. Начиная с 1887 г., когда была учреждена комиссия по регулированию перевозок и торговли между штатами, американский бизнес никогда более не оставался свободным от регулирования со стороны федеральных органов⁴⁴. Не случайно поэтому американские экономисты обращают внимание на своеобразный 100-летний юбилей практического участия государства в регулировании хозяйственных отношений.

В специальном исследовании проблемы регулирования правительством американской экономики, проведенном объединенным экономическим комитетом конгресса США, выделяются три периода наибольшей активизации роли государства в экономике страны. Первый период – 1901 – 1921 гг., второй – 1933 – 1938 гг., третий период начался в 1960 г. и продолжается по настоящее время⁴⁵. Характерно, что если первые два периода вызывались экономическими потрясениями в США и во всем капиталистическом мире, то третий период усиления государственного вмешательства в экономику связывается с влиянием мировой системы социализма, и прежде всего с достижениями СССР в освоении космоса. Именно третий период характеризуется резким возрастанием затрат госу-

дарства и расходов частного бизнеса на реализацию регулирующих мер правительства в экономике.

С 1970 по 1980 г. расходы на содержание регулирующих органов и обеспечение их деятельности возросли в 6 раз и достигли почти 6 млрд. долл. За это же время персонал правительственных органов по регулированию экономики вырос с 26 до 90 тыс. человек. Необходимость выполнения регулирующих актов правительства приводила к росту затрат бизнеса на эти цели. Если в 1976 г. американские компании затратили 62,9 млрд. долл., выполняя предписания регулирующих органов, то в 1979 г. эти затраты выросли уже до 97,9 млрд. долл.⁴⁶ Для координации деятельности всех органов правительства, занятых регулированием экономики, в октябре 1978 г. был создан специальный совет по регулированию. Если в 30-х годах объем бюллетеня, в котором публикуются регулирующие акты государства, не превышал 2,4 тыс. страниц, то в последнее время он достиг 60 тыс. страниц. Это также свидетельство роста числа законов по регулированию экономики, принятых конгрессом США, что показано в табл. 10. Активизация экономической деятельности государства послужила одной из причин резкого возрастания числа адвокатских контор в Вашингтоне, представляющих интересы компаний, имеющих штаб-квартиры в других городах США. Если в 1975 г. число таких контор равнялось 673, а в 1979 г. — 1482, то в 1980 г. их уже насчитывалось 1791⁴⁷.

Несмотря на отсутствие в США специального планирующего органа и относительно небольшую долю государственной собственности, экономическая роль государства в развитии американского империализма имеет явную тенденцию к повышению. Отношения государства и бизнеса строятся не на базе свободного рынка. Государственные закупки товаров и услуг, особенно на военные цели, кредитно-финансовое регулирование, целевые инвестиции в основной капитал и развитие научных исследований, субсидирование внешнеторговых операций и т. п. свидетельствуют как раз об утверждении экономической мощи государственной монополии как типа отношений, служащих интересам монополистического капитала. Поэтому если частная монополия в основном сохраняет черты обособленного товаропроизводителя, то буржуазное государство, государственная монополия представляют собой как бы переходные отношения между максимальным обособлением и полным обобществлением.

Широко используя товарные формы, защищая товарную природу капитализма вообще, государство в то же время вынуждено применять нерыночные рычаги как для воздействия на экономическое развитие, так и для собственного воспроизводства. Таким образом, формирование буржуазного государства как экономического центра прямо связано с ограничением развития товарных отношений в тех сферах, где госу-

Таблица 10. Число законов
по экономическому и социальному регулированию,
принятых конгрессом США

Годы	Экономическое регулирование*	Социальное регулирование**	Всего
До 1900	4	6	10
1900 – 1909	1	5	6
1910 – 1919	10	8	18
1920 – 1929	5	10	15
1930 – 1939	23	23	46
1940 – 1949	6	12	18
1950 – 1959	14	13	27
1960 – 1969	18	35	53
1970 – 1979	45	80	125

* Законы о регулировании экономики в целом, отдельных отраслей, финансов, кредита, банков и т. п.

** Законы по обеспечению безопасности и здоровья потребителей, соблюдению техники безопасности на рабочих местах, использованию энергии и охране окружающей среды.

Источник. The Economy of 1981: A Bipartisan Look, p. 290.

дарство выступает как субъект хозяйствования и как главный гарант "общенациональных" интересов. Отношения государственной монополии воздействуют на структуру и пропорции общественного воспроизводства, на взаимосвязь между производством и потреблением, т. е. так или иначе затрагивают положение всех производителей в национальной экономике.

Бизнесмен из Нью-Йорка Ф. Ронатин выразил мнение, широко распространенное среди теоретиков и практиков американского капитализма, когда заявил: "Хотя свободный рынок остается желанным, суть состоит в том, что мы не живем и никогда жить не будем в свободной рыночной экономике. Мы живем в смешанной экономике, в которой цены и капитал являются объектом влияния правительства и будут оставаться таковыми"⁴⁸. Но и в такой ситуации, как полагает руководитель центра по исследованию политики университета им. Дж. Вашингтона А. Этциони, американское государство оказывает недостаточную поддержку своему бизнесу, если сравнивать роль государства в экономике США и Японии. Между тем от экономической активности государства во многом зависят международные позиции американского капитала, поскольку "рынок — что подразумевается или заявляется открыто — показал свою неспособность направлять достаточно инвестиций на новые заводы и оборудование, развивать нововведения и конкурировать"⁴⁹.

В отличие от стран Западной Европы в Японии, как известно, относительно невелика доля государственной собственно-

сти и государственного предпринимательства. Однако это не сказывается на активных позициях японского государства в экономике. Свое участие в хозяйственной жизни государство строит на основе программ, разрабатываемых правительственным управлением экономического планирования. Хотя планы правительства носят индикативный характер, государству с помощью так называемого административного руководства удавалось организовывать их выполнение. По мнению буржуазных экспертов, "административное руководство" "включает в себя использование влияния, совета и убеждения с целью вынудить фирмы или отдельно взятых лиц вести себя таким образом, как это представляется желательным с точки зрения правительства. Разумеется, оказывают давление и дают советы государственные чиновники, во власти которых предоставлять или не предоставлять займы, дары, субсидии, лицензии, налоговые скидки, государственные контракты, разрешения на импорт, иностранную валюту, давать одобрения картельным соглашениям, как, впрочем, в их власти и обеспечение желательных (или нежелательных) результатов в настоящем или в неопределенном будущем"⁵⁰.

Было бы неправильно представлять, что "административное руководство" означает постоянное насилие государства над частными компаниями. Как раз наоборот. Японское государство в концентрированном виде представляет интересы монополистического капитала и всеми путями стремится направлять развитие национальной экономики в этих интересах. "Поддержка и учет государственных планов частным сектором,— справедливо отмечают советские ученые,— определялись не особой "японской моделью" партнерства государства и бизнеса, а подчиненностью задач государственной политики коренным долгосрочным интересам монополистического капитала Японии"⁵¹. Специальный комитет совета министров возглавляет работу 13 министерств по составлению межотраслевых балансов типа "затраты-выпуск", которые широко используются и как статистическая информация, и как основа для воздействия на формирование отраслевых пропорций в национальной экономике. Известный американский экономист В. Леонтьев считает, что пятитомное издание таблиц "затраты-выпуск" дает возможность и японскому правительству, и частному сектору "принимать важнейшие решения, не блуждая в темноте"⁵².

Наибольшим влиянием в экономике Японии пользуется министерство внешней торговли и промышленности (МВТП), которое в последние годы осуществляло контроль за размером производственных инвестиций почти 1700 крупных компаний в 12 основных отраслях экономики. Чтобы показать характер отношений МВТП с частными фирмами, американские специалисты сравнивают их с теми, которые сложились между Пентагоном и его подрядчиками, т. е. в военно-про-

мышленном комплексе США⁵³. Как известно, он характеризуется устойчивыми государственными заказами, контрактными ценами и высокими прибылями монополий-поставщиков⁵⁴. Тесные взаимосвязи японского государства с частными компаниями, особенно в развитии внешнеэкономической экспансии, послужили поводом для широкого распространения в буржуазной литературе представления о государственно-монополистическом капитализме Японии как об "акционерной компании Японии" ("Japan Incorporated").

Пример японского империализма показывает, что экономическая роль государства не находится в прямой зависимости от роста государственной собственности и государственного предпринимательства, а определяется всей совокупностью отношений, характеризующих участие государства в воспроизводстве общественного капитала.

В западноевропейских странах наряду с относительно высокой долей государственной собственности и государственного предпринимательства существуют, как правило, правительственные органы по составлению национальных программ. Хотя во всех капиталистических странах принимаемые на государственном уровне планы носят индикативный характер и опираются на рыночную основу развития экономики, нельзя не видеть, что именно кризис рыночного регулирования экономических процессов вынудил буржуазное государство искать дополнительные ориентиры для производителей. Причем такие ориентиры, закладываемые в планы, учитывают тенденции развития национальной экономики и место национального капитала в мировом капиталистическом хозяйстве с его специфическими условиями воспроизводства. Как государство само по себе, так и государственный сектор экономики, государственные закупки товаров и услуг призваны служить прежде всего интересам национальной монополистической буржуазии. Если в начале XX в. лишь предприятия, выполнявшие военные поставки, работали, по словам В.И. Ленина, "не на "вольный рынок", а на казну", то в наше время отсутствие реальных (с политико-экономической точки зрения) рыночных условий* характеризует деятельность государственных предприятий и немалой части частного бизнеса. Практически все экономические отношения между государством и бизнесом строятся не как отношения товаропроизводителей, объединенных рынком, а как отношения государственной

* Характеризуя рынок в условиях ГМК, Л.И. Абалкин отмечает: "Он во многом утрачивает черты "свободного", "неизвестного" рынка и становится в определенной степени управляемым, поскольку значительная часть спроса формируется на основе государственных заказов и программ. Соответствующим образом меняются и важнейшие рыночные регуляторы экономики: спрос, предложение, цены и т.д." (Политическая экономия — теоретическая основа революционной борьбы рабочего класса. М., 1983, с. 338).

и частной монополий, связанных общим главным интересом — обеспечением воспроизводства монополистического капитала и сохранением буржуазного общества.

Эта общность интересов нередко реализуется переплетением между государственным и частномонополистическим аппаратом управления. Поддержание в Японии "административного руководства" объясняется широко распространенной практикой перехода государственных чиновников после выхода на пенсию на службу в монополистические объединения. Это обстоятельство во многом предопределяет "взаимопонимание" между государством и монополиями в Японии. В США из обследованных 611 крупнейших корпораций 61% имели в составе своих советов директоров бывших высокопоставленных государственных служащих, ныне используемых в лоббистских целях при решении вопросов, возникающих в отношениях между монополиями и государством. Подавляющее большинство членов буржуазных правительств — в прошлом либо крупные бизнесмены, либо другие высшие слои монополистической буржуазии. "Прямой переход с государственной службы на службу монополиям и обратно, — делает вывод академик Б. Н. Пономарев, — стал практиковаться значительно чаще"⁵⁵. Если на заре монополистического капитализма Ф. Энгельс именовал буржуазное государство "идеальный совокупный капиталист", то в современных условиях оно в первую очередь нацеливает свою деятельность на удовлетворение appetитов монополистических гигантов. Поэтому в системе высокоразвитой государственно-монополистической экономики буржуазное государство занимает свое место как "идеальный совокупный монополист".

В отличие от частной государственная монополия не стремится к максимальному самовозрастанию своего капитала. Нередко предприятия государственного сектора являются убыточными или малорентабельными. Но критерий эффективности их деятельности (вследствие их особого положения в системе отношений воспроизводства всего общественного капитала) не сводится к показателю прибыли. Он вытекает из той роли и тех задач, которые ставятся перед такими предприятиями монополистической верхушкой, по обеспечению за счет всего общества необходимого развития инфраструктуры, капиталоемких и энергоемких отраслей, а также по "настройке" и регулированию механизма функционирования капиталистической экономики в целом. Милитаризация также служит устойчивым источником высоких прибылей частного бизнеса. В результате буржуазное государство как экономический центр не просто "вмешивается" в экономику, а воздействует на формирование общественно необходимых затрат. Происходит усложнение как механизма функционирования всей экономики, так и механизма формирования общественно необходимых затрат. В немалой степени последний пред-

определяет и структуру общественного производства, и динамику цен в современных условиях.

Выступая как субъект хозяйствования, государство в своей экономической деятельности не руководствуется рыночными ориентирами, хотя, несомненно, постоянно использует товарно-денежные формы. Особенно это относится к сфере национальной экономики. Деньги, кредит, процент и т. п. продолжают играть роль важных экономических рычагов. Вместе с тем размер и направления государственных инвестиций часто целиком зависят от экономической стратегии правительства, места национальной экономики в мировом капиталистическом хозяйстве. Вот почему если в экономическом комплексе частной монополии "монополистическая планомерность" превратилась в основной механизм максимизации прибылей, то ее назначение в экономическом комплексе государственной монополии состоит как раз в создании условий для максимизации прибылей монополистическими объединениями. Поэтому государственная монополия является капиталистической монополией особого рода, экономическая реализация которой построена на наивысшем при капитализме уровне обобществления производства. Она представляет собой попытку преодоления кризиса рыночного регулирования общественного производства в интересах национального монополистического капитала. В этом раскрывается и капиталистическая природа, и историческая ограниченность буржуазного государства как экономического центра, ибо "ни переход в руки акционерных обществ, ни превращение в государственную собственность,— как подчеркивал Ф. Энгельс,— не уничтожают капиталистического характера производительных сил... Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки"⁵⁶.

Объективный характер становления и развития буржуазного государства как экономического центра не исключает и не может исключить также объективный процесс усиления противоречий капиталистического хозяйствования. Во-первых, интересы отдельных монополий противостоят друг другу при дележе созданной в обществе прибавочной стоимости. Во-вторых, оберегая интересы монополий в целом, государство в те или иные периоды вынуждено отдавать предпочтение либо "общенациональным" интересам, либо интересам отдельных монополий или их групп. В-третьих, пытаясь преодолеть кризис рыночного регулирования экономики, государство своей экономической деятельностью еще более расстраивает механизм общественного воспроизводства, вызывая особенно глубокие и длительные экономические кризисы.

Во время мирового экономического кризиса 1980—1982 гг. наиболее выпукло проявился и кризис самого государственно-монополистического регулирования экономики. С одной стороны, вовлеченность буржуазного государства в экономиче-

ские процессы вызывается растущим обобществлением производства, и поэтому механизм функционирования экономики не может обойтись без его активного участия в хозяйственной жизни. Но, с другой стороны, товарно-рыночная основа экономики при одновременном господстве большого бизнеса ограничивает саму базу для регулирования общественного производства со стороны государства, а также предопределяет нестабильность и непоследовательность форм и методов государственного регулирования и противопоставляет интересы всех производителей друг другу.

В результате государство постоянно вынуждено приспосабливаться к хозяйственной ситуации в стране и мире, маневрировать различными методами и формами регулирования в зависимости от конкретных целей, причем неизменно апеллируя к рыночным истокам капиталистической системы. Экономическая деятельность буржуазного государства противоречива как по своей природе, так и по месту и значению в механизме функционирования капиталистической экономики. Вот почему между большим бизнесом и государством "брак" может быть только по расчету. Не случайно в буржуазной экономической науке имеют место различные, нередко прямо противоположные концепции по поводу экономической роли государства.

3. Кризис регулирования и тупики "экономикса"

В системе государственно-монополистического капитализма постепенно созревали объективные предпосылки усиления экономической роли буржуазного государства. Само развитие ГМК по существу означало углубление кризиса чисто рыночного регулирования экономики, фактически начавшегося с возникновением монополий. После мирового экономического кризиса 1929 – 1933 гг. государство все активнее воздействовало на хозяйственные процессы, по мере своей возможности "корректируя" рыночную систему хозяйства в интересах монополистического капитала. В результате регулирование превратилось в важнейший элемент механизма функционирования капиталистической экономики.

Относительно высокие темпы экономического развития главных капиталистических стран в 60-х годах сформировали в буржуазном обществе мнение, что капитализм с помощью активной экономической роли государства получил "второе" дыхание. В действительности государственно-монополистическое регулирование не преодолело и не могло преодолеть стихию рыночного регулирования общественного производства. Наоборот, когда усилилась взаимосвязь экономик капиталистических стран и неравномерность их развития, оно привело к еще большим диспропорциям и социальным катаклизмам. Мир капитала столкнулся с огромной хронической

безработицей, галопирующей инфляцией, обострением противоречий между национальными империализмами и целыми регионами мирового капиталистического хозяйства, участвовавшими в 70-х и 80-х годах затяжными экономическими спадами, ростом неуверенности в завтрашнем дне даже среди монополистической верхушки.

В этих условиях и бизнесмены, и буржуазные идеологи не могли не признать, что положенные в основу экономической деятельности государства кейнсианские рецепты продемонстрировали свою полную беспомощность перед вставшими экономическими и социальными проблемами. Среди буржуазных экономистов все громче заявляли о себе сторонники ограничения экономической роли государства и стимулирования производства сугубо рыночными методами. Поскольку в пределах капиталистической системы отношений нет никакой альтернативы рыночному механизму, постольку в обращении именно к "чудодейственной" силе рынка сторонники так называемой экономики предложения видели выход из создавшегося положения.

И хотя концепция "экономики предложения" стала главным ориентиром экономической политики администрации Рейгана в США, правительства М. Тэтчер в Великобритании, а также правительств ряда других стран, среди буржуазных экономистов нет уверенности, что именно "раскрепощение" рыночных сил — оптимальный путь преодоления накопившихся проблем. Между тем, выступая 30 ноября 1983 г. в Нью-Йорке, председатель совета экономических консультантов при президенте США М. Фельдстайн поспешил объявить предпринятые администрацией Рейгана меры по изменению структуры государственных расходов и налоговой системы "мирной революцией". Более сдержанную оценку экономического положения в стране дал американский экономист, профессор Мичиганского университета П. Макрэнкен. В своей статье "Рейганомика готова для второй стадии" он писал, что "второй стадии следует быть восстановлением лучшего соотношения между доходами и расходами государства. Программы для этой стратегической стадии еще пока и не видно..."⁵⁷.

Теоретические взгляды, положенные в основу "рейганомики", попытался проанализировать в своей книге "Опасные течения: состояние экономики" Л. Тэроу. Он считает, что теория, имеющая приоритет среди экономистов администрации Рейгана, не продвинула "ни наше понимание экономики, ни контроль ее как таковой". Вместо того чтобы "теория опиралась на существующую действительность, — делает он вывод, — последнюю приспособляют к теории"⁵⁸.

Факты показывают, что предпринятый в ряде стран резкий поворот к рыночным силам в практике экономической деятельности государства не изменил важной роли, которая принадлежит государству в экономике. Не ставя своей целью

рассмотреть весь комплекс вопросов, связанный с анализом экономической роли современных буржуазных государств и различными "школами" в буржуазной политэкономии, мы остановимся лишь на некоторых аспектах отражения капиталистической действительности в западной учебной и монографической литературе, а также в кругах бизнесменов.

В капиталистических странах широко распространенным названием современной буржуазной политэкономии стало понятие "экономикс". Под таким названием издаются учебники для студентов колледжей и университетов, это же наименование имеют учебные курсы по политэкономии в вузах большинства стран несоциалистического мира. Только в США насчитывается 164 учебника по "экономиксу" разных авторов.

Между тем во всех учебниках по "экономиксу" современная капиталистическая экономика, в том числе и США, рассматривается как "смешанная экономика", т.е. экономика, развитие которой происходит под воздействием как рынка, так и государства. По мнению автора одного из учебников по "экономиксу" профессора Роджера Миллера, "смешанная капиталистическая экономическая система — это экономика, в которой как решения правительства, так и свободный рынок совместно определяют поведение потребителей, производителей, бизнеса, индивидуумов, монополий и т.д."⁵⁹. Автор приводит в учебнике схему, на которой ни одна капиталистическая страна не отнесена к "чистому капитализму"⁶⁰. Если принять во внимание, что по терминологии "экономикса" "чистый капитализм" означает полное и безраздельное господство товарного производства со свойственной ему свободной конкуренцией, то можно заключить о фактическом признании буржуазной экономической наукой ограничения роли товарных отношений и переплетения в механизме хозяйствования конкурентных и неконкурентных отношений в условиях современного капитализма.

Авторы другого учебника по "экономиксу" профессор Королевского университета (Англия) Ричард Липси и профессор Мичиганского университета (США) Питер Стайнер отводят в своей книге специальное место, где подробно показывают ограниченные возможности рынка защищать потребителя от некачественных и вредных для здоровья товаров, обеспечивать достаточную подготовку и необходимый уровень образования рабочей силы, способствовать охране окружающей среды, выражать интересы всего общества в противовес интересам отдельных индивидов, укреплять оборону страны, развивать систему общеэкономической информации и т.д. Как считают Липси и Стайнер, неподвластные рынку функции берет на себя государство, которое имеет пять основных способов для воздействия на характер производимых товаров и услуг, технологию их производства и распределения среди

населения. Таковыми являются: регламентация технологии производства и стандартов; наделение правами одних производителей вникать в деятельность других; использование налогов, субсидий или штрафов для изменения проявления частной инициативы; выделение строго обусловленных или свободных даров и льгот потребителям и фирмам; государственное потребление товаров и услуг⁶¹.

Все большую популярность среди преподавателей и студентов университетов США и других капиталистических стран приобретает учебник профессора Небраского университета Камбела Макконэла. В первой части его книги выделена специальная глава под названием "Смешанный капитализм и экономические функции правительства". Разделив экономические функции государства на две группы, автор к первой группе относит меры по обеспечению функционирования системы ценообразования. Это может достигаться путем поддержания законных форм и общественных условий в отношениях между всеми производителями и потребителями, а также путем поддержания конкуренции. Другими словами, государство создает условия и следит за соблюдением в бизнесе "правил игры". Вторая группа включает меры по перераспределению доходов и богатства, рациональному распределению ресурсов с целью изменения структуры совокупного общественного продукта, стабилизации экономики путем стимулирования экономического роста и антициклического регулирования, воздействию на безработицу и инфляцию. "Исторически, — подчеркивает К. Макконэл, — наиболее актуальной и по ряду причин наиболее важной функцией правительства является стабилизация экономики — содействие частному сектору добиваться как полного использования ресурсов, так и устойчивого уровня цен"⁶².

Даже если не вникать в конкретные результаты реализации указанных экономических функций буржуазного государства, нетрудно видеть, что задача государства концентрируется на "улучшении" механизма капиталистического хозяйствования. С одной стороны, от государства ожидают защиты и поддержки конкуренции, а с другой — без активной роли государства не мыслится "полное использование ресурсов", "соблюдение общественных интересов", "устойчивый уровень цен", "стабильный экономический рост" и т. п. Налицо явное противоречие между средствами и целями вмешательства буржуазного государства в хозяйственную жизнь.

Объективные процессы, лежащие в основе подрыва механизма хозяйствования, подрыва товарных отношений и изменения в связи с этим экономической роли государства, одни и те же — рост обобществления производства и обострение капиталистических противоречий. Вот почему поддерживать основанные на конкурентных отношениях "правила игры" при одновременном соблюдении "общественных интересов" — зна-

чит не только предопределять внутреннюю противоречивость экономической деятельности государства, но и заведомо обрекать в конечном счете на неудачу его стратегию влияния на развитие экономики. Если даже взять одну сторону — стремление сохранить конкурентный механизм, то вмешательство государства в экономику по принципу "стой — иди" означает "корректирование" конкуренции в соответствии с выработанной экономической программой в интересах монополистической верхушки. Между тем "опора на рыночные силы", "поддержание конкуренции" упорно провозглашаются одними из важнейших принципов экономической политики буржуазных правительств. Все это вынуждает идеологов буржуазии искать новые рецепты "примирения" растущей экономической роли государства с товарно-рыночным механизмом капиталистической экономики.

Наибольшую известность в капиталистическом мире приобрел учебник по "экономиксу" профессора Массачусетского технологического института П. Самуэльсона. Начиная с 1948 г. его учебник издавался уже более 10 раз. При каждом издании фирма "Макгроу Хил бук компани" печатает как минимум два варианта книги — американский и международный. В международном выпуске "Экономикса" Самуэльсона учитывается специфика того региона капиталистического мира, где учебник будет использоваться. Хотя почти во всех частях книги буржуазному государству уделяется немало внимания, уже в первой части ему посвящено две главы, поскольку, как пишет автор, "сегодня настолько важна экономическая роль правительства". Разъясняя оценку роли государства в экономике, Самуэльсон подчеркивает, что государство создает условия, в которых функционирует частное предпринимательство. С помощью своих расходов и налогообложения, а также воздействуя на систему ценообразования, оно "определяет экономическую судьбу нации". "Было бы бесплодно спорить, что более важно — государство или частное предпринимательство, — отмечается в книге, — точно так же, как бесплодно противопоставлять наследственность и окружающую среду"⁶³. Тем самым Самуэльсон прямо признает, что в условиях высокообобществленной экономики частное предпринимательство может сохранять свои позиции только при поддержке буржуазного государства. В "смешанной экономике" ведущим звеном становится государство, а не рынок, ибо от государства, от его способности воздействовать на рыночные силы зависит "экономическая судьба нации".

Вместе с тем перед лицом стагфляции, захлестнувшей мир капитала, Самуэльсон заявляет, что, с одной стороны, "мы не можем более управлять страдающей экономикой, без всякого основания опирающейся на принцип неограниченного невмешательства", а с другой — путем структурных реформ необходимо создать систему, которая, подобно "чистому рыночному

механизму, содействовала бы эффективности и стабильности”⁶⁴. Как видно, идеал рыночной экономики, даже если он столетней давности, продолжает служить образцом для конструирования отношений между производителями в современных условиях, когда важнейшим элементом экономической системы стало буржуазное государство.

В начале 80-х годов в буржуазной литературе появилось немало работ, в которых предприняты попытки либо запугать обывателя растущей экономической мощью государства, либо свалить на государство всю вину за переживаемый капиталистическим миром всеобщий кризис, либо возродить в современных условиях полное господство рынка и конкуренции. Выступая в мае 1981 г. на экономической конференции в Швейцарии, исполнительный директор “Дойче банк” (ФРГ) А. Герхаузен охарактеризовал сложившуюся систему капиталистической экономики следующим образом: “Мы находимся перед фактом, когда многие вещи, которые до сих пор считались “частными”, претерпевают метаморфозу и становятся “общественными”. Это значит, что государство вынуждено вовлекаться в дополнительное перераспределение, чтобы поддерживать общественное согласие... Поэтому мы часто видим, как государство совершенно преднамеренно оставляет свою роль защитника и хранителя данной рыночной структуры для того, чтобы распределять жизненные блага и доходы. Последняя стадия в таком движении — это воскрешение утраченного “Левиафана” Гоббса”⁶⁵.

Как видно из этого высказывания, западногерманский экономист не прочь остановить объективный процесс возрастания экономической роли государства. По его мнению, буржуазное общество в перспективе ожидает государство-чудище, описанное в XVII в. английским философом Т. Гоббсом в его сочинении “Левиафан”. Оставаясь в плену буржуазного мировоззрения, Герхаузен и рост обобществления капиталистического производства стремится втиснуть в рамки отношений, сохраняющих господство капитала, не признавая никакой исторической альтернативы эксплуатации человека капиталом.

Родоначалник Чикагской монетаристской школы М. Фридмен и его супруга Р. Фридмен настойчиво продолжают пропагандировать идеи о максимальном ограничении экономической активности государства, о возрождении свободного рынка и конкуренции. Ссылаясь на американскую историю, они заявляют: “Две идеи — человеческая свобода и экономическая свобода, сотрудничая вместе, привели к свершению величайших надежд в США”. “К счастью, мы, как люди, — продолжают М. и Р. Фридмен, — все еще свободны в выборе, каким путем следует идти: либо продолжать двигаться дорогой, по которой мы следовали к сверхгромадному правительству, либо объявить остановку и изменить направление”⁶⁶.

Подобные взгляды разделяет и бывший президент национального бюро экономических исследований, председатель совета экономических консультантов при президенте США Р. Рейгане профессор М. Фельдстайн. Он связывает ухудшение экономических показателей и пошатнувшиеся позиции страны в мировом капиталистическом хозяйстве с растущей ролью государства в экономике. "Правительственное регулирование,— заявляет Фельдстайн,— важнейшая причина низкого прироста производительности и спада в научных исследованиях и разработках"⁶⁷. По его мнению, усиление нестабильности в семейной жизни, снижение уровня рождаемости также обусловлены излишним вмешательством государства в перераспределение доходов, социальное страхование и т. д.

Характерно, что американские сторонники "реставрации рынка" нередко апеллируют к относительно быстрому послевоенному экономическому развитию ряда стран Западной Европы и Японии. Но именно на этот период, как отмечал Л. Тэроу, приходится резкое возрастание роли государства в экономике указанных стран. Более того, экономические показатели самих США, начиная с "нового курса" Ф. Рузвельта, значительно улучшились по сравнению с периодом до середины 30-х годов. Поэтому "наш и зарубежный опыт показывает,— писал Л. Тэроу,— что нет конфликта между общественными расходами или государственным вмешательством и экономическим успехом"⁶⁸. Даже находясь на сугубо прагматической позиции, буржуазный ученый наглядно подвергает сомнению те аргументы, которые пускаются в ход для обоснования "виновности" только активной экономической роли государства в трудностях, переживаемых капиталистическим миром.

К "человеческой свободе" и "экономической свободе" апологеты капитализма обращаются всякий раз, когда чувствуют, что ход исторического развития человечества выбивает почву из-под устоев полновластного господства буржуазии. "...Буржуазное сознание,— подчеркивал К. Маркс,— с одинаковой горячностью поносит всякий сознательный общественный контроль и регулирование общественного процесса производства как покушение на неприкосновенные права собственности, свободы и самоопределяющегося "гения" индивидуального капиталиста"⁶⁹. Уповая на всемогущество рынка и конкуренции, приписывая им чудодейственные силы, но при этом фактически игнорируя изменившиеся в условиях современного капитализма общественные отношения производства, неоклассики призывают опереться на свободный рынок. Они считают, что государство лишь мешает нормальному функционированию экономики. Такой подход неоклассиков нетрудно понять, ибо, как отметил К. Маркс, "буржуазному кругозору, при котором все внимание поглощается обделыванием коммерческих делишек, как раз соответствует

воззрение, что не характер способа производства служит основой соответствующего ему способа обмена, а наоборот”⁷⁰.

Правда, как уже нами указывалось, большинство западных ученых все же исходят из реально существующего в XX в. ”смешанного капитализма”, при котором один рынок уже не в состоянии обслуживать экономику. ”Для нас рынок,— писал П. Самуэльсон,— может быть сильной лошадью. Но всякая лошадь имеет свои пределы... Наша задача — использовать полезные черты рынка... для того, чтобы рыночный механизм не увел слишком далеко от желаемых общих целей”⁷¹. Иначе говоря, современному капитализму необходим рынок, но без его ”дурных сторон”, которые ”уводят от общих целей”. Однако рыночный механизм построен на конкуренции, а она, как известно, не признает никаких ”общих целей”. Получается, что именно конкуренция и является той чертой рыночной системы, которая мешает монополистическому капиталу укреплять свое господство. Не случайно на одном из заседаний объединенного экономического комитета конгресса США пропаганда свободного рынка объявлялась причиной ”головной боли”, призывом к возвращению в ”мир животных”⁷². Здесь уместно вспомнить слова Ф. Энгельса, которые в наши дни в ином виде нашли отражение в американских коридорах власти: ”Дарвин не подозревал, какую горькую сатиру он написал на людей, и в особенности на своих земляков, когда он доказал, что свободная конкуренция, борьба за существование... является нормальным состоянием *мира животных*”⁷³.

Среди бизнесменов нет, как правило, иллюзий по поводу реальных сил, воздействующих на развитие современной капиталистической экономики. Выступая в 1979 г. на конференции в Гарвардском университете, где обсуждалась проблема отношений между бизнесом и государством, тогдашний председатель совета директоров концерна ”Дюпон” И. Шапиро заявлял: ”Как бы ни называли нашу систему — ”квазиобщественной”, ”полупредпринимательской” или ”смешанной экономикой”, — факт остается фактом: активное участие правительства будет и впредь прочным фактором в жизни бизнеса”. Шапиро призвал бизнесменов считаться с реальностями нового времени и поддерживать правительство в деятельности по улучшению американского общества⁷⁴. Разделяя подобные взгляды и выражая беспокойство делового мира о пошатнувшихся позициях США в мировом капиталистическом хозяйстве, глава ”Парсонс корпорейшн” В. Леонард отметил: ”Правительство и бизнес должны объединить общенациональные усилия, чтобы восстановить наши позиции в мировом лидерстве... Мы все в одной и той же национальной лодке, и эта лодка тонет”⁷⁵.

По мнению руководителя одного из американских концернов ”Филипс индастриз” Дж. Филиппса, необходимо перестроить всю просветительскую работу среди населения страны,

начиная с общеобразовательной школы, чтобы у людей сложилось правильное представление "о роли правительства и бизнеса в демократии и о взаимосвязи между ними"⁷⁶. Президент корпорации "Ксерокс" Д. Кирнс считает, что наступила пора прекратить сваливать на растущую роль государства вину за падение экономических показателей страны, так как это стало "саморазрушающим оправданием". Хотя правительство имеет отношение к уровню производительности в экономике, но решающее слово принадлежит самому бизнесу. Тот факт, что потери времени на рабочем месте достигают 30%, специалисты прямо связывают с нерешенными проблемами в организации производства, недостатками в подборе управленческого персонала и низкой дисциплиной⁷⁷.

Бывший министр правительства США, а ныне профессор Гарвардского университета Дж. Данлоп для установления оптимальной связи между монополиями и государством предложил корпорациям в процессе продвижения управляющих по службе направлять их на два — четыре года для работы в государственном аппарате. "И наоборот, государственным служащим следовало бы поработать соответствующее время в частном секторе"⁷⁸. Фактически речь идет о приспособлении монополий и государства к новым условиям хозяйствования, когда, по мнению Дж. Гэлбрейта, в большей части экономики "неоклассический рынок сохранился только в памяти"⁷⁹. Оценку Гэлбрейта разделяет бывший помощник министра торговли США по промышленности Ф. Уэйл. На основе своего опыта работы в банках, государственном аппарате и адвокатских конторах, обслуживающих бизнес, он пришел к такому выводу: "Мы тоскуем о времени, когда свободный рынок решал все наши проблемы. Однако мы живем в мире, в котором регулирование восходит с утренним солнцем. Регулирование воздействует не только на окружающую среду, или на использование энергии, или на то, на что оно может быть нацелено, но и на экономическое здоровье промышленности. Поэтому мне кажется, что прошел тот день, когда мы действительно имели свободную рыночную систему, и теперь нам лучше признать реальность и прекратить от нее отгораживаться"⁸⁰.

Реальность капиталистического мира оказалась настолько суровой, что привела в замешательство буржуазных теоретиков. Активное вмешательство государства в хозяйственные процессы не смогло разрешить кризис рыночного регулирования экономики. В результате со всей очевидностью обнаружился кризис самого государственно-монополистического регулирования. Рухнули, не успев окрепнуть, различные концепции буржуазных ученых, взятые в свое время на вооружение государственными деятелями для обоснования своих экономических программ⁸¹. "В конце 70-х годов, — вынужден признать профессор Л. Тэроу, — наша политическая экономия ока-

залась парализованной”⁸². В предисловии к третьему, переработанному изданию своей книги ”Новое индустриальное общество” Дж. Гэлбрейт так оценивает буржуазную экономическую науку: капиталистический ”мир продолжает изменяться несомненно намного быстрее, чем экономикс, который интерпретирует и описывает его”⁸³.

Особенно тревожит теоретиков и практиков бизнеса отсутствие фундаментальных теоретических решений стабилизации экономического положения, уменьшения неустойчивости, объяснения экономических процессов, лежащих в основе постоянного повышения цен и замедления роста производительности труда во всех капиталистических странах. Выражая мнение правящего класса, американский специалист П. Драйкер писал: ”Нам нужна подлинная экономическая теория, основанная на теории стоимости; но такой теории следовало бы опираться на постулат, что производительность есть источник всякой экономической стоимости”⁸⁴.

Несмотря на обострение в США внутренних противоречий, исходным пунктом для выработки новых концепций, экономических программ, для оценки и определения роли государства в экономике стал внешнеэкономический фактор. Он оказывает существенное воздействие и на лидера капиталистического мира — экономику США. На этот фактор обращается внимание в официальных документах и в научных исследованиях. В ежегодном докладе совета экономических консультантов при президенте США отмечается, что в течение 70-х годов экономики капиталистических стран ”стали более взаимосвязаны друг с другом, чем когда-либо прежде”⁸⁵. ”Растущая взаимозависимость,— приходит к выводу руководитель экономических исследований Брукингского института Дж. Пжман,— означает, что экономическая политика США в значительной степени должна считаться с политическими установками в остальном мире”⁸⁶. Специалисты университета Южной Калифорнии считают, что перед лицом растущей внешнеэкономической зависимости ”даже демократически избранные правительства могут принимать радикальные меры”⁸⁷.

Экономика США все больше интегрируется в мировое капиталистическое хозяйство. Страна экспортирует более 20% промышленных изделий, сельскохозяйственная продукция каждых двух акров из пяти также направляется на экспорт. Почти $\frac{1}{3}$ прибылей корпораций США — результат внешней торговли и зарубежных инвестиций. Более 70% производителей в стране товаров испытывают конкуренцию производителей из других государств. Свыше половины национальной потребности в 24 важнейших видах минерального сырья удовлетворяется из зарубежных источников. Как известно, степень интегрированности других капиталистических стран в мировое хозяйство еще выше. Вот почему интернационализация хозяйственной жизни стала определяющим фактором

и в теоретических поисках специалистов, и в практической деятельности буржуазных государств. "Мы знаем, — заявлял П. Драйер, — нам нужна новая экономическая теория, которая сфокусирована более на мировой, чем на одной национальной экономике. Нам нужна теория, которая идет дальше кейнсианского обожествления национального правительства как всемогущего и всезнающего и которая включает национальный экономикс как часть всей мировой экономики"⁸⁸.

Именно внешнеэкономический фактор стал предопределяющим в переориентации бизнеса и государства в решении внутриэкономических проблем. На различных уровнях в промышленных и правительственных кругах, среди ученых и бизнесменов обсуждается вопрос о "реиндустриализации Америки", "чтобы восстановить национальную конкурентоспособность на мировом рынке для расширения производства и экспорта промышленных товаров"⁸⁹. Учитывая, что мобилизацию внутренних ресурсов для повышения технического уровня и совершенствования структуры промышленности легче осуществить при активной роли государства, ряд американских исследователей предложили именовать такую политику "национальным планированием". Но поскольку этот термин вызывает у многих их соотечественников "растущий страх ползучего социализма", поэтому во избежание наклеивания на авторов ярлыков был найден другой термин — "реиндустриализация". Вместе с тем, чтобы решить проблемы не только технического перевооружения промышленности, но и безработицы, выдвигаются предложения о необходимости для США "второй промышленной революции", координировать которую мог бы специальный общенациональный орган — финансовая корпорация по реконструкции в 80-е годы⁹⁰.

Растущий уровень обобществления и углубление социально-экономических противоречий вынуждают теоретиков и практиков бизнеса искать выход из создавшегося положения не в "бушующей рыночной стихии", а на пути хотя бы элементарного согласования действий различных монополистических капиталов при активной роли государства. В середине 70-х годов дискуссии о "национальном планировании" вышли за пределы академических кругов, эта проблема стала предметом обсуждения американских законодателей. Однако, хотя часть предложений и была учтена в принятых впоследствии в конгрессом США законах, существенных изменений в организации "национального планирования" не произошло. Между тем начавшийся в 1980 г. новый мировой экономический кризис, в немалой степени усугубивший трудности и американской экономики, неизбежно привел к возобновлению обсуждения вопроса об острой необходимости для США координации хозяйственной деятельности на общенациональном уровне.

Известный американский экономист, один из членов ини-

циативной группы, разработавшей в 1975 г. предложения о "национальном планировании", В. Леонтьев, вновь обратился к американским законодателям с разъяснениями важности планирования национальной экономики. Выступая 19 января 1982 г. на слушаниях в объединенном экономическом комитете конгресса США, В. Леонтьев заявил, что американская экономика остро нуждается "в систематической координации, основанной на долгосрочном прогнозе, т. е. в планировании". При этом он добавил: "Я использую это слово, хотя знаю, что некоторые из присутствующих здесь хватаются за пистолет, когда его слышат"⁹¹. По мнению В. Леонтьева, настало время сделать решительный шаг на пути учреждения полномочной, автономной исследовательской организации. Эта организация обеспечивала бы все государственные органы технической поддержкой, необходимой для развития систематизированных и скоординированных предпосылок формирования и практического применения общегосударственной и местной, региональной и общей экономических политик. "Нельзя не сказать,— утверждает В. Леонтьев,— что мы и другие развитые государства не можем положиться на неограниченную, бесконтрольную деятельность автоматического рыночного механизма, чтобы получить ответы на вставшие перед нами вопросы"⁹². По существу он признает подрыв рыночной основы капитализма и видит спасение его только в централизованной экономической политике, учитывающей тенденции развития как национальной, так и мировой капиталистической экономики.

Другие авторы, призывая к усилению экономической роли государства и использованию "национального планирования", сводят все беды капитализма "к эволюции мощи корпораций, их растущей концентрации и невосприимчивости к рынку"⁹³. Ратуя за активизацию экономической роли государства, американские исследователи И. Магазинер и Р. Рейч выступают за "рациональную промышленную политику". Она предусматривает меры по обеспечению использования освобождающихся трудовых ресурсов, по корректировке несовершенства рынка, по поддержке инвестиций в долгосрочные проекты и по координации самой правительственной политики. Хотя, с одной стороны, авторы считают, что капиталистическая "экономика — не черный ящик", а с другой — они "вписывают" "рациональную промышленную политику" в рыночную систему, в традиционное мышление буржуа о невмешательстве в дело каждого капиталиста. "США — это не нация планирования,— заявляют Магазинер и Рейч...— Но суть состоит в том, что ныне экономический успех зависит от высокой степени координации, сотрудничества и тщательного стратегического выбора... Правительство и частный сектор должны работать в тандеме"⁹⁴.

В результате получается, что промышленная политика

должна корректировать рынок, а рынок должен нацеливать промышленную политику. Явное противоречие авторы пытаются разрешить опорой промышленной политики "на твердое общественное согласие об общих целях" и на "справедливое распределение доходов в обществе"⁹⁵. Но разве могут быть общие цели в антагонистическом буржуазном обществе? Существует ли в таком обществе иной способ деления прибавочной стоимости, кроме как по силе, по капиталу, по диктату монополий?

Именно на удовлетворение интересов прежде всего ворочил большого бизнеса и нацелена экономическая политика администрации Рейгана. С помощью "раскрепощения" сил рынка и конкуренции она рассчитывает оживить экономику, стимулировать инвестиции, восстановить лидирующие позиции США в мировом капиталистическом хозяйстве. Регулирующая роль государства по существу сводится к обеспечению "полнокровного" функционирования рыночного механизма с помощью бюджетно-финансовых рычагов. И хотя намеченные администрацией цели так и остались на бумаге, а государственные расходы продолжают расти и дефицит бюджета достиг небывалой в истории США суммы (свыше 200 млрд. долл.), сторонники администрации Рейгана продолжают отстаивать "новую роль" государства в экономике.

В 1984 г. в докладе совета экономических консультантов президенту США целый раздел посвящен критике предложений по активизации экономической роли государства. Предпринята попытка убедить общественность, что США не нуждаются ни в политике "реиндустриализации", ни в "координации" действий правительства и бизнеса, ни в каких-то вспомогательных планирующих органах. "Наша рыночная экономика и ее система поощрения за наивысшие показатели сделала американскую экономику наиболее производительной и новаторской в мире,— утверждает в докладе.— Промышленная политика, которая усиливает правительственное планирование, а также субсидирование и международный протекционизм, стала бы только бременем для экономической жизни и угрозой нашему долговременному экономическому процветанию"⁹⁶.

В последнее время, по признанию западных специалистов, в "раковую опухоль" капитализма превратилась безработица. Хотя "лишние люди"— постоянные спутники буржуазного строя, но только в 70-х и 80-х годах даже в период циклического подъема экономики армия обездоленных достигла грандиозных размеров. Ныне в мире капитала нет такой страны, где бы безработица не считалась проблемой номер один. Не случайно поэтому и государственные деятели, и ученые пытаются найти выход из создавшегося положения, опасаясь "социального перегрева" буржуазного общества. Причем увеличение безработицы в США и Великобритании прямо связы-

вается с реализацией принципов "рейганомики" и "тэтчеризма". Вот почему решение данной проблемы теории и практики бизнеса видят как раз в "совершенствовании" государственной политики в области занятости.

Так, специалисты Брукингского института в Вашингтоне подготовили целую серию рекомендаций американскому правительству по активизации его участия в трудоустройстве не имеющих работу соотечественников. Однако суть этих предложений сводится к тому, чтобы, во-первых, создать национальную систему информации об имеющихся или ожидающихся рабочих вакансиях и, во-вторых, оказать содействие в профессиональной переподготовке выброшенных на улицу рабочих в соответствии с требованиями прогрессирующих отраслей экономики⁹⁷.

Нетрудно видеть, что брукингские рецепты не содержат и намека на истинную причину безработицы и ее устранение, а касаются лишь сглаживания ее последствий. Другими словами, и здесь государству отводится роль предохранительного клапана, срабатывающего всякий раз, когда в обществе накаляются социальные антагонизмы.

Одновременно с растущей безработицей в современных условиях поднялось значение трудового фактора в производстве и экономике. Во-первых, в развитых капиталистических странах свыше 85% самодеятельного населения — это лица наемного труда. Во-вторых, на одного занятого в крупнейших компаниях приходится все большая масса капитала, что повышает роль отдельного работника в максимизации прибылей. В-третьих, каждый человек труда выступает и как производитель, и как потребитель товаров и услуг. Поэтому рынок труда — это рынок особого рода, где равновесие между спросом и предложением складывается при иных обстоятельствах, чем на обычном рынке. Если прежде западные специалисты подходили к рынку труда с общими мерками, то теперь они обнаружили, что в буржуазной политэкономии нет удовлетворяющей новым требованиям теории рынка труда. Именно такая теория, по их мнению, призвана вооружить бизнесменов и государственный аппарат в решении вопросов занятости. А пока, горестно вздыхает профессор Л. Тэроу, "рынок труда — это Саргассово море экономистов, на мусорном дне которого собираются обломки многих экономических кораблекрушений, слабо влияющих на активные течения человеческой мысли"⁹⁸. С разработкой новой теории рынка труда буржуазный экономист связывает коренное улучшение экономической теории вообще.

Разве может спасти капитализм вообще и буржуазную политэкономия в частности какая-то особая "теория рынка труда", если в самой системе эксплуататорского строя трудящийся человек рассматривается не иначе как атрибут капитала, как рядовой фактор производства, как источник наживы?

Ведь положение рабочей силы как товара предопределяет и соответствующую "заботу" о ней капиталистов и их идеологов. "...Буржуазия заботится о существовании рабочих лишь постольку,— отмечал Ф. Энгельс,— поскольку это ей необходимо..."⁹⁹

Вот и теперь, когда господствующий класс не на шутку встревожен вышедшей из-под контроля растущей безработицей, апологеты капитализма вынуждены обратиться не к нуждам трудящихся, а к лихорадочному поиску "теоретического" обоснования сглаживания обострившихся противоречий между трудом и капиталом. Еще раз наглядно продемонстрировано, что не интересы человека труда, а интересы большого бизнеса защищает буржуазная политэкономия.

Таким образом, кризис государственного регулирования вызвал небывалые "бatalии" в академических кругах и среди бизнесменов о путях развития экономики, о механизме ее функционирования. Со всей очевидностью проявился и кризис "экономикса", оказавшегося неспособным дать буржуазии подходящие рецепты лечения недугов современного буржуазного общества. "Даже многие западные деятели вынуждены признать, что капитализм болен,— писал академик Б. Н. Пономарев.— Спорят о диагнозе и способах лечения. Но диагноз есть — он поставлен Марксом. Социальная система, которая подчиняет все культу чистогана, погоне за прибылью,— неизлечима"¹⁰⁰.

**РАЗВИТИЕ ПРОЦЕССА ОБОБЩЕСТВЛЕНИЯ
И ПОДРЫВ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА
ПРИ ИМПЕРИАЛИЗМЕ**

**1. Капиталистическое товарное хозяйство
в современных условиях: видимость и сущность**

Опираясь на ранее обобщенный материал, в данной главе рассмотрим подрыв товарного производства в сугубо теоретическом плане. Так как реальный процесс подрыва представляет собой многогранное явление, то и научный анализ предполагает раскрыть его многообразие в единстве и целостности. Решение возникшей задачи позволит получить всестороннее представление о глубинных процессах в системе производственных отношений, происходящих на монополистической стадии капитализма.

Особо следует подчеркнуть одно принципиальное обстоятельство. Из того факта, что товарное отношение — исходное отношение и всеобщая форма производственных отношений капитализма, вовсе не следует прямая связь между подрывом товарного производства и любым явлением современного капитализма. Содержание каждого элемента системы капиталистических производственных отношений предопределено основным отношением данной системы, развитие которой обусловлено ее основным противоречием и основным законом. Поэтому, точно так же как понятие прибыли невозможно вывести непосредственно из стоимости, минуя прибавочную стоимость и конкуренцию капиталов, новые явления и тенденции современного капитализма нельзя без опосредствующих звеньев прямо показать как результат подрыва товарного производства. Важное значение имеет и тот момент, что в сложившейся системе отношений каждый новый элемент, с одной стороны, находится под воздействием всей системы, а с другой — сам оказывает влияние на ее движение. Вот почему раскрыть взаимосвязи между подрывом товарного производства и новыми явлениями и тенденциями при империализме — это значит не только выявить опосредствующие звенья, но и выяснить место и роль новых явлений и тенденций в системе капиталистических производственных отношений. Такое исследование можно осуществить, лишь проникая в суть социально-экономических явлений, изучая изменения, происходящие в процессе производства и получающие соответствующие формы выражения среди поверхностных производственных отношений.

В самом деле, можно ли говорить о подрыве товарного производства в условиях современного капитализма, если

исходить из таких фактов, как, например, рост розничной и оптовой торговли, расширение мировой торговли, увеличение числа производителей? Так, в США число всех видов хозяйственных единиц с 1970 по 1980 г. выросло на 4 792 тыс. и составило 16 793 тыс. Из них абсолютное большинство (12 702 тыс.) находилось в индивидуальной частной собственности, а основная масса (10 290 тыс., или 61,3%) имела годовой оборот по продажам и услугам не выше 25 тыс. долл., в то время как только у 488 тыс. компаний (2,9%) годовой оборот превысил 1 млн. долл.¹ В годы кризисных спадов производства монополистические гиганты американской индустрии сохраняют свои позиции среди лидеров-миллиардеров. В 1983 г. объем продаж концерна "Экссон" превысил 88 млрд. долл., "Дженерал моторз" — 74 млрд., "Мобил ойл" — 54 млрд., "Форд мотор" — 44 млрд., ИБМ — 40 млрд. долл.² Хотя хозяйственные единицы явно "не равноправны", все же рост их общего числа свидетельствует в определенном смысле о расширении объема торговых операций. В современном буржуазном обществе довольно трудно найти то, что может не быть предметом купли-продажи. Иначе говоря, товарное обращение, купля-продажа достигли в капиталистическом мире небывалых прежде размеров. Естественно, если считать, что товарное производство состоит в изготовлении изделий для обмена через куплю-продажу, то следует говорить не о подрыве товарного производства при империализме, а о его расцвете.

Между тем, как известно, еще в начале XX в., когда империализм только укреплял свои позиции, В. И. Ленин пришел к выводу: "...развитие капитализма дошло до того, что, хотя товарное производство по-прежнему "царит" и считается основой всего хозяйства, но на деле оно уже подорвано, и главные прибыли достаются "гениям" финансовых проделок. В основе этих проделок и мошенничеств лежит обобществление производства, но гигантский прогресс человечества, доработавшегося до этого обобществления, идет на пользу... спекулянтам"³. В. И. Ленин сумел обнаружить и доказать существенные изменения в положении производителей, в характере их взаимосвязей в сфере производства, в их роли в общественном производстве. И главное в этих изменениях состоит в том, что "конкуренция превращается в монополию. Получается гигантский прогресс обобществления производства"⁴.

Значит, для характеристики товарного производства недостаточно указать, что продукты труда производятся для обмена через куплю-продажу. Необходимо также показать, какие отношения между производителями обуславливают превращение продукта труда в товар. Обмен как фаза воспроизводства — неотъемлемая составная часть самых различных воспроизводственных процессов, среди которых могут быть и такие, где обмен в форме купли-продажи выражает отноше-

ния производителей, теряющих свойства товаропроизводителей. Вот почему крайне важно за внешними формами проявления исследовать сущностные отношения, складывающиеся прежде всего в производстве.

После всестороннего анализа факторов товара К. Маркс подчеркивает те условия, при которых продукты труда превращаются в товары. "Только продукты самостоятельных, друг от друга независимых частных работ 'противостоят один другому как товары'"⁵. К. Маркс определяет суть товарного производства не через его результат — товар, а через характеристику труда производителей, каждый из которых занят частным трудом, самостоятелен и не зависит в своей деятельности от других. Не черты самого по себе товара, а черты производства являются существенными при определении степени развития и использования товарных отношений. Это обстоятельство со всей очевидностью выражено и в следующем выводе К. Маркса: "Лишь для данной особенной формы производства, для товарного производства, справедливо, что специфически общественный характер не независимых друг от друга частных работ состоит в их равенстве как человеческого труда вообще и что он принимает форму стоимостного характера продуктов труда"⁶.

Марксов анализ товарного производства и товара лег в основу ленинского определения товарного производства. "Под товарным производством разумеется такая организация общественного хозяйства, когда продукты производятся отдельными, обособленными производителями, причем каждый специализируется на выработке одного какого-либо продукта, так что для удовлетворения общественных потребностей необходима купля-продажа продуктов (становящихся в силу этого товарами) на рынке"⁷. Таким образом, товарами являются продукты труда отдельных, обособленных производителей, опирающихся на общественное разделение труда и связанных между собой рынком. Нетрудно видеть, что в формулировке В. И. Ленина термин "отдельный, обособленный производитель" соответствует использованному К. Марксом выражению "не независимых друг от друга частных работ". Отсюда следует, что вся система товарных отношений развертывается из коренной, сущностной черты товарного производства — обособленности производителей, их независимых частных работ. Степень развития конкуренции и рынка находится в прямой зависимости от числа обособленных производителей и уровня их обособления. Апогей обособления и расцвета товарных отношений приходится как раз на тот исторический период развития капитализма, когда достигается соответствие характера капиталистических производственных отношений уровню развития производительных сил.

Хотя в предшествующих главах подробно рассмотрены различные черты товарного производства, здесь мы сочли не-

обходимым остановиться на общем определении товарного производства, чтобы, во-первых, стала ясной субординация и взаимозависимость его признаков и, во-вторых, выявить то звено в системе товарных отношений, состояние которого неизбежно влияет как на всю систему в целом, так и на каждый ее элемент.

Очевидно, что таковым звеном является обособленность товаропроизводителей⁸. Поэтому содержательная сторона подрыва товарного производства может быть раскрыта при исследовании состояния обособленности хозяйственных единиц. Поскольку изменение состояния обособленности ведет к изменениям и в отношениях между производителями, и в механизме функционирования общественного производства, в механизме действия его экономических законов, постольку все эти изменения и выступают как формы подрыва товарного производства. Хотя на формах подрыва мы еще особо остановимся, но здесь можно указать на такие явления, как подрыв свободной конкуренции, подрыв рыночного регулирования общественного воспроизводства, подрыв действия закона стоимости и т.п. Теоретически можно разграничить и показать последовательно, например, подрыв обособленности и подрыв свободной конкуренции. Но в реальном процессе общественного развития подрыв обособленности практически одновременно выражается во всех своих формах. Целостное существование системы товарного хозяйства предполагает и тесную временную взаимосвязь между содержанием и формами подрыва товарных отношений.

Как известно, становление капиталистического производства сопровождается развитием его общественного характера, что в свою очередь находит выражение в обобществлении труда и производства. Если развитие общественного разделения труда способствует росту числа обособленных производителей, то процесс обобществления труда как раз ведет к установлению тесных производственных и других взаимосвязей между производителями, тем самым ограничивая самостоятельность и независимость товаропроизводителей или подрывая их обособленность. Обобществление производства В.И. Ленин определил как материальную основу подрыва товарного производства. В условиях господства свободной конкуренции, отмечал К. Маркс, "когда капиталистический способ производства становится на собственные ноги, тогда дальнейшее обобществление труда... приобретает новую форму"⁹. Уже в ту пору уровень обобществления производства соответствовал материальным условиям перехода к новому общественному строю. Работая над рукописью "Капитала" и рассматривая результаты непосредственного процесса производства, К. Маркс подчеркнул, что "капиталистическое производство устраняет базис товарного производства, обособленное, независимое производство и обмен товаровладельцев

или обмен эквивалентов”¹⁰. Нетрудно видеть, что ”базис товарного производства” К. Маркс рассматривал как ”обособленное, независимое производство”, которое именно и подрывается развивающимся при капитализме обобществлением. Вывод К. Маркса по существу включает определения материальной основы и содержания подрыва.

О том, что обобществление представляет собой процесс, противоположный обособлению, отчетливо показано В. И. Лениным в его характеристике обобществления труда капиталистическим производством, которое состоит ”в том, что концентрация капиталов сопровождается специализацией общественного труда, уменьшением числа капиталистов в каждой данной отрасли промышленности и увеличением числа особых отраслей промышленности; — в том, что многие раздробленные процессы производства сливаются в один общественный процесс производства”¹¹. Причем рост обобществления производства при капитализме прямо связан с развитием производительных сил, которые требуют по мере своего движения соответствующих организационных и общественных форм. ”Крупное капиталистическое хозяйство, по самой уже технической природе своей, есть обобщественное хозяйство, т. е. и работает оно на миллионы людей и объединяет своими операциями, прямо и косвенно, сотни, тысячи и десятки тысяч семей”¹², — подчеркнул В. И. Ленин.

Таковым ”крупным капиталистическим хозяйством” как раз и является экономический комплекс каждого монополистического объединения. Эволюция форм монополий отражает, с одной стороны, рост обобществления капиталистического производства, а с другой (что прямо и непосредственно связано с первым) — подрыв обособленности производителей различного вида. Чем выше уровень обобществления, тем больше развивается подрыв обособленности. В этом состоит, можно сказать, количественный аспект подрыва как обособленности, так и товарного производства в целом. Качественная же сторона подрыва характеризуется не просто сужением сферы товарных отношений, а воздействием достигнутой степени подрыва обособленности на весь механизм воспроизводства общественного капитала, на действие экономических законов в условиях высокоразвитой государственно-монополистической экономики. Повышение уровня обобществления прямо ведет к перестройке и приспособлению системы производственных отношений к новым условиям развития. Это значит, что и для процесса подрыва товарного производства при империализме свойствен переход количественных изменений в качественные.

Если остановиться на политико-экономической характеристике современного монополистического объединения, то принципы его внутрифирменной деятельности целиком построены на подчинении всех звеньев объединения интересам

монополистического капитала. Каждое звено включено в регулируемый руководством монополии с помощью многочисленных специальных служб хозяйственный процесс, нацеленный на общий результат. При этом конкретная задача отдельного звена может быть самой различной — от минимизации издержек до максимизации объема выпуска. Но во всех случаях ничто не должно противостоять ближайшей или перспективной цели монополии. Сколько бы предприятий или других звеньев ни входило в объединение, экономическое положение каждого из них зависит не от показателей их собственной деятельности, а от решений монополистического объединения. Выступая в общественном производстве как единое целое, оно ориентирует внутрифирменную деятельность в соответствии с тактикой и стратегией своего поведения в национальном и мировом капиталистическом хозяйстве.

Понятно, что такого рода отношения внутри монополии свидетельствуют о полном отсутствии экономического обособления какого-либо звена. Здесь важно также заметить, что сам характер разделения труда в объединении не только касается процесса производства, но и связан с обеспечением оборота как всего монополистического капитала, так и его функциональных форм. При таких обстоятельствах функции звеньев монополии варьируются по всему воспроизводственному циклу (снабжение, подготовка и организация производства, процесс производства, сбыт). Тем самым под полным контролем монополии фактически находится часть общественного разделения труда. Это особенно становится очевидным, если учесть, что каждое объединение имеет тысячи и десятки тысяч мелких компаний-поставщиков, находящихся практически в полной экономической зависимости от монополий. И хотя поставщики сохраняют свою юридическую самостоятельность и осуществляют поставки своей продукции через куплю-продажу, весь комплекс отношений между объединениями и его поставщиками строго обусловлен диктатом монополии. Поэтому у компании-поставщика сохранился лишь один элемент экономической свободы — в любой момент быть отвергнутой своим могущественным патроном — объединением.

Все это показывает, что в монополистическом объединении мало условий для существования реальных товарных отношений. Монополия как тип отношений в своем развитии устраняет основу для конкуренции прежде всего внутри монополии как формы производства. Вместе с тем, сосредоточив громадную экономическую мощь, каждое объединение неизбежно оказывает воздействие на все хозяйственные единицы тех отраслей экономики, которые оказываются сферой монополистических интересов. В результате если внутри монополии обособленность звеньев практически устранена, то вне ее обособленность других производителей оказывается в нема-

лой степени подорванной. Подрывается обособленность и самих монополистических объединений, особенно если иметь в виду их отношения между собой, а также отношения с буржуазным государством как экономическим центром. "...Нескольким десяткам гигантских предприятий легко прийти к соглашению между собою,— подчеркнул В.И. Ленин,— а с другой стороны затруднение конкуренции, тенденция к монополии порождается именно крупным размером предприятий"¹³.

Поскольку при империализме процесс обобществления развивается в основном в монополистической форме, постольку развитие именно капиталистической монополии (частной и государственной) как раз и ведет к подрыву обособленности, к подрыву повсеместного господства товарных отношений. Если сосредоточить внимание только на причинно-следственной зависимости, то конкуренция, рыночные отношения, стихийность общественного воспроизводства — результат и выражение обособления производителей, а подрыв обособления — следствие развития обобществления. В объективно возникшей последовательности растущее обобществление ведет к подрыву обособленности, а это прямо отражается на всей системе товарного хозяйства. В наше время особо актуальное звучание приобрели ленинские слова: "Капитализм в его империалистической стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства"¹⁴.

Вместе с тем капиталистическая форма обобществления приводит к тому, что монополия получает возможность (а стремление к максимизации прибыли толкает ее дальше) к еще большему расширению своего господства. В результате рост монополизации экономики может опережать процесс ее обобществления. Здесь решающую роль играет финансовый капитал, опираясь на который монополии удается подчинять себе самых разнородных производителей, проникать в самые различные сферы хозяйства. Возникающие таким образом конгломераты, несомненно, являются детищем финансового капитала. Как никакой другой предшествующей форме, финансовому капиталу свойственно отделение от непосредственного приложения капитала к производству. Отмечая эту особенность, В.И. Ленин сделал вывод: "Империализм или господство финансового капитала есть та высшая ступень капитализма, когда это отделение достигает громадных размеров"¹⁵. Вот и получается, что финансовый капитал, подчиняя себе процесс подрыва товарного производства, создает благоприятные условия, когда "главные прибыли достаются "гениям" финансовых проделок"¹⁶. В самой сути подрыва товарных отношений при империализме обнаруживается подчиненность этого процесса магнатам финансового капитала.

При исследовании противоречий развития капиталистической монополии, структуры отношений монополистического

господства, а также взаимосвязи рынка и монополии были рассмотрены те явления, которые выступают как формы подрыва обособленности производителей, как формы подрыва товарного производства. Развитие этих форм самым непосредственным образом связано с возрастанием экономической роли буржуазного государства. Как показал анализ противоречий капиталистического хозяйствования, формирование буржуазного государства как экономического центра — следствие растущего обобществления производства и вызванного им обострения противоречий воспроизводства общественного капитала. То, что составляет основу возникающих при этом явлений, "есть изменяющиеся общественные отношения производства"¹⁷.

При таких отношениях производства рынок теряет свою единоличную роль регулятора структуры экономики и воспроизводства общественного капитала. Преодоление неизвестности рынка для производителей, выпускающих подавляющую часть промышленной продукции страны, означает, что при растущих объемах актов купли-продажи все большее развитие получают вне рыночные формы обмена. Значительно сокращается в связи с этим роль конкуренции в сфере обращения. Расширение государством закупок товаров и услуг, распространение различных систем контрактов, производство товаров длительного пользования преимущественно по предварительным заказам потребителей, увеличение внутрифирменного оборота продукции в экономических комплексах монополий — эти и другие процессы свидетельствуют о подрыве традиционных рыночных связей между производителями, регулируемые по существу нерыночными отношениями. Тем самым возникает ситуация, когда, с одной стороны, подрывается влияние механизма спроса и предложения на формирование цен, по которым в новых условиях производится купля-продажа, а с другой — появляется острая потребность в каком-то дополнительном регуляторе общественного воспроизводства. Такую роль берет на себя государственно-монополистическое регулирование, которое таким образом становится также своеобразной формой подрыва товарных отношений.

Конкуренции, как известно, принадлежит особая роль в становлении и развитии как товарного производства, так и капитализма вообще. Если рынок характеризует отношения производителей лишь в сфере обмена, то конкуренция присутствует во всех фазах воспроизводства. Вот почему именно конкуренция и представляет собой механизм действия экономических законов в системе товарного хозяйства, и прежде всего его основного закона — закона стоимости. Поскольку в сфере господства монополий конкурентные отношения заменяются отношениями монополии, постольку единый механизм действия экономических законов в немалой степени

подрывается. Решающим фактором в формировании общественно необходимых затрат, в распределении труда и капитала между отраслями становится монополия. Другими словами, согласно своей роли в экономике монополии с помощью государственной монополии перестраивают весь механизм ценообразования.

Монополистические объединения являются основными не только производителями, но и потребителями. Поэтому именно в их сторону перемещается своеобразный центр формирования общественных потребностей как по структуре, так и по величине. Разумеется, монополии не действуют "единым фронтом". Оставаясь обособленными гигантскими товаропроизводителями, они сохраняют между собой отношения конкуренции. Это обстоятельство и предопределяет стихийный характер и "по-монополистически" формирующихся общественных потребностей. Выражением подрыва товарно-стоимостного механизма ценообразования становятся монопольные цены. Точно так же, как между образованием стоимости и формированием цены производства имеют место опосредствующие звенья, подрыв закона стоимости опосредованно отражается в монопольном ценообразовании.

Таким образом, содержательная сторона каждой из рассмотренных форм подрыва товарного производства затрагивает всю систему отношений производителей как в сфере производства, так и в сфере обращения. Но повсеместное использование товарных форм, в том числе купли-продажи, скрывает существенные изменения, происшедшие при империализме вследствие роста обобществления производства и его монополизации. Вместе с тем подрыв обособленности не приводит и не может привести к устранению товарного производства. "Атомистическая" структура капиталистической экономики сохраняется, каких бы размеров ни достигали ее "атомы"— монополистические объединения или другие производители. Сама природа капитала препятствует уничтожению обособленности товаропроизводителей, хотя и имеет место ее глубокий подрыв. Это значит, что основой функционирования современного капиталистического хозяйства остаются товарные отношения, когда стоимостная форма учета и распределения общественного труда не имеет никакой иной альтернативы. Поэтому закон стоимости сохраняет атрибуты основного закона развития товарной базы и высокоразвитой государственно-монополистической экономики.

Однако подрыв товарных отношений свидетельствует о появлении в системе капиталистических производственных отношений новых противоречий, которые носят постоянный и безысходный характер. Вырастая из капиталистического товарного производства, монополия не может целиком экономически реализоваться в рамках товарных отношений, и в то же время она, оставаясь по своей природе капиталисти-

ческой, не в состоянии полностью устранить товарное производство, не уничтожая при этом саму себя и капиталистическую систему в целом. И если другие противоречия так или иначе разрешаются в пределах системы капиталистических отношений, то противоречия, возникающие с подрывом товарного производства, могут найти разрешение только в результате революционного перехода к новому общественному строю. В этом и состоит безысходность вызванных подрывом товарного производства противоречий¹⁸.

В советской экономической литературе проблема подрыва товарного производства при империализме активно изучается. Все больше советских ученых приходит к выводу, что целый ряд новых явлений и тенденций в условиях современного капитализма — проявление глубинных изменений в характере отношений производителей, вызванных подрывом товарного производства¹⁹. И хотя среди советских экономистов еще нет однозначного толкования содержания подрыва, его форм и значения в развитии современного капитализма, все же активное обсуждение в научной литературе этого вопроса свидетельствует о важности его решения для политической экономии. Марксистско-ленинская оценка подрыва товарных отношений позволяет дать аргументированную критику буржуазных рецептов спасения капитализма, на что бы эти рецепты ни нацеливали экономические программы правительств капиталистических стран — утопическое восстановление рыночной стихии, обновление государственного регулирования или эклектическое смешение того и другого.

Подрыв товарного производства означает, что в системе капиталистических производственных отношений возникают и существуют нетоварные по сути отношения. Такие отношения, к примеру, нельзя свести к отношениям монополии, поскольку последние противостоят конкурентным отношениям. А конкуренция есть лишь одно из условий (хотя и основное) существования и развития товарных отношений. Не помогает раскрытию сути нетоварных отношений и отнесение их к разряду просто регулируемых, так как в этом случае нет указания на источник и субъект регулирования. Между тем нетоварные отношения появляются в условиях высокообобщественного производства, подчиненного капиталистической монополии. Обобщественное производство отрицает независимую, частную форму труда и все больше включает общественный характер труда, который требует планомерной организации. Но и эта планомерная организация — своеобразный метод, служащий укреплению господства именно монополистического капитала. Вот почему нетоварные отношения предстают как отношения "монополистической планомерности". В чем же состоит политико-экономическая природа "монополистической планомерности"?

2. Монополистическое господство — орудие эксплуатации

Даже в период расцвета свободной конкуренции внутри производственно-хозяйственных единиц имели место нетоварные отношения. Однако их природа на различных стадиях развития капитализма неодинакова. Суть нетоварных отношений зависит от того, какое место они занимают в воспроизводстве капитала, как влияют на общественное воспроизводство. Важное значение имеет как сам переход от товарных к нетоварным отношениям, так и условия этого перехода.

Первую стадию в производстве относительной прибавочной стоимости (простую кооперацию) К. Маркс определил как систематическую, сознательную и "планомерную форму" капиталистического производства²⁰. Но тут "планомерность" сводилась к жесткой регламентации труда наемных рабочих непосредственно в процессе производства. И хотя с появлением мануфактуры получает развитие разделение труда, но опять же это разделение труда касается только распределения рабочих сообразно их трудовым функциям в едином производственном процессе внутри мануфактуры. И в этом смысле "производственная планомерная форма" в мануфактуре поднимается на новую ступеньку в своем общественном развитии. К. Маркс дает развернутую характеристику отношений, складывающихся в мануфактуре: "...что характеризует разделение труда в мануфактуре? Тот факт, что здесь частичный рабочий не производит товар. Лишь общий продукт многих частичных рабочих превращается в товар. Разделение труда внутри общества опосредствуется куплей и продажей продуктов различных отраслей труда; связь же между частичными работами внутри мануфактуры опосредствуется продажей различных рабочих сил одному и тому же капиталисту, который употребляет их как комбинированную рабочую силу. Мануфактурное разделение труда предполагает концентрацию средств производства в руках одного капиталиста, общественное разделение труда — раздробление средств производства между многими не зависимыми друг от друга товаропроизводителями"²¹.

Техническая основа фабричного производства резко изменяется. Теперь уже система машин предопределяет разделение труда внутри фабрики. Еще больше возрастает необходимость в четкой координации трудового процесса, согласованной деятельности всех занятых на фабрике. Однако и "на каждой фабрике труд систематически разделен, но это разделение осуществляется не таким способом, что рабочие обмениваются продуктами своего индивидуального труда"²². Каких бы размеров ни достигала фабрика при капитализме свободной конкуренции, планомерная форма ее деятельности относилась только к производственному процессу. Если рассмотреть воспроизводство индивидуального капитала, то под плано-

мерным воздействием каждого капиталиста — владельца фабрики находилось движение только функциональной формы производительного капитала. Понятно, что при таких обстоятельствах отношения внутри фабрики не затрагивали отношений между производителями в обществе. Это значит, что товарные отношения и механизм функционирования капиталистической экономики в целом не имели в тот период никакой другой альтернативы в системе сложившихся производственных отношений. Поэтому нетоварные отношения внутри фабрики обуславливались товарной формой производителей, товарной формой развития общественного разделения труда и достигнутым уровнем обобществления производства.

Таким образом, появление нетоварных отношений в системе товарного хозяйства прямо связано с процессом обобществления производства. Но, до тех пор пока обобществление производства не касалось непосредственно взаимосвязи между различными звеньями разделения труда в обществе, возникновение разделения труда и нетоварных отношений внутри отдельной производственно-хозяйственной единицы не противоречило господству товарных отношений, а потому и не выражало какой-то новой общественной связи производителей. Другими словами, "производственная планомерная форма" целиком развивалась в пределах товарной формы связи производителей.

Важное методологическое и теоретическое значение для исследования формы общественной связи производителей имеет то обстоятельство, что в общественном развитии есть такой период, когда уровень обобществления производства соответствует максимально возможной степени обособления производителей. В этот период, который исторически совпадает с машинной стадией капитализма свободной конкуренции, товарное производство достигает своего расцвета во всех своих проявлениях и товарные отношения выступают всеобщей и единственной формой связи между производителями в общественном производстве. Поэтому в тот период и общественное разделение труда не знало никакой другой формы своего развития, кроме товарной.

Однако сами же товарные отношения, базирующиеся на общественном характере производства, способствуют дальнейшему росту обобществления производства. В результате наступает момент, когда растущее обобществление производства уже не вмещается в товарную форму связи и становится материальной основой для становления и развития новой, ранее обществу неизвестной, нетоварной формы связи. Иначе говоря, процесс обобществления производства при капитализме распадается как бы на два этапа. Первый этап — развитие обособления производителей и появление нетоварных отношений внутри производственно-хозяйственных единиц. Такие нетоварные отношения не противостоят всеобщности товарно-

сти, а, наоборот, способствуют ее укреплению. Второй этап — подрыв обособления производителей и появление нетоварных отношений, противостоящих товарности и свидетельствующих о диалектическом отрицании развивающимся общественным характером производства товарной формы связи производителей. Начало второго этапа обусловлено возникновением монополистических объединений, становлением системы монополистического господства.

Анализ противоречий развития капиталистической монополии показал, что ее экономическая реализация предполагает как раз воздействие на отношения между производителями, на механизм функционирования экономики. Разделение труда внутри монополий далеко перешагнуло непосредственный процесс производства и по существу затронуло почти все фазы воспроизводства монополистического капитала. Многоотраслевой характер объединений отражает подчинение монополии определенной части звеньев общественного разделения труда. Если учесть, что степень распространения отношений монополии не ограничивается ее юридически зафиксированными рамками, а охватывает немало и других производителей, то становится понятным, что возникающие при таких обстоятельствах нетоварные отношения выражают уже совершенно иной род связей. Их сходство с отношениями внутри фабрики состоит лишь в использовании для их обозначения одного и того же термина "нетоварные". Теперь такие отношения противостоят товарным, они выражают историческую необходимость смены товарных отношений на новую форму общественной связи производителей. Но в условиях господства капиталистических производственных отношений как товарные, так и нетоварные отношения подчинены самовозрастанию капитала. С этой точки зрения социальная значимость нетоварных отношений мало чем отличается от товарных, хотя нетоварные отношения соответствуют качественно более высокому уровню развития производительных сил.

Основоположники марксизма-ленинизма определили нетоварные отношения, обусловленные становлением и развитием капиталистических монополий, как планомерные отношения. Выступая на Апрельской конференции РСДРП в 1917 г. при обсуждении резолюции о текущем моменте (в которой содержалась характеристика всемирного капиталистического хозяйства), В. И. Ленин подчеркнул: "Интересно то, что Энгельс 27 лет тому назад отметил неудовлетворительность такой постановки вопроса о капитализме, которая не учитывает роли трестов, которая говорит: "капитализм отличается отсутствием планомерности". Энгельс замечает на это: "где есть трест, там нет отсутствия планомерности и есть капитализм"²³. В. И. Ленин подробно раскрывает, с помощью каких отношений капиталистическая монополия экономически реализуется. "Когда крупное предприятие,— пишет он,— становится гигант-

ским и планомерно, на основании точного учета массовых данных, организует доставку первоначального сырого материала в размерах: $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$ всего необходимого для десятков миллионов населения; когда систематически организуется перевозка этого сырья в наиболее удобные пункты производства, отделенные иногда сотнями и тысячами верст один от другого; когда из одного центра распоряжаются всеми стадиями последовательной обработки материала вплоть до получения целого ряда разновидностей готовых продуктов; когда распределение этих продуктов совершается по одному плану между десятками и сотнями миллионов потребителей... тогда становится очевидным, что перед нами налицо обобществление производства”²⁴.

Как видно, отмеченные В.И. Лениным методы хозяйствования монополий значительно отличаются от деятельности обычного обособленного товаропроизводителя. Между тем в XX в. процесс обобществления и монополизации капиталистического производства развивался огромными темпами. В.И. Ленин приводит данные по США за 1909 г., когда там насчитывалось 3060 предприятий, имевших объем производства свыше 1 млн. долл.²⁵ По промышленной переписи 1977 г. таких компаний в обрабатывающей промышленности оказалось уже 61 632, т. е. в 20 раз больше. Причем 653 корпорации выпускали в год продукции на 260 млн. долл. и больше. Из них многоотраслевыми были 642 объединения (2,2% от общего числа компаний), которым принадлежало 126 662 предприятия (26% от всех предприятий промышленности), выпускавших продукции более чем на 897 млрд. долл. (63,7% отраслевого объема). На предприятиях многоотраслевых концернов было занято 11,8 млн. человек, или 53,3% от всех занятых в обрабатывающей промышленности²⁶. Легко видеть, какая гигантская экономическая мощь сосредоточена у небольшого числа концернов, оуптавших сеть предприятий всю страну.

Теперь к числу крупнейших объединений относятся такие, объем продаж которых превышает 1 млрд. долл. Чтобы наверняка оказаться среди 500 крупнейших промышленных корпораций страны, компания должна иметь объем производства не менее 0,5 млрд. долл. Так же как и в начале века, процветают нефтяные монополии. Концерн ”Экссон” в последние годы возглавляет список самых крупных монополистических объединений как США, так и всего капиталистического мира. Ныне его предприятия по добыче, переработке, транспортировке нефти и газа, а также в других отраслях промышленности расположены почти в 100 странах. Оборот по продажам этого монополистического гиганта превышает совокупный общественный продукт таких развитых капиталистических стран, как Австрия, Дания, Норвегия, Финляндия и др. Если же сравнить объем торговых операций ”Экссон” с бюджетами буржуазных правительств различных стран, то монополия

располагает значительно большими средствами, чем правительства немалого числа стран.

Электротехнический концерн "Дженерал электрик" имеет свыше 200 заводов в 34 штатах США и более 120 в 24 капиталистических странах. Спектр выпускаемой концерном продукции простирается от самых разнообразных электробытовых приборов до оборудования для атомных электростанций и космических кораблей. Тысячи нитей связывают монополию с ее поставщиками и потребителями. Такой экономический комплекс может функционировать, лишь постоянно согласовывая деятельность всех своих звеньев, где бы они ни находились и какая бы функциональная задача ни была перед ними поставлена. "Планомерная организация" работы монополистического объединения не сводится к какой-то "технической операции" по наладке лишь производственного процесса. Она представляет собой деятельность, включающую распределение труда и капитала между различными отраслями, где представлен концерн, а также поиск наиболее выгодных для монополии сочетаний сферы производства и сферы обращения, что позволяет ей в известных пределах "снимать" противоречие между производством и потреблением. Очевидно, что при таком уровне обобществления и монополизации производства не стихийная игра рыночных сил и не борьба интересов различных звеньев лежат в основе функционирования экономического комплекса объединения.

Однако "планомерные отношения", привнесенные в систему производственных отношений капиталистической монополией, имеют важные особенности. Во-первых, они развиваются в условиях господства товарного хозяйства, когда товарные отношения сохраняют всеобщий характер. Во-вторых, они "служат" каждой, отдельно взятой монополии, поэтому, подобно разобщенности монополий, не существует при империализме "единых", т.е. представляющих собой какую-то объединенную сферу экономики или ее сектор, планомерных отношений, хотя политико-экономическая природа их одинакова. Эти особенности предопределяют и формы существования, и историческое место "планомерных отношений".

Изучение деятельности современных монополистических объединений показывает, что само существование огромных многоотраслевых экономических комплексов отрицает товарный характер связей как между звеньями объединения, так и в его отношениях с другими производителями. Жесткое подчинение всех подразделений общей цели монополии выдвигает на первое место при внутрифирменном планировании не стоимостные, а натурально-вещественные показатели. Будучи включенным в планомерный организм монополии, каждое ее звено не только нацеливается на решение определенных задач, но и обеспечивается необходимыми условиями для их достижения. Тем самым воспроизводство каждого

подразделения концерна находится в компетенции монополистического капитала.

Это значит, что обеспечение подразделений сырьем, материалами, энергией, оборудованием, рабочей силой, коммуникациями и т. п., с одной стороны, реализация их продукции и перестройка производственной программы — с другой, представляют собой составные элементы планомерной деятельности объединения. В результате для звеньев монополии снимается противоречие между производством и потреблением, противоречие между общественным и частным трудом. Снятие этих противоречий свидетельствует об утверждении нетоварных, "планомерных отношений" в монополистическом объединении. Даже в буржуазной экономической литературе (при всем ее преклонении перед денежным тельцом) в тех случаях, когда речь идет об отношениях между звеньями монополии или об организации деятельности их предприятий, денежные формы отступают на второй план или вообще не упоминаются²⁷.

Господство "планомерных отношений" внутри экономического комплекса монополии выражается и в том, что обмен между звеньями разделения труда объединения не опосредуется куплей-продажей, а осуществляется с помощью условно-расчетных, трансфертных, цен. Каким бы образом трансфертные цены ни формировались, по своей сути они являются инструментом планомерного регулирования деятельности монополии. Поэтому можно говорить о планомерной природе трансфертных цен. В самой форме условно-расчетной цены происходит отрицание ее товарного содержания, подверженного конъюнктурным колебаниям стихийно складывающегося соотношения спроса и предложения. Величина трансфертной цены, время действия и сфера распространения, ее регулирующая и стимулирующая функции задаются и определяются руководством монополии. Сохраняя товарную форму, такие цены обслуживают нетоварные отношения между подразделениями концерна. В то же время в трансфертных ценах наглядно обнаруживается зависимость и известная подчиненность "планомерных отношений" товарной всеобщности капиталистического строя. Но экономическая реализация капиталистической монополии невозможна без использования "планомерных отношений".

Монополия, рождаясь из конкуренции, насаждает свое господство с помощью планомерности, пытаясь таким образом воздействовать на товарный механизм экономики в целом. Даже в отношениях между зарубежными филиалами международной монополии, где взаимные поставки продукции не могут не происходить через куплю-продажу, определяющим является не стихия мирового рынка, а производственная и коммерческая программы компании. Это, в частности, проявляется в трансфертных ценах, используемых международ-

ными монополиями. Тем самым сфера "планомерных отношений" не просто перешагивает границу отдельной монополии, но и затрагивает международные экономические отношения в той мере, в какой они попадают под влияние многонациональных монополистических гигантов.

Уже в пределах отдельного монополистического объединения "планомерные отношения" воздействуют на отраслевые пропорции, на взаимосвязь производства и обращения. Такое воздействие каждая монополия стремится распространить и на других производителей, чтобы как можно полнее реализовать свое положение, как можно больше максимизировать прибыль. Такие факты, как значительное влияние на формирование общественных потребностей, регулирование объема производства вне прямой зависимости от размеров своих производственных мощностей, реализация продукции и услуг преимущественно известному потребителю, навязывание обществу своих затрат как общественно необходимых, свидетельствуют, что "планомерные отношения" не замыкаются рамками отдельной монополии, а все больше характеризуются сферой распространения ее экономических интересов.

Но интересы монополий противостоят друг другу при дележе созданной прибавочной стоимости. Поэтому, подобно тому как при капитализме не может быть абсолютной монополизации производства, точно так же не может быть абсолютного охвата "планомерными отношениями" экономики в целом. Во-первых, наряду с монополистическими объединениями существует огромная масса производителей, образующих немонополизированный сектор экономики, ибо "финансовый капитализм не устраняет низших (менее развитых, отсталых) форм капитализма, а растет из них, над ними"²⁸. Во-вторых, "планомерные отношения" опираются на высокообобществленное производство, свойственное современным крупнейшим монополиям, каждая из которых олицетворяет обособленный монополистический капитал. Вот почему сам процесс становления "планомерных отношений" при империализме и условия их развития исключают как полную замену товарных отношений "планомерными", так и превращение планомерности во всеобщую форму движения способа производства. Самовозрастание монополистического капитала невозможно без "планомерных отношений" и в то же время невозможно вне товарной формы.

Отдельный монополистический капитал отличается от индивидуального промышленного капитала периода свободной конкуренции не своей природой (она у них одинаковая), а различными уровнями развития обобществления производства и производственных отношений. Каких бы гигантских размеров ни достигал отдельный монополистический капитал, он всегда остается частным. Если при воспроизводстве отдельного монополистического капитала все большую роль играют

"планомерные отношения", то воспроизводство всего общественного капитала в современных условиях по-прежнему происходит при господствующем значении товарных отношений. Вследствие этого в воспроизводственном процессе возникают новые противоречия, в частности между товарностью и "планомерностью".

Таким образом, отчетливо видна вся сложность перехода от противоречия между конкуренцией и монополией к противоречию между товарностью и "планомерностью". На подчиненный, зависимый характер планомерных отношений при империализме специально обратил внимание В.И. Ленин. "Полной планомерности,— писал он,— конечно, тресты не давали, не дают до сих пор и не могут дать. Но поскольку они дают планомерность, поскольку магнаты капитала наперед учитывают размеры производства в национальном или даже интернациональном масштабе, поскольку они его планомерно регулируют, мы остаемся все же при капитализме, хотя и в новой его стадии, но несомненно при капитализме"²⁹. В.И. Ленин подчеркнул ряд существенных моментов.

Во-первых, "планомерность" прямо связывается с капиталистической монополией, трестом. Во-вторых, направителем "планомерности", ее субъектом выступает именно монополия. В-третьих, "планомерность" позволяет монополиям учитывать размеры своего производства исходя из ситуации как в национальной, так и в мировой капиталистической экономике. В-четвертых, "планомерность" используется магнатами капитала сугубо в своих корыстных целях, интересах. В-пятых, "планомерность" развивается в общей обстановке капитализма, который использует ее для продления своего существования. И наконец, "планомерность" дает каждый трест, она связана с каждой монополией, а потому такая планомерность носит дискретный характер, прерываемый обособленностью монополистических производителей.

Отсюда следует, что хотя в условиях современного капитализма монополистические объединения выпускают подавляющую часть промышленной продукции, это вовсе не означает, что в буржуазном обществе существует какая-то единая "планирующая система", как утверждает Дж. Гэлбрейт³⁰, в которой "планомерно" рождается вся продукция. "Планомерность" каждой монополии не подлежит общему суммированию точно так же, как не складываются в общий интерес интересы различных монополий по максимизации прибыли. Сама природа капиталистического строя отрицает любую основу для возникновения подобной "планирующей системы". Каждая монополия представляет "свою планомерность". При этом, разумеется, содержание категории "планомерность" остается одинаковым, хотя монополии по-своему реализуют объективно возникшие необходимость и возможность в "планомерной организации" своей деятельности. Кон-

кретные методы планирования, экономические и другие рычаги управления, организация разделения труда и структура управления и объединения — все это по-прежнему является объектом коммерческой тайны, поскольку в немалой степени предопределяет конкурентоспособность и место монополии в общественном производстве.

В советской экономической литературе при характеристике планомерности при империализме нередко используются такие термины, как "неполная планомерность", "частичная планомерность", "элементы планомерности" и т.д. Тем самым, с одной стороны, подчеркивается невозможность полной планомерности при империализме, т.е. планомерности в масштабе всей экономики, а с другой стороны, противопоставляется планомерность социалистического общества планомерности монополий³¹. Такой подход вполне правомерен, если сравнивать всеобщие формы движения производственных отношений капитализма и социализма. Однако если рассматривать изменяющиеся общественные отношения производства с точки зрения развития капиталистического способа производства как такового, то категория "планомерности" приобретает однозначное, исторически и логически определенное выражение в термине "монополистическая планомерность". Сам по себе термин "планомерность" указывает на суть новых отношений. Определение "монополистическая" не просто фиксирует исторически определенную форму планомерности, а раскрывает ее направителя, социальную значимость и сферу распространения. В этом определении заложено также подчинение возникающей при империализме "планомерности" господствующим товарным отношениям, поскольку развитие самой капиталистической монополии немислимо вне товарной формы. Тем самым в категории "монополистическая планомерность" заключены как внутренние противоречия ее собственного развития, так и противоречия между "монополистической планомерностью" и товарностью. Поэтому представляется, что категория "монополистическая планомерность" отражает реальное состояние развития и места "планомерных отношений" в системе производственных отношений современного капитализма. Разумеется, раскрытие "монополистической планомерности" предполагает ее дальнейшее политико-экономическое исследование. Советские экономисты, изучающие современный капитализм, в своих работах все чаще используют именно термин "монополистическая планомерность"³².

Направителем, субъектом "монополистической планомерности" является капиталистическая монополия, как частная, так и государственная. Поэтому "монополистическая планомерность" характеризует и экономическую деятельность буржуазного государства. Сохраняя коренные черты капиталистической монополии вообще, государственная монополия

хотя и действует в национальном масштабе, однако ее воздействие на экономические процессы ограничивается обособленностью монополистических и других производителей. Другими словами, "монополистическая планомерность" (и как орудие буржуазного государства) не превращается в народно-хозяйственную планомерность, а служит интересам прежде всего монополистического капитала.

Примечательно, что еще в 1894 г. В.И. Ленин отмечал: "Обобществление труда капитализмом продвинулось так далеко, что даже и в буржуазной литературе громко говорят о необходимости "планомерной организации народного хозяйства""³³. В буржуазной литературе продолжают говорить о планировании национальной экономики, но до "планомерной организации народного хозяйства" капиталистических стран дело так и не дошло и не может дойти. Вместе с тем по сравнению с началом XX в. экономическая роль буржуазного государства значительно возросла. Важным инструментом воздействия на экономику стал государственный бюджет, использование которого строится фактически вне прямой связи с рыночными ориентирами. Как государственные инвестиции, так и закупки товаров и услуг преследуют прежде всего цель создания благоприятных условий для воспроизводства монополистического капитала. Использование при этом товарных форм не может скрыть по сути нетоварных отношений, возникающих между государством и его контрагентами. В связи с этим Н. А. Цаголов замечает: "Отношения монополистического принуждения, монополистической планомерности внешне носят, безусловно, товарный характер, хотя и содержат в себе отношения, прямо противоположные товарным. Наиболее выпукло эта планомерность обнаруживается именно в государственном бюджете государственно-монополистического капитализма. За денежными формами буржуазного бюджета скрываются элементы планомерности"³⁴.

Рассматривая отношения, складывающиеся между государством и монополиями — поставщиками вооружения, А. А. Демин приходит к выводу, что в современных условиях "между государством и монополиями устанавливаются не чисто рыночные отношения. Они охватывают само производство. Рыночные отношения оказываются лишь формой, за которой скрываются более существенные связи". По его мнению, устойчивый характер связей между государством и монополиями не только в области производства вооружений, но и в других сферах экономики приводит к возникновению различных государственно-монополистических комплексов, в которых укрепляется "определенное плановое начало"³⁵.

В специальном исследовании практики планирования в крупнейших монополистических объединениях и в правительственных органах, предпринятом под эгидой американского комитета за экономическое развитие, обращается вни-

мание на то, что планирование в бизнесе и в государственных организациях различается своими функциями, ответственностью и целями. При этом подчеркивается "совершенно конфиденциальный" характер процесса планирования в компаниях и подверженность "публичному взору" плановой процедуры в органах государства. Если основной целью бизнеса, а следовательно, и планирования в компаниях является получение прибыли, то буржуазное государство в своей экономической деятельности "не имеет такой превалирующей, единственной целевой задачи, как прибыль"³⁶.

В американском журнале высших управленческих кругов "Харвард бизнес ревью" утверждается, что "истинным источником прибылей бизнеса и успеха правительства является удовлетворение потребностей людей"³⁷. Даже если оставить без внимания явную апологетичность этого утверждения, все же нельзя не видеть, что журнал выделяет различные критерии деятельности бизнеса и государства — "прибыль" и "успех". Причем "потребности людей" отходят на задний план, когда речь идет об удовлетворении государством интересов прежде всего бизнеса, интересов монополистического капитала. По мнению американских специалистов Дж. К. Лоджа и В. Р. Гласса, деятельность правительства и бизнеса все больше нуждается в координации, чтобы поддержать высокую прибыльность компаний США в условиях растущей интернационализации производства и повышения роли мирового рынка в развитии национальной экономики. Для этого они предлагают создать специальный орган или наделить соответствующими полномочиями американский совет торговых представителей³⁸.

Подобно тому как "монополистическая планомерность" международных монополий "перешагивает" национальные границы, экономическая деятельность буржуазного государства затрагивает сферу международных экономических отношений. Государство шагает вслед за монополиями, чтобы поддержать "своих" бизнесменов в конкурентной схватке с зарубежными производителями. И все это делается за счет казны, за счет средств налогоплательщиков. Характеризуя эту сторону деятельности буржуазного государства, В. И. Ленин подчеркнул, что, с одной стороны, "государственная монополия в капиталистическом обществе есть лишь средство повышения и закрепления доходов для близких к банкротству миллионеров той или иной отрасли промышленности", а с другой — частный бизнес настроен "именно для взимания миллионов и миллионов "сверхприбыли" с того же государства"³⁹.

Через отношения "монополистической планомерности" государство прямо или косвенно способствует максимизации прибылей монополий как путем усиления непосредственной эксплуатации трудящихся, так и через механизм налогообло-

жения и перераспределения национального дохода. Поэтому, хотя внешне критерии деятельности бизнеса и государства различаются, по существу целевая функция "монополистической плановости" и тогда, когда ее субъектом является частная монополия, и тогда, когда ее субъектом выступает государственная монополия, одна и та же — реализация основного экономического закона капитализма. В этом и состоит капиталистическая природа "монополистической плановости".

Развиваясь в системе капиталистических производственных отношений, "монополистическая плановость" воспринимает коренные черты этой системы. Представляя собой отношения нетоварного типа, она реализуется через товарные формы в общей обстановке товарного хозяйства. Вот почему наряду с внутренними противоречиями "монополистической плановости" особую значимость приобретают противоречия между товарностью и "плановостью", между всей системой капиталистических производственных отношений и "монополистической плановостью".

Монополистические объединения стремятся поддерживать на высоком уровне мобильность внутрифирменного механизма. С этой целью большинство крупнейших концернов развивают собственные транспортные коммуникации, линии связи, с помощью собственных средств организуют доставку сырья и материалов из других стран и своей продукции на мировой рынок. В результате огромная масса общественного труда затрачивается в угоду монополиям, но бесполезна с общественной точки зрения. Рост монополий неминуемо ведет к бюрократизации их управленческого аппарата. И хотя в организации и планировании производства все большую роль играют ЭВМ, различные системы АСУ и другие методы, в последние годы управленческий персонал достиг $\frac{1}{4}$ всех занятых в компаниях. Процесс согласования деятельности различных звеньев монополистического объединения нередко наталкивается на многочисленные внутрифирменные препоны. По выражению одного из управляющих, в концернах "исписывается две тонны бумаги, чтобы произвести одну тонну продукции"⁴⁰. И в наши дни, как видно, сохранили свою актуальность слова К. Маркса: "Хотя капиталистический способ производства принуждает к экономии в каждом отдельном предприятии, тем не менее его анархическая система конкуренции вызывает безмерное расточение общественных средств производства и рабочих сил, а также множество функций, в настоящее время неизбежных, но по существу дела излишних"⁴¹.

Анализ функционирования современных монополий показывает, что сама природа "монополистической плановости" предопределяет колоссальные затраты человеческого труда, неизбежные для поддержания господства монополий,

”но по существу излишние” для общества в целом. Но и это не может гарантировать монополиям устойчивый рост экономической мощи, выполнение намеченных ими планов. Капиталистическая природа ”монополистической плановости” содержит и ее внутренний предел, который не в состоянии преодолеть ни одно, даже самое крупное, объединение. Вот почему более 40 лет находившийся в руководстве крупнейшего в мире американского автомобильного концерна ”Дженерал моторз” А. Слоун заявлял: ”Мы можем очень точно рассчитывать, какова будет прибыль на единицу продукции при планируемом объеме производства. Но это не равносильно знанию того, какой будет наша прибыль, когда станет известна фактическая величина реализации”⁴². Фактическая величина реализации оказывается функцией многих переменных, большинство из которых остаются вне влияния монополии.

Расширение экономической роли буржуазного государства привело к разрастанию числа регулирующих экономических органов и их аппарата. Как отмечается в одном исследовании деятельности таких органов, решение вопросов по конкретным проблемам, касающихся одной или нескольких компаний, отдельных регионов или отраслей, затягивается порой на десяток лет⁴³. Президент одного крупного химического концерна отмечал, что для постройки нефтехимического завода в Калифорнии стоимостью 300 млн. долл. фирма в течение двух лет затратила 4 млн. долл. на привязку проекта к местности. За это же время концерну удалось получить всего 4 из необходимых 65 разрешений на данное строительство от государственных органов различного уровня⁴⁴. Научный сотрудник Бруклинского института в Вашингтоне Л. Браун пришел к выводу, что ”рост правительства вызывает у граждан растущую защитную реакцию против бюрократии, а у бюрократии — защитную реакцию против ее политических контролеров”⁴⁵. Бюрократы, считает Дж. Вильсон, продолжают ссылаться ”на почитаемые нормы, которые противоречат одна другой”⁴⁶. И хотя буржуазное государство располагает огромными финансовыми и материальными ресурсами, опирается на силу юридических законов, использует научный и организационный потенциал своих различных учреждений, оно действует в ”атомизированной” экономике, состоящей из обособленных хозяйственных единиц. В таких условиях экономическая деятельность государства имеет такие же ограничения, как и ”монополистическая плановость” вообще. ”В любом случае,— признал бывший президент США Дж. Картер,— будущее остается достаточно неопределенным и выполнение планов никогда полностью не находится под нашим контролем”⁴⁷.

Более того, постоянно вмешиваясь в механизм функционирования экономики, государство замедляет стихийное восстановление пропорциональности в воспроизводстве общест-

венного капитала, содействует его хронической диспропорциональности. Именно государственное антициклическое регулирование нередко становится катализатором очередного экономического спада. "Ускорение государством кризисов, — аргументированно доказывает С. М. Меньшиков, — типичное явление в условиях современной капиталистической экономики"⁴⁸. "Монополистическая планомерность" оказывается не в состоянии преодолеть циклический характер капиталистического производства, а наоборот, как показывают факты последних лет, в мире капитала происходят глубокие и затяжные экономические кризисы, сопровождаемые обострением проблем сырья, энергии, расстройством валютно-финансового механизма.

Хотя "монополистическая планомерность" означает принципиально новые отношения в системе капитализма, но и эти отношения поставлены на службу капиталу, монополиям, т. е. становление и развитие "монополистической планомерности" свидетельствуют лишь о появлении нового метода в реализации традиционного мотива буржуа — максимизации прибыли. Только этот "новый метод" используют в своих интересах лишь монополии и государство. В результате монополистический капитал мобилизует для самовозрастания огромные массы человеческого труда, подчиняет себе и немонополистические слои буржуазии. Противоречие между целью производства (прибылью) и средством ее достижения ("монополистической планомерностью") достигает невиданной остроты. Это обострение происходит потому, что "капиталистическое производство по существу своему, — подчеркнул К. Маркс, — является частным производством, даже в том случае, если вместо отдельного капиталиста выступает капиталист ассоциированный"⁴⁹. И на уровне частной капиталистической монополии, и на уровне государственной монополии планомерность служит тому, что "продукт общего труда присваивается горстью капиталистов"⁵⁰.

Если теперь обобщить методологические и теоретические аспекты анализа "монополистической планомерности" и практики ее осуществления, то возникает следующая картина. Прежде всего получает известную определенность само понятие "монополистической планомерности" как отношения. "Монополистическая планомерность" представляет собой общественное отношение производителей, подчиненных капиталистической монополии и функционирующих под ее началом. Такое отношение носит нетоварный характер и выступает при этом альтернативой товарному отношению в пределах капиталистического способа производства на высшей стадии его развития. Общественный характер отношения "монополистической планомерности" в полной мере проявляется тогда, когда монополии удается навязать обществу затраты своего капитала (в том числе труда эксплуатируемых рабочих) как

общественно необходимые. Для достижения этого монополии располагают различными средствами.

С одной стороны, "монополистическая планомерность" выражает подрыв товарного производства при империализме, а с другой — ее реализация невозможна без активного использования товарных форм. Поэтому и в организации деятельности звеньев монополистического объединения, и в процессе формирования издержек производства монополии, и в воздействии на взаимосвязь производства и потребления, отраслевые пропорции широко применяются товарные формы. Всеобщей формой движения капиталистических производственных отношений остаются товарные отношения, а потому и "монополистическая планомерность" развивается как бы "внутри" товарности, воспринимая законы ее движения.

В системе капиталистических производственных отношений "монополистическая планомерность" subordinирована основному отношению этой системы и развивается в соответствии с основным экономическим законом капитализма. Поэтому "монополистическая планомерность" представляет собой средство эксплуатации наемного труда, когда, по словам В. И. Ленина, монополисты получают возможность брать прибыль более "планомерно"⁵¹. Именно благодаря механизму "монополистической планомерности" концерны и другие современные формы монополий экономически реализуются в монопольной прибыли через монопольные цены. Подчиняясь целиком частным интересам монополистов, такая "планомерность" не может не иметь эксплуататорский характер.

В системе экономических законов капитализма непосредственным законом движения "монополистической планомерности" выступает закон монопольной прибыли. Какие бы конкретные шаги ни предпринимала та или иная монополия по совершенствованию механизма хозяйствования, по воздействию на других производителей в национальной или мировой экономике, все они в конечном счете направлены на максимизацию прибыли. Вот почему развитие "монополистической планомерности" происходит не само по себе, не ради общественных интересов, а подчинено строго определенной целевой функции — самовозрастанию монополистического капитала.

Поскольку экономическая реализация капиталистической монополии чрезвычайно затруднена или почти невозможна через "чистый" механизм товарных отношений, постольку таким механизмом становится "монополистическая планомерность". Монополия реализуется через "монополистическую планомерность". Поэтому когда монополия рассматривается как определенный тип отношений, то данными отношениями по существу выступают отношения "монополистической планомерности". Таким образом, "монополистическая планомерность", приходя в указанных пределах на смену товарности, означает как подрыв товарного механизма капи-

талистического хозяйствования, так и установление нетоварных отношений между производителями в экономическом комплексе монополии.

Изучение "монополистической планомерности" при империализме расширяет наши представления о капитале, об условиях его движения и самовозрастания. Если промышленный капитал в своем движении целиком опирался на товарный механизм экономики, то воспроизводство финансового капитала (основной формы капитала при империализме) включает в качестве обязательного и решающего атрибута "монополистическую планомерность". Тем самым историческая обреченность финансового капитала не только приобретает внешние формы выражения (рост паразитизма и т. п.), но и выступает как бы изнутри — вследствие использования несвойственных его общественной природе методов для своего "выживания" и "доживания". Нетоварные отношения "монополистической планомерности" противоречат сути капитала, своим появлением и развитием свидетельствуют, что достигнутый уровень развития производительных сил и обобществления производства давно перерос капиталистическую оболочку⁵².

Границы "монополистической планомерности" и ее историческое место могут быть рассмотрены с двух точек зрения. Во-первых, с позиции капиталистического способа производства как такового. Во-вторых, в свете развития общественных отношений вообще и перехода от одного к другому способу производства.

Если остановиться на первом подходе, то вполне очевидно, что, подобно тому как невозможна абсолютная монополизация производства при империализме, невозможно распространение "монополистической планомерности" на все общественное производство. Монополистический капитал не только использует, но и ограничивает сферу существования "монополистической планомерности". И в этом смысле частномонополистический характер "планомерности" не изменяется и тогда, когда ее субъектом выступает буржуазное государство. Да и сам процесс становления и развития "монополистической планомерности" связан с ростом обобществления производства, находящегося под властью отдельных производителей, т. е. происходит как бы "снизу". Огосударствление производительных сил в условиях господства капитала не может привести к развитию обобществления производства до народнохозяйственного уровня. Таким образом, в экономической системе капитализма "монополистическая планомерность" ограничивается сферой господства монополии. Поскольку сфера господства простирается далеко за ее формально-юридические рамки и включает огромный многоотраслевой экономический комплекс, постольку отношения "планомерности" затрагивают все фазы воспроизводства.

Что касается исторического места "монополистической планомерности", то здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что при империализме она развивается "внутри" товарности как всеобщей формы движения капиталистических производственных отношений. Революционный переход к социализму предполагает утверждение качественно иного уровня планомерных отношений — народнохозяйственной планомерности, которая развивается за счет всего общества и для всего общества. Исходным пунктом такой планомерности является не обобществление производства в пределах отдельной производственно-хозяйственной единицы, а народнохозяйственный уровень обобществления. Иначе говоря, социалистическая планомерность получает импульс для своего развития и постоянно развивается как бы "сверху", с уровня общества в целом, и в интересах всего общества. Более того, в социалистическом обществе именно планомерность — всеобщая форма движения производственных отношений. Поэтому все отношения в экономической системе социализма так или иначе находятся под воздействием планомерности, подчиняются ее законам.

Если сравнить "монополистическую планомерность" и планомерность социалистического общества, то становится очевидным, что их природа, цели, формы движения, сам процесс становления и развития коренным образом различаются. Поэтому "монополистическая планомерность", выражая собой материальную предпосылку социализма в недрах империализма, в то же время лишь исторически, но не логически выступает как предпосылка народнохозяйственной планомерности. Вот почему исторически развитие "монополистической планомерности" ограничивается рамками капиталистического способа производства. Вот почему "монополистическая, неполная планомерность" эволюционным путем не может превратиться в полную, социалистическую планомерность. Революционный переход к социализму означает уничтожение всех форм и методов эксплуатации трудящихся и создание условий для становления и развития общества ассоциированных производителей, утверждающих новый тип общественных отношений — социалистическую планомерность. Следовательно, в самом определении "монополистическая планомерность" содержится исторический и логический пределы ее развития.

Вместе с тем сравнение "монополистической планомерности" и планомерности социалистического общества свидетельствует о том, что социальная значимость нетоварных отношений, приходящих на смену товарным отношениям, неодинаковая на различных этапах развития человеческого общества. При империализме нетоварные отношения служат условием и средством эксплуатации наемного труда монополистами. При социализме нетоварные отношения выражают непосредственное соединение ассоциированных производителей

с общенародными средствами производства, представляют собой способ и всеобщую форму движения системы производственных отношений.

Во взаимосвязи товарности и "монополистической планомерности" обнаруживаются все основные диалектические закономерности. Являясь элементами одной системы производственных отношений, они в то же время представляют противоположные формы связи производителей, формы распределения по отраслям труда и средств производства. Единство механизма хозяйствования, создаваемое капиталом, сопровождается постоянным противоборством двух начал — товарного и планомерного. При этом планомерные отношения, расширяя сферу своего влияния, не уничтожают товарность, а используют товарные формы в своем движении.

Именно это обстоятельство (выражение планомерных отношений через товарные формы) не только создает видимость прежнего единовластного господства товарных отношений при империализме, но и затрудняет теоретический анализ "монополистической планомерности", ее политико-экономическое вычленение в системе господства монополий. Однако изучение глубинных экономических процессов показывает, что повышение роли такой "планомерности" в деятельности монополий приводит к качественным изменениям в характере капиталистического присвоения. "Монополистическая планомерность", подрывающая товарное производство, становится механизмом монополистического присвоения. Значит, подрыв товарного производства способствует усилению господства монополий, повышению их роли в экономической системе современного капитализма.

3. Аппетиты большого бизнеса и рост реакционности империализма

Исследование господства большого бизнеса было бы неполным, если останется в стороне анализ характера присвоения на качественно новом уровне развития производственных отношений капитализма. Фактически на всех этапах предшествующего рассмотрения товарных отношений при империализме обращалось внимание на особенности монополистического присвоения, его механизм и значение в воспроизводстве капиталистических монополий. Иначе и не могло быть, ибо законы присвоения есть лишь выражение существенных закономерностей движения способа производства.

Как известно, К. Маркс специально обращался к проблеме капиталистического присвоения и доказал, что оно возникает и развивается на основе присущих товарному производству законов. "В той самой мере, — отмечает К. Маркс, — в какой товарное производство развивается сообразно своим собст-

венным имманентным законам в производство капиталистическое, в той же самой мере законы собственности, свойственные товарному производству, переходят в законы капиталистического присвоения”⁵³. Превращение рабочей силы в товар явилось отправным пунктом, во-первых, приобретения товарным производством всеобщего характера, во-вторых, перехода товарного производства в его высшую форму – капиталистическое товарное производство и, в-третьих, соблюдения законов товарообмена в отношениях между капиталистами и рабочими при купле и продаже рабочей силы. В результате капиталистический способ присвоения, предполагающий присвоение капиталистом чужого неоплаченного труда или его продукта, возникает не из нарушения законов товарного производства, а “из их применения”. Таким образом, прибавочная стоимость поступает в распоряжение капиталистов в точном соответствии с законами товарного производства.

Вместе с тем уже при капитализме свободной конкуренции каждый капиталист получает не ту массу прибавочной стоимости, которую создали его наемные рабочие, а ту часть произведенной в обществе прибавочной стоимости, которая пропорциональна величине авансированного капитала. Количественно она совпадает с прибавочной стоимостью, притягиваемой равновеликими капиталами других капиталистов. Иначе говоря, природа капиталистического присвоения покоится на законах товарного производства. Поэтому конкретная величина получаемой капиталистом прибавочной стоимости зависит уже от условий сугубо капиталистического производства, от отношений между капиталистами в пределах самого класса эксплуататоров или от действия специфически капиталистических экономических законов. Непосредственное влияние на величину присваиваемой капиталистом прибавочной стоимости оказывает закон средней прибыли, который в свою очередь действует через закон цен производства.

Возникновение монополий и переход капитализма в высшую стадию своего развития не изменяют природы капиталистического присвоения. Как и прежде, капиталисты присваивают чужой неоплаченный труд наемных рабочих, чья рабочая сила является товаром. Растущая концентрация рабочих в монополистических объединениях, с одной стороны, и расширение рабочих профсоюзов – с другой, не в состоянии повлиять на товарный характер отношений между капиталистами и рабочими, на товарную форму связи рабочей силы со средствами производства, находящимися в собственности эксплуататорского класса. Коллективные договоры, заключаемые между профсоюзами и крупнейшими компаниями, могут повлиять в какой-то период времени на условия найма, величину заработной платы и т. п., но они оставляют в неприкосновенности суть капиталистического отношения, суть отношения

между трудом и капиталом. Более того, в условиях современного капитализма происходит расширение сферы применения наемного труда. В развитых капиталистических странах число лиц наемного труда достигает 80 – 85% всего самодеятельного населения. В результате при империализме еще больше утверждаются условия, способствующие превращению рабочей силы в товар, что в конечном счете служит укреплению основ капиталистической эксплуатации и углублению противоречия между трудом и капиталом.

Становление и развитие капиталистической монополии не могли не сказаться на характере рабочей силы, на организации ее эксплуатации, а также на условиях и механизме распределения созданной в обществе прибавочной стоимости. Если обратиться к количественной оценке наемного персонала современных монополистических объединений, то прежде всего следует отметить, что именно монополии эксплуатируют огромную массу наемного труда. Так, в 1983 г. наемный персонал 500 крупнейших промышленных корпораций США, представляющих менее 0,2% всех корпораций страны, насчитывал 14,1 млн. человек, или почти 15% всего самодеятельного населения. Рост монополизации производства и наращивание активов концернов ведут к тому, что на отдельного работника в монополиях приходится всевозрастающая масса капитала. Если в среднем на одного занятого в 500 корпорациях приходилось свыше 70 тыс. долл. активов, то в нефтяных монополиях этот показатель превышал 431 тыс. долл., в химических концернах – 120 тыс., в металлообрабатывающих объединениях – 113 тыс. долл. Красноречивым показателем является сумма продаж на одного занятого. Средняя величина этого показателя в 500 корпорациях превысила 92 тыс. долл. Причем в 7 монополиях на одного занятого приходилось свыше 1 млн. долл. реализованной продукции⁵⁴.

Наряду с привлечением огромного числа работников монополии стремятся использовать наиболее подготовленную и квалифицированную рабочую силу. На этот факт обратил внимание В. И. Ленин еще в начале века. Требования к квалификации наемного персонала особенно возросли в последние десятилетия, когда все большее влияние на развитие производства оказывает научно-техническая революция. В этих условиях, как полагает П. Дракер, "инвестиции капитала создают потребность в более квалифицированном, умственном труде"⁵⁵, а потому бывшие полуквалифицированные "синие воротнички (операторы машин, станочники и др.) превращаются в облаченных в белые халаты техников со средним специальным образованием"⁵⁶. Тем самым объектом эксплуатации монополий оказывается наемный труд, имеющий тенденцию к повышению своей сложности.

Если учесть, что концерны монополизуют не только эксплуатацию сложного труда, но и условия такой эксплуата-

ции⁵⁷, то нетрудно видеть, что по сравнению с другими производителями монополистические объединения имеют возможность как для повышения степени эксплуатации работников, так и для производства такой массы прибавочной стоимости, которая содержит значительную часть избыточной прибавочной стоимости. Она является не временной, периодической, а постоянной, характерной чертой результатов их производственного процесса. Значит, уже на стадии производства монополизируется избыточная прибавочная стоимость. В условиях расцвета свободной конкуренции длительное время она не могла присваиваться ни одним капиталистом. Смена отношений конкуренции отношениями монополии в фазе производства приводит не только к расширению числа непосредственно эксплуатируемых монополистическим капиталом работников, но и к формированию специфических условий эксплуатации и существенному ограничению влияния других производителей на внутрифирменные отношения.

Следовательно, "монополистическая планомерность" не исключает товарной формы соединения рабочей силы со средствами производства, а, наоборот, доводит до высшей точки использование потребительной стоимости товара рабочая сила как совокупного работника объединения, так и каждого наемного рабочего в отдельности. Поэтому присвоение хозяевами монополий чужого неоплаченного труда основывается, как и прежде, на постоянной купле и продаже рабочей силы. Вот почему, хотя при империализме и изменяются условия эксплуатации, монополистическое присвоение по своей сути остается капиталистическим присвоением.

Вместе с тем, как известно, величина присвоенной отдельным капиталистом прибавочной стоимости зависит и от отношений между самими капиталистами, а при империализме — от тех отношений, которые складываются между различными производителями в экономике в целом. Если при капитализме свободной конкуренции происходит выравнивание нормы прибыли и всякий индивидуальный капитал получает в конечном счете среднюю прибыль, то при империализме условия хозяйствования существенным образом изменяются. Наряду с отношениями конкуренции между производителями утверждаются отношения монополии, реализуемые через "монополистическую планомерность". Теперь в механизме присвоения появляются новые элементы, которые отражают огромные количественные и качественные различия между монополистическим и другими индивидуальными капиталами и которые свидетельствуют об особенностях самовозрастания финансового капитала.

Добившись преимуществ по сравнению с другими производителями уже на стадии производства, монополистические объединения стремятся "закрепить" за собой реализацию этих преимуществ и в сфере обращения. Поскольку в отношениях

между монополиями и другими производителями, между самими монополиями, а также между монополиями и буржуазным государством все больше развиваются внерыночные формы обмена, постольку конкуренция постепенно теряет свою главенствующую роль при распределении созданной в обществе прибавочной стоимости. Монополии удается не только "удержать" созданную ее наемным персоналом прибавочную стоимость, но и добиться перераспределения в свою пользу части прибавочной стоимости, произведенной на предприятиях других производителей. Каналы перераспределения могут быть самые различные: государственные контракты, поставки сырья, материалов, полуфабрикатов от компаний субподрядчиков; обеспечение обслуживания в процессе применения технически сложного или дорогостоящего оборудования, рассчитанного на использование многими компаниями-потребителями; манипуляции с патентами и лицензиями; использование разницы в величине национальных издержек производства на сырье и готовые продукты; активное влияние на формирование общественного спроса, на соотношение спроса и предложения; спекулятивные махинации и т. п.

В значительной мере все это осуществляется через механизм монопольного ценообразования, который выражает собой подрыв товарного производства вообще и закона цен производства в частности. В результате непосредственное влияние на размер присваиваемой монополией прибавочной стоимости оказывает закон монопольной прибыли. Монополистическое присвоение выступает выражением экономической реализации капиталистической монополии по отношению не только к эксплуатируемому рабочему классу, но и к немонополистическим слоям буржуазии. Если капиталистическое присвоение представляет собой результат движения промышленного капитала и обособившихся его функциональных форм, то монополистическое присвоение характерно уже для финансового капитала, олицетворяющего собой эпоху господства монополий.

На роль финансового капитала в монополистическом присвоении следует обратить особое внимание, ибо, по характеристике В. И. Ленина, "финансовый капитал, концентрированный в немногих руках и использующийся фактической монополией, берет громадную и все возрастающую прибыль от учредительства, от выпуска фондовых бумаг, от государственных займов и т. п., закрепляя господство финансовой олигархии, облагая все общество данью монополистам"⁵⁸. При любой ситуации в экономике финансовой олигархии удастся не оставаться в проигрыше, поскольку финансовый капитал "особенно безличен и оторван от непосредственного производства", и в то же время ""гении" современной спекуляции умеют направлять в свои карманы большие суммы прибылей помимо того, что распределяется как дивиденд"⁵⁹.

Поэтому окончательный размер присваиваемой монополией прибыли зависит не только от ее производственной деятельности, но и от вложения капитала в сферы, являющиеся "жизненной средой" для финансового капитала. Он отражает ту тесную взаимосвязь между формами капитала и между сферами экономики, на которую опирается и которую развивает монополия. Абстрагироваться от воспроизводства финансового капитала при рассмотрении монополистического присвоения невозможно, ибо при этом исчезает как раз та совокупность отношений, которая и характеризует само монополистическое присвоение. Разумеется, анализ монополистического присвоения с привлечением закономерностей движения финансового капитала не упрощается, а, наоборот, усложняется. Поэтому вся проблема монополистического присвоения требует своего специального исследования. Здесь обращается внимание лишь на те черты, которыми отличается монополистическое присвоение от капиталистического присвоения вообще.

Итак, империализм — это эпоха финансового капитала. Империализм — это господство монополий. Империализм — это подрыв товарного производства. Империализм — это становление и развитие монополистической планомерности. В таком выборочном перечне определений империализма, казалось бы, указаны независимые друг от друга стороны. Между тем все они вытекают из сущности империализма — капиталистической монополии. Если теперь вернуться к вопросу о монополистическом присвоении, то нетрудно видеть различные уровни развития производительных сил и производственных отношений, при которых произошло сначала превращение законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения, а затем — в монополистическое присвоение. Если первое имело место при расцвете товарного производства и господстве промышленного капитала, то второе — следствие подрыва товарного производства и господства финансового капитала. Именно благодаря подрыву действия законов товарного производства, развитию "монополистической планомерности" при повсеместном распространении финансового капитала монополистическое присвоение стало господствующей формой присвоения при империализме. Это обстоятельство в немалой степени способствовало росту реакционности в условиях государственно-монополистического капитализма.

Капиталу свойственна неумная жажда к самовозрастанию. Даже в период господства свободной конкуренции, когда прибыли капиталистов так или иначе уравнивались и не могли длительное время значительно отличаться друг от друга, всякий индивидуальный капитал использовал любую возможность для ускорения своего движения. В этой связи поведение капитала метко показал английский профсоюзный деятель

Т. Дж. Даннинг, которого К. Маркс цитирует в "Капитале": "Капитал избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. Это правда, но это еще не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому"⁶⁰.

А когда при империализме конкуренция сменяется монополией, которая по своему экономическому статусу не хочет признавать равного положения ни с каким другим производителем, то тогда, по образному выражению В. И. Ленина, "монополия пролагает себе дорогу всюду и всяческими способами, начиная от "скромного" платежа отступного и кончая американским "применением" динамита к конкуренту"⁶¹. Вот почему если свободной конкуренции соответствует буржуазная демократия, то "империализм стремится к нарушениям демократии, к реакции. В этом смысле неоспоримо, что империализм есть "отрицание" демократии вообще, всей демократии..."⁶².

Современный капитализм на каждом шагу подтверждает ленинский вывод, сделанный еще на заре становления империализма. Как видно, корни усиления реакционности империализма следует искать в изменившихся общественных отношениях производства. Чем больше подрывается рыночный механизм экономики, тем большее значение приобретает монополистическая планомерность в экономической реализации капиталистической монополии. Чем больших размеров достигает монополистический капитал, тем больше возрастает его "инерция" неудержимого движения, не признающего ни национальных интересов, ни национальных границ. Превыше всего ставятся интересы хозяев монополий, интересы финансовой олигархии. Подчеркивая это обстоятельство, В. И. Ленин писал: "Империализм есть эпоха финансового капитала и монополий, которые всюду несут стремление к господству, а не к свободе. Реакция по всей линии при всяких политических порядках, крайнее обострение противоречий..."⁶³ Реакционность империализма имеет различные формы проявления, которые распространяются на все мировое капиталистическое хозяйство, а также затрагивают непосредственно отношения между двумя мировыми социальными системами.

Активное вмешательство монополий и государства в воспроизводственный процесс не только не способствовало стабилизации экономического развития, а, наоборот, привело

к затяжным экономическим спадам, усилению неравномерности развития различных национальных империализмов и целых регионов в мировом капиталистическом хозяйстве. В результате периодическое кризисное восстановление пропорциональности как в национальной, так и в мировой капиталистической экономике еще более осложнилось⁶⁴. Еще большей остроты достигли межимпериалистические противоречия, на качественно новый уровень поднялась борьба между монополиями и между целыми интеграционными системами за рынки сбыта, источники сырья и энергии, сферы выгодного приложения капитала. Экономический "перedel" капиталистического мира вспыхнул с новой силой.

Капитал вообще, и монополистический капитал особенно, приемлет единственный путь преодоления препятствий на пути своего самовозрастания — усиление эксплуатации трудящихся, перекалывание на их плечи всех тягот и лишений, вызываемых углублением социальных противоречий. Высокий уровень безработицы из циклического признака превратился в постоянное явление современного капитализма. Хроническая безработица стала спутницей низких темпов экономического роста и необузданной инфляции. Капитализм столкнулся с таким невиданным прежде явлением, как стагфляция, и фактически не в состоянии ее преодолеть. И все это происходит в условиях, когда каждая монополия стремится использовать всевозможные нерыночные рычаги для упрочения своего господства, для подавления сопротивления рабочих своему растущему гнету.

В 1983 г. уровень безработицы в развитых капиталистических странах оставался довольно высоким и не было никаких существенных признаков улучшения с занятостью. Среди самодельного населения в США безработица составила 9,6%, в Великобритании — 13,7, в Канаде — 11,9, во Франции — 8,5, в ФРГ — 7,3, в Италии — 5,1 и в Японии — 2,7%⁶⁵. Характеризуя официальные данные о безработице*, президент американского объединения профсоюзов АФТ — КПП Л. Кирклэнд с горечью констатировал: "Эти данные, как бы плохо они ни звучали, представляют только вершину айсберга"⁶⁶. Причем монополии-гиганты занимают передовые позиции по числу уволенных. Так, за 1982 г. из 500 крупнейших концернов США было уволено 1,3 млн. человек, из них 11% работало прежде на предприятиях таких монополистических объединений, как "Экссон", "Дженерал моторз", "Мобил", "Тексако", "Форд"⁶⁷. В этом факте четко проявляется служебная роль

* "Безработица является постоянной угрозой американским рабочим... За 50 лет после великой депрессии США пережили только 13 "нормальных" лет, т. е. годы, когда страна и не воевала, и не находилась в экономическом спаде. В течение этих "нормальных" лет официальный уровень безработицы равнялся от 4 до 5%" (*Magaziner I. C., Reich R. B. Op. cit., p. 333*).

”монополистической планомерности”, подчиненной интересам воротил большого бизнеса.

Как вынуждены признать сами буржуазные экономисты, с 1973 г. реальная заработная плата американских рабочих имеет устойчивую тенденцию к падению. При этом покупательная способность заработной платы в 1980 г. была не выше, чем в 1962 г., и почти на 15% ниже, чем в 1972 и 1973 гг.⁶⁸ Ухудшение положения трудящихся, давление армии безработных на активную армию труда, стремление разобщить рабочий класс, противопоставить один отряд рабочих другому — все это находится в русле экономической политики государства и монополий. Определяя социальную значимость монетаризма, составляющего теоретическую основу ”рейганомики”, ”тэтчеризма” и им подобных направлений в современном государственно-монополистическом капитализме, английский экономист Л. Харрис подчеркнул: ”В экономической области важнейшая цель политики буржуазии — подорвать силу организованного рабочего класса, его профсоюзов... Наиболее важным здесь представляется насаждение вместо чувства классовой солидарности индивидуалистической этики, веры только в самого себя, духа конкуренции и личной ответственности за свою судьбу”⁶⁹.

Монополистический капитал стремится поставить рабочих в такие экономические условия, при которых они вынуждены подчиняться диктату монополий. Другими словами, купля-продажа товара рабочая сила капиталом даже по своей форме перестает быть равноправной торговой сделкой. Рабочих заставляют продавать свою рабочую силу по цене и на таких условиях, которые диктуются монополиями. Как считают ученые-марксисты ФРГ, ”когда идеологи ”рыночной экономики” жалуются на ”чрезмерное” вмешательство государства, на ”государственную бюрократию”, на ”государство-Молох”, то они имеют в виду отнюдь не аппарат подавления масс и защиты власти буржуазии, не наращивание вооружений и милитаризацию общественной жизни. Их критика направлена лишь против уступок трудящимся, против социальных государственных программ”⁷⁰.

К каким социально-экономическим последствиям ведет внедрение монетаризма, красноречиво свидетельствуют опыт правления фашистского режима в Чили и состояние экономики Израиля. Один из родоначальников Чикагской монетаристской школы, М. Фридмен, принимал активное участие в формулировании экономической политики этих государств. Уровень инфляции в Израиле побил все рекорды в капиталистическом мире. Экономика Чили переживает тяжелейший кризис. Доведенные до нищеты и отчаяния, чилийские трудящиеся все теснее сплачивают свои ряды в борьбе с ненавистой тиранией. Пример Чили и Израиля еще раз показывает, как при империализме тесно переплетаются экономическая

и политическая реакция. Ленинское определение "циничные, откровенные империалисты" как нельзя точно характеризует буржуазных ученых, проповедующих монетаристские взгляды, взывающих к "раскрепощению" рыночных сил в условиях господства монополий. На деле это означает не что иное, как "закрепощение" трудящихся государственно-монополистическим капиталом. Таким образом, развитие монополистического присвоения, основанного на подрыве товарного производства, на подрыве товарного механизма капиталистического хозяйствования, ведет к растущей реакционности империализма, направленной прежде всего против рабочего класса, против всех трудящихся буржуазных стран.

Вместе с тем рост реакционности империализма обусловлен обострением межимпериалистических противоречий, ибо "финансовый капитал и тресты, — отмечал В. И. Ленин, — не ослабляют, а усиливают различия между быстротой роста разных частей всемирного хозяйства. А раз соотношения силы изменились, то в чем может заключаться, *при капитализме*, разрешение противоречия кроме как в *силе*?"⁷¹. Такой силой все больше становится военная сила. Хотя милитаризацию экономики капиталистических стран империалисты представляют как якобы ответ на "советскую военную угрозу", история и логика развития монополистического капитализма не оставляют сомнения в том, что милитаризм — это внутреннее свойство империализма, составной элемент монополистического господства.

Особенно высоким уровнем милитаризации отличается американская экономика. Если с 1952 по 1981 г. военные расходы США составляли в целом свыше 2,1 трлн. долл., то только за 1983 — 1987 гг. Пентагон наметил израсходовать более 1,5 трлн. долл. Огромная масса человеческого труда затрачивается ради прибылей военно-промышленного комплекса, ради защиты интересов американских монополий в любом уголке капиталистического мира. По подсчетам советских экономистов, стоимость недопроизведенной конечной продукции в США из-за милитаризации экономики за 1946 — 1979 гг. составила от 3,4 до 5,3 трлн. долл. (в ценах 1972 г.), что соответствовало от 2,4 до 3,7 объема совокупного общественного продукта страны 1979 г.⁷² Ослабление своих экономических позиций в мировом капиталистическом хозяйстве американский империализм пытается компенсировать превосходством в военной силе.

Нагнетая военную истерию и втягивая другие капиталистические страны в гонку вооружений, США при этом пытаются использовать милитаризацию как орудие конкурентной борьбы со своими западноевропейскими партнерами и Японией. Тем самым милитаризация становится своеобразным реакционнейшим средством экономического передела мира капитала даже в том случае, когда дело не доходит до прямого

применения военной силы. Особенно это ярко проявляется на хозяйственном положении развивающихся стран, экономика которых, не успев укрепиться, обескровливается тяжким бременем навязанной империализмом гонки вооружений. Вместе с тем, когда возникает угроза интересам монополий, их прибылям, империализм идет на военную интервенцию. Вьетнам и Ближний Восток, Африка и Центральная Америка — вот далеко не полный перечень районов кровавых злодеяний империализма только в последнее десятилетие. Военная сила — это то, на что империализм в конечном счете сделал ставку, чтобы сохранить свои позиции в мире, продлить свое существование, насильственным, неэкономическим путем пытается разрешить или хотя бы приглушить обострившиеся противоречия капиталистической системы. Однако политика стран социализма и других миролюбивых государств, желание всех людей доброй воли противостоят воинственным устремлениям империалистов. Социалистическое содружество, прежде всего СССР, прилагает все усилия, чтобы империализм не смог развязать новую мировую войну. Борьба за сохранение мира на планете, которая объединяет народы всех стран, стала мощным сдерживающим фактором на пути поджигателей мировой войны.

Таким образом, реакционность свойственна самой природе капиталистического строя, основанного на эксплуатации человека человеком. При империализме монополии даже в конкурентной борьбе всяческими способами удается реализовать свое экономическое положение, получать монопольную прибыль. Уже сам механизм монополистического хозяйствования исключает равное положение производителей, формирует особые условия воспроизводства монополистического капитала. Надежную поддержку монополии получают в лице буржуазного государства — современного коллективного монополиста. В результате методы хозяйствования монополий поднимаются как бы на общенациональный уровень. Государство не только поддерживает реакционные притязания монополий на особое место в обществе и экономике, но и само становится источником экономической и политической реакции.

Стало быть, по мере становления и развития государственно-монополистического капитализма, по мере подрыва товарного механизма функционирования капиталистической экономики и укрепления "монополистической планомерности" реакционность все больше выступает адекватным выражением господства монополий, господства финансового капитала. Это ведет к тому, что из-за засилья монополий противоречия современного капиталистического общества достигают такой остроты, которая нередко заводит в тупик теоретические изыскания буржуазных исследователей. Так, участвуя в дискуссии о "социальной ответственности" корпораций, профес-

сор Рочестерского университета К. Ман пришел, по его мнению, к парадоксальному выводу: "Доктрина об ответственности корпорации, предлагаемая многими как схема для популяризации и защиты свободного предпринимательства, может иметь успех только в случае, если свободный рынок уступит всеобъемлющему государственному контролю. Как видно, игра не стоит свеч"⁷³. Получается, что вроде бы государство как раз должно умерить аппетиты монополий и контролировать их "социальную ответственность". На деле же именно оно создает благоприятные условия для укрепления господства монополий. Действительно, при таких обстоятельствах игра в защиту "свободного предпринимательства" для всех производителей "не стоит свеч".

Нередко хозяева монополий идут на организацию преступного бизнеса, чтобы поправить свои пошатнувшиеся дела. Сенсацией разнеслась в западной прессе весть об аресте преуспевающего миллионера Дж. де Лорейна, попавшегося на торговле наркотиками. Бывший вице-президент "Дженерал моторз", покинувший концерн в 1973 г., де Лорейн организовал собственную автомобильную компанию по выпуску сверхфешенебельных и сверхдорогих автомобилей для тузов финансовой олигархии. Когда автомобильные гиганты "прижали" незадачливого конкурента (компанию де Лорейна), то, выпутываясь из долгов, он пошел на подпольную торговлю наркотиками⁷⁴. Ведь прибыль от кокаина или от автобизнеса одинаково ценится в мире капитала. Деньги не имеют запаха. Они не пахнут ни бензином, ни кокаином. Не случайно подпольный бизнес достиг громадных размеров в развитых капиталистических странах. По оценке американских специалистов, объем операций всех видов подпольного бизнеса достигает в США от 8 до 9% национального дохода, соответственно в Швеции — 10, в Великобритании — 8, в ФРГ — 7%⁷⁵.

В современных условиях все отчетливее обнаруживается тенденция дальнейшей поляризации буржуазного общества. При огромном сосредоточении национального богатства в руках кучки сверхбогачей абсолютное большинство населения капиталистических стран едва сводит концы с концами. Нищета и прозябание в бедности стали уделом миллионов людей в самых передовых странах капитала. Один процент богатейших американцев владеет четвертью национального достояния страны, а половина — всего 3%⁷⁶. Богатые становятся богаче, а бедные — беднее. Такое очевидное проявление всеобщего закона капиталистического накопления вынуждены в последнее время признать и самые ярые апологеты капитализма. Резкое сокращение социальных программ буржуазных правительств еще больше противопоставило богатство на одном полюсе, а нищету — на другом. Опасаясь, что такая политика чревата социальными взрывами, не поддающимися контролю власть имущих, губернатор штата Нью-Йорк Х. Л. Кэри озабо-

ченно заявил: "Мы играем с жизнями миллионов американцев"⁷⁷. "Ирония ситуации состоит в том,— считает губернатор штата Колорадо Р. Д. Лэм,— что в то время, когда мы хотим переместить людей от получения пособий к работе, сокращение социальных выплат бьет работающих бедняков больше, чем другие группы населения"⁷⁸.

Другими словами, четкая ориентация на удовлетворение корыстных интересов финансовой олигархии, пренебрежение самыми элементарными условиями жизни трудящихся, стимулирование развития реакционности во всех сферах экономической и политической жизни — вот что стало предопределять деятельность буржуазного государства в последнее время. Не случайно поэтому Р. Д. Лэм, апеллируя к своим избирателям, не мог не сказать: "Люди хотят иметь правительство, которое бы работало для них, а не игнорировало их"⁷⁹. Между тем от желания людей в капиталистическом обществе мало что зависит. Здесь властвуют законы капитала. И экономическая действительность такова, что эти законы все больше проявляют себя как реакционная сила, подавляющая все, что препятствует господству монополий. Тем самым раскрывается прямая связь между характером монополистического присвоения, опирающегося на подрыв товарного производства, и ростом реакционности империализма. Если развитие товарного производства неизбежно рождает капитализм, то подрыв товарного производства при империализме способствует обнажению реакционнейших сторон капиталистического способа производства. Насилие и диктат становятся основным методом господства властвующей элиты. Вот почему только революционная смена эксплуататорского строя способна привести к уничтожению всех форм насилия и реакционности, унижающих человека и низводящих его к живому придатку капитала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большой бизнес стал властелином капиталистического мира. Большой бизнес — крупнейшие монополистические объединения — держит под своим контролем подавляющую часть экономики буржуазных стран, ведущие отрасли промышленности и других сфер хозяйства. Путь к господству большого бизнеса начался с возникновения монополий. Именно монополистические объединения на базе растущего обобществления производства перешагнули рамки отдельного предприятия (фабрики, завода) и создали огромные многоотраслевые экономические комплексы, включающие десятки и сотни предприятий, расположенных в разных частях мирового капиталистического хозяйства. Так предпринимательство отдельного индивидуального капиталиста превратилось в большой бизнес хозяев монополий.

Путь к господству большого бизнеса проходил через перестройку капиталистического хозяйствования на монополистических началах. Прежде всего это означало подрыв товарного механизма функционирования капиталистической экономики. Оказались подорванными свободная конкуренция, регулирующая роль рынка в общественном производстве. Получили широкое распространение внерыночные формы обмена. "Монополистическая планомерность" стала основным средством экономической реализации господствующего положения большого бизнеса. Произошли существенные изменения в механизме ценообразования. Формирование монопольных цен начало происходить в условиях подрыва действия законов стоимости и цен производства. В результате окончательный размер присваиваемой монополиями прибавочной стоимости определяется под непосредственным воздействием закона монопольной прибыли. Воспроизводство монополистического капитала не вмещается в товарную форму связи производителей.

Опираясь на высокообобщественное производство, большой бизнес "дополняет" товарность "монополистической планомерностью". Это привело к насаждению гнета и произвола монополий в экономических отношениях. Верным помощником финансовой олигархии в ограблении трудящихся выступает буржуазное государство, в деятельности которого особенно опасные и уродливые черты приобрела милитаризация экономики. "А империализм, — подчеркивал В. И. Ленин, — т. е. монополистический капитализм, окончательно созревший

лишь в XX веке, по экономическим его коренным свойствам, отличается наименьшим миролюбием и свободолюбием, наибольшим и повсеместным развитием военщины”¹.

Все это неизбежно обусловило резкое обострение противоречий в мире капитала. Гипертрофированная ориентация экономики на интересы монополий, усиление эксплуатации трудящихся, рост реакционности в экономической и политической жизни, обострение соперничества и неравномерности развития в мировом капиталистическом хозяйстве и т. д. не могли не создать положение, когда ”империализм запутался во внутренних и межгосударственных антагонизмах, потрясениях, конфликтах”².

Объективный процесс развития производительных сил и обобществления производства давит на капиталистическую оболочку, вынуждает монополистов использовать несвойственные капитализму планомерные отношения для обеспечения максимизации прибыли. В итоге возрастает разрыв между производительными силами и эксплуататорскими отношениями, между целью монополистических объединений и средствами ее достижения. Подрыв товарной основы и монополизация производства дестабилизировали капиталистическую систему, способствовали в конечном счете кризису как рыночного, так и государственно-монополистического регулирования капиталистической экономики. При этом поиски буржуазных теоретиков по ”совершенствованию” механизма функционирования экономики неизменно исходят из незыблемости и вечности как капитализма в целом, так и его основ — конкуренции, рынка, свободного предпринимательства и т. п. Более того, поддержание конкуренции, ориентация на рыночные силы нередко являются лакмусовой бумажкой, определяющей пригодность тех или иных рецептов для монополистического хозяйствования. Так, американский экономист А. Байд, доказывая непригодность для современного капитализма монетаризма, опирающегося на теорию предложения, и пропагандируя модернизированный вариант кейнсианской теории спроса, в качестве аргумента приводит следующее утверждение: ”Политика спроса нацелена на корректирование близорукости рынка, а политика предложения ослепляет рынок и использует искусственную навигационную систему”³. И хотя здесь признается неспособность рынка самостоятельно обеспечивать регулирование экономических процессов в современных условиях, в то же время лучшей политикой называется та, которая больше учитывает рыночные ориентиры.

Буржуазное мировоззрение не позволяет теоретикам и практикам бизнеса выйти из порочного круга лечения язв капитализма теми же по существу методами, которые их породили. Как тут не вспомнить данную К. Марксом меткую характеристику буржуазных воззрений на капитализм: ”Утверждение, что свободная конкуренция равносильна конечной

форме развития производительных сил, а потому и человеческой свободы, сводится к тому, что господство буржуазии означает конец всемирной истории — несомненно, приятная мысль для позавчерашних выскочек”⁴. Разумеется, как красноречиво свидетельствует и капитализм сегодняшних дней, большой бизнес не в состоянии устранить обмен, рынок, конкуренцию, кризисы, но и возврата к полной свободе конкуренции также не может быть в условиях, когда экономически господствующими производителями стали гигантские монополистические объединения. Материальные условия производства и уровень его обобществления при империализме таковы, что свободная конкуренция, которая “казалась подавляющему большинству экономистов ”законом природы””⁵, отрицается уже самим развитием капитализма. В результате в системе капиталистических производственных отношений “возникают такие производственные отношения и отношения общения, которые представляют собой одновременно мины для взрыва этого строя”⁶.

Вот почему кризис механизма функционирования капиталистической экономики неизбежно вызвал и кризис буржуазной экономической науки, тщетно пытающейся найти способы восполнения подорванных функций рынка и конкуренции, которые сами по себе стоят на пути расширения и упрочения господства большого бизнеса. “Примирить” большой бизнес с рынком и конкуренцией невозможно. Антагонизм их взаимоотношений возрастает и не имеет альтернативы в пределах капиталистической системы хозяйства. Бессильно здесь и буржуазное государство, которое по существу стоит на стороне большого бизнеса. Подрывая собственную основу — товарное производство, империализм демонстрирует “перезревший” характер капиталистических отношений и необходимость качественно новой общественной формы развития производительных сил. Только революционным путем, а не “путем тихой метаморфозы” возможен переход к новому общественному строю. Но чтобы продлить свое существование, чтобы оттянуть революционный взрыв, “империализм стремится заменить демократию вообще олигархией”⁷. Вот в чем суть стратегии “доживания” большого бизнеса, современных капиталистических монополий.

В этой стратегии “монополистическая плановость”, олицетворяя подрыв товарных отношений, в то же время выступает как одно из выражений действия при империализме основного экономического закона капитализма — закона прибавочной стоимости. Такое социальное содержание “монополистической плановости” объективно создает условия для формирования антимонополистической коалиции различных классовых сил буржуазного общества. Союзниками пролетариата в борьбе против гнета монополий становятся фермеры, ремесленники, немалая часть интеллигенции, мелкобуржуаз-

ные слои. Все большее развитие получает интернациональная солидарность рабочих, занятых на предприятиях международных монополий. Антимонополистический фронт становится интернациональным как по своему составу, так и по сфере распространения. Вот почему "противниками" большого бизнеса являются все, кого он нещадно эксплуатирует. Вот почему среди трудящихся капиталистических стран растет понимание того, что "плановый хозяйственный организм" монополий призван служить интересам всего общества, а не создавать продукт, который "присваивается горстью капиталистов"⁸.

ИСТОЧНИКИ

Введение (с. 3 – 6)

1 Коммунист, 1984, № 7, с. 7.

2 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 368.

3 Разбор работ советских авторов проводится в соответствующих разделах монографии, где рассматриваются те аспекты товарных отношений при империализме, которые в какой-то мере нашли отражение в нашей литературе.

4 См., например: *Harrington M. Decade of Decision. The Crisis of the American System.* N. Y., 1980; *Magaziner I. C., Reich R. B. Minding America's Business. The Decline and Rise of the American Economy.* N. Y., 1982; *Thurrow L. Dangerous Currents. The State of Economics.* N. Y., 1983.

5 Цит. по: Федеративная Республика Германии. М., 1983, с. 68.

Глава I (с. 7 – 58)

1 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 93.

2 Там же, т. 27, с. 312.

3 Там же, с. 315.

4 См. там же, т. 28, с. 47.

5 Там же.

6 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 673.

7 Там же, т. 22, с. 234.

8 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 411.

9 Там же, с. 385.

10 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 642.

11 Подсчитано по: *Fortune*, 30.IV.1984, p. 198.

12 *Moody's Industrial Manual*, 1983, vol. 2, p. 3524, 4513.

13 *Forbes*, 27.IX.1982.

14 См.: *Хмельницкая Е. Л. Очерки современной монополии.* М., 1971; *Рудакова И. Е. Капиталистическая монополия: ее политико-экономическая природа и формы экономической реализации.* М., 1976; *Иванов И. Д. Современные монополии и конкуренция.* М., 1980; *Правоторова Л. А. Монопольная прибыль: видимость и сущность.* М., 1983.

15 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 57.

16 Там же, т. 33, с. 68.

17 См.: *Плегнев Э. П. Космополитизм капитала и интернационализм пролетариата.* М., 1974; *Чибриков Г. Г. Роль современных международных монополий в процессе интернационализации капитала и производства.* М., 1979; *Бункина М. К., Мотылев В. В. Противоречия и конфликты современного капиталистического хозяйства.* М., 1982; *Громыко А. А. Внешняя экспансия капитала: история и современность.* М., 1982.

18 *Fortune*, 30.IV.1984, p. 180.

19 *Oxford Economic Papers (new series)*, March 1977, p. 107.

20 *Ibid.*, p. 115.

21 *Statistical Abstract of the United States*, 1980, p. 571.

22 *Statistical Abstract of the United States*, 1984, p. 551.

23 *Hitotsubashi Journal of Economics*, June 1977, p. 3.

24 *Business Management Practices and Productivity of the American Economy. Hearings before the Joint Economic Committee Congress of the United States.* Wash., 1981, p. 30.

- 25 Newsweek, 28.IV.1980, p. 59.
- 26 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 394.
- 27 Survey of Current Business, October 1983, p. 22, S-22; Business Week, 23.I.1984, p. 16-17.
- 28 Яковлев А. Н. Империализм: соперничество и противоречия. — Правда, 1984, 23 марта.
- 29 Цит по: Коммунист, 1984, № 5, с. 118.
- 30 Ford Annual Report 1983; Moody's Industrial Manual, 1983, vol. I, p. 1447 — 1448; Japan Economic Yearbook, 1981/82, p. 120.
- 31 Industry Week, 14.IV.1980, p. 85.
- 32 Drucker P. Managing in Turbulent Times. N. Y., 1980, p. 96.
- 33 Ibid., p. 99, 106 — 107.
- 34 Galbraith J. K. Annals of Abiding Liberal. L., 1980, p. 18.
- 35 Подробнее см.: Белоус Т. Я. Международные монополии и вывоз капитала. М., 1982, гл. I.
- 36 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 94.
- 37 Statistical Abstract of the United States, 1984, p. 546.
- 38 1972 Census of Manufactures. Concentration Ratios in Manufacturing. Wash., 1975, p. SR2-6 — SR2-46, Tabl. 6; Statistical Abstract of the United States, 1981, p. 793.
- 39 Concentration and Competition Policy. P., 1979, p. 75.
- 40 Федеративная Республика Германии, с. 73 — 74, 76, 96.
- 41 Великобритания. М., 1981, с. 75, 79.
- 42 Подсчитано по: Japan Economic Yearbook, 1981/82, p. 217.
- 43 Япония. М., 1981, с. 86 — 88; Japan Economic Yearbook, 1981/82, p. 120.
- 44 Concentration and Competition Policy, p. 49.
- 45 Правда, 1982, 16 августа.
- 46 Правда, 1981, 3 января; Survey of Current Business. October 1983, p. 22; Fortune, 16.V.1983, p. 146.
- 47 Harvard Business Review, March — April 1973, p. 139 — 140; General Report on Industrial Organization. 1977 Enterprise Statistics. Wash., 1981, p. 301.
- 48 Подробнее см.: Полунина Г. В. Многоотраслевые концерны в системе современного капитализма. М., 1980.
- 49 Harvard Business Review, January — February 1981, p. 78.
- 50 Подсчитано по: General Report on Industrial Organization. 1977 Enterprise Statistics, p. 44 — 45, 114, 270, 271, 301, 309, 331, 360, 376.
- 51 Fortune, 5.V.1980, p. 88 — 96; 30.IV.1984, p. 180 — 190.
- 52 Ibid., 2.V.1983, p. 227.
- 53 См., например: Рудакова И. Е. Указ соч., с. 46; Полунина Г. В. Указ соч., гл. 3, § 1.
- 54 О взаимосвязи большого и малого бизнеса см., например: Рубе В. А. Мелкое и среднее предпринимательство в условиях господства монополий. М., 1978, гл. 2, § 4.
- 55 Подсчитано по: Statistical Abstract of the United States, 1984, p. 532; Economic Report of the President, 1984, p. 220; Fortune, 30.IV.1984, p. 179.
- 56 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 385.
- 57 Там же, т. 38, с. 154.
- 58 Подсчитано по: General Report on Industrial Organization. 1977 Enterprise Statistics, p. 318.
- 59 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 415.
- 60 Там же, т. 31, с. 355.
- 61 Galbraith J. K. Op. cit., p. 59.
- 62 Суру С. Конец японского "экономического чуда". Пер. с япон. М., 1981, с. 132.
- 63 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 444.
- 64 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 445.
- 65 Там же, т. 46, ч. I, с. 24.
- 66 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 409, 419.

- 67 Там же, т. 30, с. 93.
 68 Там же, т. 27, с. 362.
 69 *Загладин В. В.* Современный международный кризис в свете ленинского учения. — МЭМО, 1984, № 4, с. 12.
 70 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 353.
 71 Там же.
 72 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 343.
 73 Statistical Abstract of the United States 1979, p. 572; Statistical Abstract of the United States 1984, p. 764; Fortune, 30.IV.1984, p. 202.
 74 Executive Success. Making it in Management. N. Y., 1983, p. 414 — 435.
 75 Business Week, 22.I.1979, p. 47.
 76 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 342.
 77 *См. Эпштейн С.* Капитал и труд: кризис системы управления человеком на производстве. — Коммунист. 1979, № 4.
 78 Fortune, 23.IV.1979, p. 111.
 79 University of Michigan Business Review, March 1979, p. 4.
 80 См. США: экономические рычаги в управлении промышленными фирмами. М., 1971, гл. VIII; *Минервин И. Г.* США: проблемы управленческих кадров в промышленности. М., 1974; *Эпштейн С.* Капитаны большого бизнеса. М., 1979, гл. 4.
 81 University of Michigan Business Review, November 1977, p. 21.
 82 University of Michigan Business Review, March 1979, p. 4.
 83 Business Week, 10.V.1982, p. 58 — 59, 70 — 71; US. News and World Report. 24.V.1982, p. 59 — 61; International Herald Tribune, 26.V.1984, p. 11.
 84 Business Week, 10.V.1982, p. 58.
 85 Harvard Business Review, May — June 1979, p. 133.
 86 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 15.
 87 Harvard Business Review. Juli — August 1977, p. 53.
 88 University of Michigan Business Review. September 1979, p. 31.
 89 *Galbraith J. K.* The Age of Uncertainty. L., 1977, p. 325.

Глава II (с. 59 — 106)

- 1 См.: *Загладина С. М.* Капиталистическая торговля сегодня. М., 1981, гл. 2, § 1, 2.
 2 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 94.
 3 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 283.
 4 Там же, т. 23, с. 116.
 5 См.: *Хессин Н. В.* В. И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. М., 1968, с. 86 — 90.
 6 См.: *Фаминский И. П.* Современная международная торговля. М., 1981, гл. I.
 7 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. I, с. 91.
 8 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 283.
 9 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 385.
 10 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 26, ч. I, с. 206.
 11 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 80.
 12 Там же, т. 5, с. 83.
 13 Там же, т. 32, с. 145.
 14 Там же, т. 27, с. 381.
 15 Там же, т. 43, с. 170.
 16 Там же, т. 27, с. 396 — 397.
 17 Там же, т. 23, с. 46.
 18 Подсчитано по: Fortune, 30.IV.1984, p. 179 — 181; Statistical Abstract of the United States, 1984, p. 764.
 19 См.: Управление фирмами в Японии. Пер. с япон. М., 1969, гл. VI; *Цуру С.* Указ. соч., с. 229 — 237; Япония, с. 272 — 287.

- 20 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 320.
- 21 Fortune, 30.IV.1984, p. 180.
- 22 In the name of Profit. N. Y., 1973, p. 35.
- 23 Подробно см.: *Меньшиков С. М.* Современный капитализм: от кризиса к кризису. М., 1981, гл. 3.
- 24 См.: Правда, 1983, 17 января.
- 25 Fortune, 4.V.1981, p. 324; 3.V.1982, p. 260; 2.V.1983, p. 228, 251; 22.VIII.1983, p. 170 – 171; 30.IV.1984, p. 180; International Herald Tribune, 11.V.1984, p. 13.
- 26 См.: Известия, 1984, 28 января.
- 27 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 24.
- 28 Там же, ч. II, с. 128, 133.
- 29 Черковец В. Н. Социализм как экономическая система. М., 1982, с. 167 – 168.
- 30 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24, с. 142.
- 31 Там же, с. 156.
- 32 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 318 – 319.
- 33 Подсчитано по: The American Economy in Transition. Chicago – London, 1980, p. 507.
- 34 DUPONT Annual Report 1979, p. 21; Fortune, 30.IV.1984, p. 180; Economic Report of the President, 1984, p. 309.
- 35 Business Week, 1.XI.1982, p. 49.
- 36 Подсчитано по: Statistical Abstract of the United States, 1984, p. 789.
- 37 Solomons D. Divisional Performance: Measurement and Control. N. Y., 1965.
- 38 Vancil R. Decentralization: Managerial Ambiguity by Design. Homewood, 1979.
- 39 Ibid., p. 167 – 183.
- 40 См.: Ленинская теория империализма и актуальные проблемы политической экономии. Под ред. Н. А. Чаглова. М., 1981, с. 124 – 127.
- 41 См., например: *Иванов И. Д.* Международные корпорации в мировой экономике. М., 1976, с. 56; Современные международные монополии. Под ред. Х. Хайнингера, Ю. И. Юданова. М., 1978, с. 216 – 225; Экономика США. Под ред. В. Ф. Железовой. М., 1979, с. 178 – 179; *Белоус Т. Я.* Указ. соч., с. 274 – 275.
- 42 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 368.
- 43 См.: Федеративная Республика Германии, с. 107.
- 44 Harvard Business Review, November – December 1983, p. 150.
- 45 Tang R. Y. W. Transfer pricing practices in the United States and Japan. N. Y., 1979, p. 63.
- 46 Окумура Х. Предпринимательские группы в Японии. – МЭМО, 1984, № 4, с. 73.
- 47 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 227.
- 48 Там же, с. 228.
- 49 Там же, с. 214.
- 50 Там же, с. 215.
- 51 Там же, т. 20, с. 324.
- 52 См. там же, т. 25, ч. I, гл. 5, 6, 7, 11, 12.
- 53 См.: там же, с. 228.
- 54 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 385.
- 55 Там же, с. 317.
- 56 Там же, т. 30, с. 94.
- 57 Там же, т. 27, с. 320 – 321.
- 58 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 155.
- 59 Там же.
- 60 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 173.
- 61 Там же.
- 62 Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. I, с. 119, 122.
- 63 См.: Соединенные Штаты Америки. М., 1982, с. 210; Economic Report of the President, 1984, p. 221.

64 Подробнее см.: *Плетнев Э. П.* О категориях и понятиях теории международных экономических отношений.— Вопросы экономики, 1984, № 2, с. 117 — 120.

65 *Magaziner I. C., Reich R. B.* Minding America's Business. The Decline and Rise of the Economy. N. Y., 1982, p. 169 — 171; *Business Week*, 1.XI.1982, p. 49.

66 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 571.

67 См.: *Рудакова И. Е.* Указ. соч., гл. III.

68 См., например: *Козлов Г. А.* Действие закона стоимости в условиях современного капитализма. М., 1964; Марксистско-ленинская теория стоимости (методологические проблемы). М., 1971, ч. II; *Никитин С. М.* Проблемы ценообразования в условиях современного капитализма. М., 1973; *Толыгин Ю. М.* Товарно-стоимостные формы в системе категорий монополистического капитализма.— О системе категорий и законов политической экономии. М., 1973; *Правоторов Г. Б.* Стоимостные категории и способ производства (проблемы теории и методологии). М., 1974; *Выгодский С. Л.* Современный капитализм (опыт теоретического анализа). М., 1975; *Певзнер Я. А.* Государственно-монополистический капитализм и теория трудовой стоимости. М., 1978; *Лось А. П.* Вопросы теории стоимости и прибавочной стоимости в свете научно-технической революции.— Система производственных отношений капитализма в условиях научно-технической революции. М., 1979; *Иванов И. Д.* Современные монополии и конкуренция. М., 1980; Монополистическое ценообразование. М., 1980; *Рудакова И. Е.* Методологические проблемы теории империализма. М., 1983; *Коган А. М.* В творческой лаборатории Карла Маркса. М., 1983; *Правоторова Л. А.* Монопольная прибыль: видимость и сущность, и др.

Глава III (с.107 — 152)

1 См. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 24, с. 133.

2 Там же, т. 23, с. 10.

3 Там же, т. 24, с. 163.

4 Там же, с. 127.

5 Там же, т. 46, ч. I, с. 391.

6 Там же, т. 23, с. 343.

7 Там же, с. 376.

8 Там же, с. 368 — 369.

9 См. там же, т. 13, с. 5. Подробно о плане экономических исследований К. Маркса см.: *Выгодский В. С.* История одного великого открытия Карла Маркса. М., 1965; *Багатурия Г. А., Выгодский В. С.* Экономическое наследие Карла Маркса (история, содержание, методология). М., 1976; *Коган А. М.* В творческой лаборатории Карла Маркса.

10 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 44.

11 Там же, с. 46.

12 Там же, с. 45.

13 Там же, т. 25, ч. I, с. 481 — 482.

14 Там же, с. 480 — 481.

15 Там же, т. 20, с. 675.

16 Там же, с. 289.

17 Там же, с. 288.

18 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 231.

19 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 290.

20 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 30, с. 281.

21 Там же, т. 31, с. 355.

22 Там же, т. 32, с. 83.

23 См. там же, т. 26, с. 352.

- 24 *Magaziner I. C., Reich R. B.* Op. cit., p. 309.
- 25 *Ibid.*, p. 331.
- 26 Harvard Business Review. May – June 1983, p. 82.
- 27 См., например: *Демин А. А.* Государственно-монополистический капитализм: проблемы, тенденции, противоречия. Л., 1983, гл. VI.
- 28 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 288.
- 29 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 370.
- 30 Там же, с. 94.
- 31 Там же, т. 34, с. 180.
- 32 Там же, т. 27, с. 329.
- 33 Там же, т. 39, с. 67.
- 34 См., например: Государственно-монополистический капитализм: общие черты и особенности. М., 1975; *Осипов Ю. М.* Государственное программирование капиталистической экономики. М., 1979; Государственно-монополистические комплексы. Л., 1979; *Меньшиков С. М.* Инфляция и кризис регулирования экономики. М., 1979; *Федорович В. А.* Американский капитализм и государственное хозяйство. М., 1979; *Маиборода И. Т.* Современный капитализм: собственность, управление, власть. Киев, 1980; Новые тенденции в государственно-монополистическом регулировании экономики главных капиталистических стран. М., 1981; *Мочерный С. В.* Концепции государственного монополистического капитализма (теории огосударствления капиталистической экономики). М., 1982.
- 35 *Hughes J. R. T.* The Governmental Habit. Economic Controls from Colonial Times to the Present. N. Y., 1977; Economic Effects of Government – Mandated Costs. Gainesville, 1977; *Stone A.* Economic Regulation and the Public Interest. Ithaca, 1977; *Nutter G. W.* Growth of Government in the West. Wash., 1978; *Moskow M. H.* Strategic Planning in Business and Government. N. Y., 1978; *Weindenbaum M. L.* The Future of Business Regulation. N. Y., 1979; Britain's Economic Performance. Wash., 1980; Business and Public Policy. Boston, 1980; *Magaziner I. C., Reich R. B.* Op. cit.; *Brown L. D.* New Policies. New Politics. Government's Response to Government's Growth. Wash., 1983; *Thurrow L. C.* Op. cit.
- 36 *Thurrow L.* Op. cit., p. 140.
- 37 Подсчитано по: Manufacturing Activity in Government Establishment. 1977 Census of Manufactures. Wash., 1979, p. 2 – 2; The Economy of 1981: A Bipartisan Look (Proceedings of a Congressional Economic Conference). Wash., 1981, p. 61; Statistical Abstract of the United States, 1982-83, p. 226, 227; Economic Report of the President, 1984, p. 221, 309.
- 38 Statistical Abstract of the United States, 1982-83, p. 352; Economic Report of the President, 1984, p. 7, 221.
- 39 Подсчитано по: *Nutter G. W.* Op. cit., p. 42 – 43; Япония, с. 125, 152, 154.
- 40 См., например: *Johnson Ch.* Japan's Public Policy Companies. Wash., 1978; Япония, с. 127 – 135.
- 41 См.: Великобритания, с. 110, 112, 122, 123, 147.
- 42 См.: Франция. М., 1982, с. 401, 406.
- 43 *Magaziner I. C., Reich R. B.* Op. cit., p. 43, 228, 264.
- 44 *Hughes J. R. T.* Op. cit., p. 5, 203.
- 45 Government Regulation: Achieving Social and Economic Balance. Special Study on Economic Change. Joint Economic Committee, Congress of the United States. Wash., 1980, p. 8 – 9.
- 46 The Economy of 1981: A Bipartisan Look, p. 289, 290.
- 47 *Ibid.*, p. 291.
- 48 The 1981 Economic Report of the President (Hearings before the Joint Economic Committee, Congress of the United States). Part I. Wash., 1981, p. 129.
- 49 *Ibid.*, p. 50.
- 50 *Цуру С.* Конец японского "экономического чуда", с. 97 – 98.
- 51 Япония, с. 165.
- 52 New York Times, 22.II.1981.

- 53 *Johnson Ch.* Japan's Public Policy Companies, p. 23.
- 54 См.: США: военное производство и экономика. Отв. ред. Ю. И. Бобраков, В. А. Федорович. М., 1983, гл. 4.
- 55 *Пономарев Б. Н.* Живое и действенное учение марксизма-ленинизма. М., 1983, с. 70.
- 56 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 289 – 290.
- 57 *The Wall Street Journal*, 19.I.1984.
- 58 *Thurow L.* Op. cit., p. XVIII, 21. О теоретических концепциях и практике государственного регулирования экономики в современных условиях см., например: *Осадчая И. М.* Консерватизм против реформизма. М., 1984, гл. 4; *Кузнецов В.* О двух тенденциях в сфере государственного регулирования экономики стран Западной Европы. – МЭМО, 1983, № 11; *Никитин С. М.* "Рейганомика" и стагфляция. – МЭМО, 1984, № 5.
- 59 *Miller R. L.* Economics Today. N. Y., 1979, p. 705 – 706.
- 60 Критику буржуазных представлений о "смешанной экономике" см.: Критика современной буржуазной политэкономии. М., 1977, с. 33 – 40; *Козлова К. Б.* Идеиные истоки и эволюция концепций "смешанной экономики". – МЭМО, 1984, № 2.
- 61 *Lipsey R. G., Steiner P. O.* Economics. N. Y., 1975, p. 458 – 459.
- 62 *McConnell C. R.* Economics: Principles, Problems and Policies. N. Y., 1978, p. 113.
- 63 *Samuelson P. A.* Economics. N. Y., 1980, p. 43, 44.
- 64 *Ibid.*, p. 780.
- 65 *The AEI Economist*, June 1981, p. 3.
- 66 *The United States in the 1980s.* Hoover Institution 1980, p. 25, 26.
- 67 *The American Economy in Transition*, p. 2 – 3.
- 68 *Thurow L. C.* The Zero-Sum Society. Distribution and the Possibilities for Economic Change. N. Y., 1980, p. 8.
- 69 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 369.
- 70 Там же, т. 24, с. 133.
- 71 *The American Economy in Transition*, p. 671.
- 72 *The 1981 Economic Report of the President.* Hearing before the Joint Economic Committee, Congress of the United States, Part I, p. 45.
- 73 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 359.
- 74 *Business and Public Policy*, p. 26, 30 – 32.
- 75 *Harvard Business Review*, January – February 1980, p. 166.
- 76 *Ibid.*, p. 168.
- 77 *Newsweek*, 5.V.1980, p. 13.
- 78 *Business and Public Policy*, p. 106.
- 79 *Galbraith J. K., Salinger N.* Almost Everyone's Guide to Economics. Boston, 1978, p. 43.
- 80 *Fortune*, 24.III.1980, p. 149 – 150.
- 81 См.: *Шемятеков В.* Консерваторы и либералы: две стратегии спасения капитализма. – Коммунист, 1982, № 13; *Мочерный С. В.* Концепции государственно-монополистического капитализма. М., 1983, гл. IV.
- 82 *Thurow L. C.* The Zero-Sum Society, p. 24.
- 83 *Galbraith J. K.* The New Industrial State. Boston, 1978, p. XXI.
- 84 *Drucker P.* Managing in Turbulent Times. N. Y., 1980, p. 16.
- 85 *Economic Report of the President*, 1983, p. 51, 145.
- 86 *Setting National Priorities. Agenda for the 1980s.* Wash., 1980, p. 5.
- 87 *Harvard Business Review*, March – April 1979, p. 102.
- 88 *Drucker P. F.* The Changing World of the Executive. N. Y., 1982, p. 61.
- 89 *Ibid.*, p. 93.
- 90 *The 1981 Economic Report of the President.* Hearings before the Joint Economic Committee, Congress of the United States. Part I, p. 51, 52, 128, 129.
- 91 *The 1982 Economic Report of the President.* Hearings before the Joint Economic Committee, Congress of the U. S. Part I. Wash., 1982, p. 4.

- 92 Ibid., p. 9.
 93 *Harrington M.* Op. cit., p. 71, 203, 209, 210.
 94 *Magaziner J., Reich R.* Op. cit., p. 63, 378.
 95 Ibid., p. 380.
 96 Economic Report of the President, 1984, p. 111.
 97 Economic Choices 1984. Wash., 1984, p. 146 – 151.
 98 *Thurow L.* Dangerous Currents. The State of Economics, p. 189 – 190.
 99 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 343.
 100 Карл Маркс и современность. М., 1983, с. 38.

Глава IV (с. 153 – 192)

- 1 Statistical Abstract of the United States, 1984, p. 532.
 2 Fortune, 30.IV.1984, p. 180.
 3 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 322.
 4 Там же, с. 320.
 5 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 51.
 6 Там же, с. 84.
 7 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 86 – 87.
 8 Характеристика товарного производства как производства обособленных товаропроизводителей, связанных общественным разделением труда, в последнее время утвердилась как в учебной, так и в справочной литературе. Об этом см., например: Курс политической экономии. Под ред. Н. А. Цаголова, т. I. М., 1973, с. 135; Политическая экономия, т. I. М., 1976, с. 53 – 55; Экономическая энциклопедия. Политическая экономия, т. 4. М., 1980, с. 136; Политическая экономия (словарь). М., 1983, с. 439.
 9 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 772.
 10 Архив Маркса и Энгельса. Т. 2 (VII). М., 1933, с. 185.
 11 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 177.
 12 Там же, т. 34, с. 172.
 13 Там же, т. 27, с. 311 – 312.
 14 Там же, с. 320.
 15 Там же, с. 357.
 16 Там же, с. 322.
 17 Там же, с. 425.
 18 См. там же, с. 396 – 397.
 19 См., например: *Козлов Г. А.* Действие закона стоимости в условиях современного капитализма, с. 137 – 138, 387; *Хессин Н. В.* В. И. Ленин о сущности и основных признаках товарного производства. М., 1968, с. 146 – 165; Действие экономических законов капитализма в современных условиях. Под ред. Л. С. Микша. М., 1978, гл. I; *Чибриков Г. Г.* Роль современных международных монополий в процессе интернационализации капитала и производства, гл. 2, § 2; *Афанасьев Вл. С.* Великое открытие Карла Маркса. М., 1980, с. 216; *Цаголов Н. А.* Вопросы методологии и системы политической экономии. Избранные произведения. М., 1982, с. 77, 104 – 106, 118, 475 и др.; *Черковец В. Н.* Социализм как экономическая система, с. 134 – 136, 176; *Рудакова И. Е.* Методологические проблемы теории империализма, гл. 6; МЭМО, 1983, № 6, с. 71 – 73, 88 – 89, и др.
 20 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 376.
 21 Там же, с. 367 – 368.
 22 Там же, с. 51.
 23 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 444.
 24 Там же, т. 27, с. 425.
 25 См. там же, с. 311.
 26 Подсчитано по: General Report on Industrial Organization (1977 Enterprise Statistics). Wash., 1981, p. 236 – 237.
 27 См., например: Financial Executives Handbook. Homewood, 1970.

Part IV; *Moore F. G., Hendrick Th. E.* Production/Operations Management. Homewood, 1980.

28 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 28, с. 171.

29 Там же, т. 33, с. 68.

30 *Galbraith J. K.* The New Industrial State, Parts I, XV – XVII, XXIII – XXIV, XXVII, XXIX, XXXV.

31 См., например: *Куликов В. В.* Становление социалистических производственных отношений. М., 1978, с. 21 – 46; *Цаголов Н. А.* Вопросы теории производственных отношений социализма. М., 1983, с. 42 – 66.

32 См., например: *Меньшиков С. М.* Современный капитализм. Краткая политэкономия. М., 1974, с. 43, 44; *его же.* Инфляция и кризис регулирования экономики, с. 21, 71; *его же.* Современный капитализм: от кризиса к кризису, с. 44 – 45; *Цаголов Н. А.* Вопросы методологии и системы политической экономии, с. 106 – 107, 118 и др.; *Правоторова Л. А.* Монопольная прибыль: видимость и сущность, с. 110 – 111; *Энтов Р. М.* Проблема кризисов и циклов в работах К. Маркса. – МЭМО, 1983, № 6, с. 67, 68, и др.

33 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 468.

34 *Цаголов Н. А.* Вопросы теории производственных отношений социализма, с. 139.

35 См.: Государственно-монополистические комплексы, с. 9, 19.

36 *Moskow M. H.* Strategic Planning in Business and Government, p. 4, 26 – 27, 30, 38.

37 Harvard Business Review, July – August 1983, p. 110.

38 *Ibid.*, May – June 1983, p. 75 – 82.

39 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 334; т. 34, с. 166.

40 *Moore F. G.* Production/Operation Management, p. 335.

41 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 539.

42 *Sloan A. P.* My Years with General Motors. N. Y., 1964, p. 148.

43 Government Regulation; Achieving Social and Economic Balance, p. 3 – 4.

44 *Weidenbaum M. L.* The Future of Business Regulation, p. 19 – 20.

45 *Brown L. D.* New Policies, New Politics: Government's Response to Government's Growth, p. 34.

46 *Ibid.*, p. 35.

47 Economic Report of the President, 1979, p. 7.

48 *Меньшиков С. М.* Инфляция и кризис регулирования экономики, с. 139.

49 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 24, с. 275.

50 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 46.

51 См. там же, т. 31, с. 444.

52 О планомерности при империализме см., например: *Далин С. А.* США: послевоенный государственно-монополистический капитализм. М., 1972, с. 465 – 474; *Толыпин Ю. М.* Товарно-стоимостные формы и категории монополистического капитализма. – В кн.: О системе категорий и законов политической экономии. Под ред. Н. А. Цаголова, с. 246 – 251; *Плетнев Э. П.* Космополитизм капитала и интернационализм пролетариата, с. 15 – 16 и др.; *Драгулев М. С.* О соотношении анархии и планомерности в экономике современного империализма. – Вестн. МГУ. Серия VII. Экономика, 1975, № 6, с. 3 – 15; *Федоров В. П.* Национальная экономика в мировом капиталистическом хозяйстве. – Изв. АН СССР. Серия экономическая, 1978, № 4, с. 113, 114 и др.; *Кузнецов В.* Кризис системы регулирования капиталистической экономики. – МЭМО, 1979, № 8, с. 67, 70; *Осадчая И.* Политика экономического роста: новое в американских концепциях регулирования. – МЭМО, 1979, № 9, с. 61, 62; *Савинов Ю. А.* В погоне за сверхприбылью (Экономическая стратегия монополий на мировых рынках в условиях научно-технической революции). М., 1980, с. 164 – 174.

53 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 601.

54 *Fortune*, 30.IV.1984, p. 179, 202.

- 55 *Drucker P. F. Managing in Turbulent Times*, p. 26.
 56 *Drucker P. F. The Changing World of the Executive*, p. 95.
 57 См., например: Частная собственность в капиталистических и развивающихся странах. Л., 1982, с. 23; *Рудакова И. Е. Методологические проблемы теории империализма*, с. 144.
 58 *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 27, с. 350.
 59 Там же, с. 95, 323.
 60 *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 23, с. 770.
 61 *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 27, с. 323 – 324.
 62 Там же, т. 30, с. 93.
 63 Там же, т. 27, с. 419.
 64 См., например: *Шишков Ю. В. Капиталистическая экономика без компаса*. М., 1981.
 65 *Economic Report of the President, 1984*, p. 343.
 66 *The Economy of 1981: A Bipartisan Look...*, p. 26.
 67 *Fortune*, 2.V.1983, p. 227.
 68 *The Economy of 1981: A Bipartisan Look...*, p. 16.
 69 Проблемы мира и социализма, 1983, № 9, с. 52, 53.
 70 Проблемы мира и социализма, 1982, № 3, с. 66.
 71 *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 27, с. 394.
 72 США: военное производство и экономика, с. 48.
 73 *The Modern Corporation and Social Responsibility*. Wash., 1972, p. 34.
 74 *Business Week*, 1.XII. 1982, p. 26 – 27.
 75 *Government Regulation: Achieving Social and economic Balance*, p. 104.
 76 *Statistical Abstract of the United States, 1984*, p. 481.
 77 *The 1982 Economic Report of the President. Hearings before the Joint Economic Committee, Congress of the United States*. Wash., 1982, Part 2, p. 584.
 78 *Ibid.*, p. 621.
 79 *Ibid.*, p. 625.

Заключение (с. 193 – 196)

- 1 *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 37, с. 248.
 2 Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 14 – 15 июня 1983 года. М., 1983, с. 24.
 3 *Bhide A. Beyond Keynes: demand-side economics.* – *Harvard Business Review*, July – August 1983, p: 108.
 4 *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 46, ч. II, с. 156.
 5 *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 27, с. 314 – 315.
 6 *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 46, ч. I, с. 102.
 7 *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 30, с. 95.
 8 См. там же, т. 23, с. 46.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Становление и развитие системы господства большого бизнеса	7
1. Капиталистическая монополия – ядро системы	–
2. Сфера влияния – мировое капиталистическое хозяйство	20
3. Многоликость монополизации	31
4. Опора большого бизнеса	44
Глава II. Рынок и большой бизнес	59
1. Природа рынка и его эволюция	–
2. Новое в формировании структуры общественного производства	65
3. Внерыночные формы обмена	74
4. Общее и особенное в ценообразовании	88
Глава III. Капиталистическое хозяйствование и современное буржуазное государство	107
1. Углубление противоречий капиталистического хозяйствования	–
2. Большой бизнес и государство: брак по расчету	123
3. Кризис регулирования и тупики “экономикса”	138
Глава IV. Развитие процесса обобществления и подрыв товарного производства при империализме	153
1. Капиталистическое товарное хозяйство в современных условиях: видимость и сущность	–
2. Монополистическое господство – орудие эксплуатации	163
3. Аппетиты большого бизнеса и рост реакционности империализма	180
Заключение	193
Источники	197

Пороховский А. А.

П59 Большой бизнес: путь к господству: (Империализм и товарные отношения). — М.: Мысль, 1985.— 207 с., табл.
95 к.

В чем суть господства большого бизнеса— современных крупнейших концернов? Кто его "помощники" и "противники"? Какова при этом роль рынка и буржуазного государства? Какие общественные отношения подчиняет он себе в схватке за прибыли? Ответы на эти актуальные вопросы содержатся в книге. Особое внимание уделено раскрытию несостоятельности буржуазных концепций о путях "совершенствования" механизма функционирования государственно-монополистической экономики.

П 0603000000-066
004 (01)-85 95-85

ББК 65.011.7
33.041

Анатолий Александрович Пороховский

**БОЛЬШОЙ БИЗНЕС:
ПУТЬ К ГОСПОДСТВУ**

(империализм и товарные отношения)

Заведующая редакцией Т. А. Воскресенская

Редактор Л. А. Козлова

Младший редактор И. С. Карякина

Оформление художника А. В. Кузнецова

Художественный редактор А. И. Ольденбургер

Технический редактор-Л. П. Гришина

Корректор Г. С. Михеева

Оператор наборно-печатающего автомата

О. И. Матюшенко

ИБ № 2793

Набор текста произведен в издательстве "Мысль" на наборно-печатающем автомате. Подписано в печать 14.12.84. А 10115.

Формат 84x108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура "Пресс-Роман". Офсетная печать. Усл. печатных листов 10,92.

Усл. кр.-отт. 11,13. Учетно-издательских листов 14,01.

Тираж 13 000 экз. Заказ № 1240 . Цена 95 к.

Издательство "Мысль".

117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, Хохловский пер., 7.

БОЛЬШОЙ БИЗНЕС: ПУТЬ К ГОСПОДСТВУ

В чем суть господства большого бизнеса — современных крупнейших концернов? Кто его "помощники" и "противники"? Какова при этом роль рынка и буржуазного государства? Какие общественные отношения подчиняет он себе в схватке за прибыли? Ответы на эти актуальные вопросы содержатся в книге. Особое внимание уделено раскрытию несостоятельности буржуазных концепций о путях "совершенствования" механизма функционирования высокоразвитой государственно-монополистической экономики.

«МЫСЛЬ»

БОЛЬШОЙ БИЗНЕС: ПУТЬ К ГОСПОДСТВУ

А. А. Пороховский